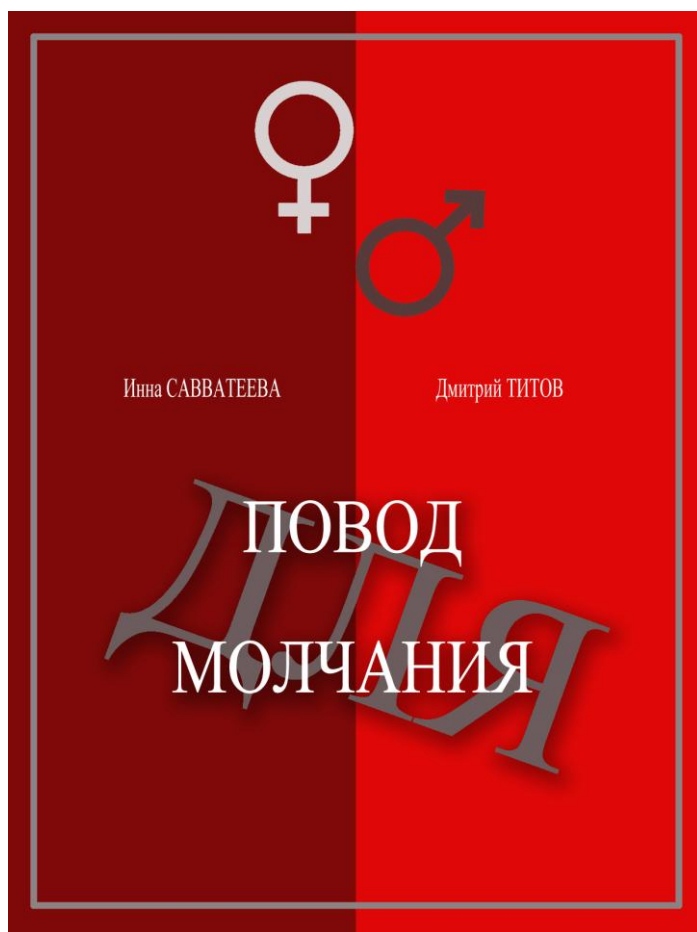

Почти через два десятилетия после случайной ночной встречи в Петербурге мужчина и женщина начинают общаться. Теперь они живут в разных странах. Посредством электронной почты они обмениваются письмами, и их отношения из раздражения и ненависти перерастают в совершенно неожиданные чувства. Перипетии сложны.

Инна САВВАТЕЕВА, Дмитрий ТИТОВ.

ПОВОД ДЛЯ МОЛЧАНИЯ.

6 сентября. ♀

Здравствуйтесь, уважаемый народом писатель!

Пишет Вам почитательница Вашего таланта, которая вот уже многие годы внимательно следит за Вашим творчеством. Возможно, мое письмо, как и многие другие, улетит тотчас в мусорную корзину, но, может, и застрянет где-нибудь в разделе «письма под вопросом». И тогда у меня есть надежда, что Вы его прочтете. В первый раз. Потому что пишу я Вам уже в третий раз. Первые мои письма, видать, постигла участь несчастливая.

Письмо я пишу потому, что прочитала последний Ваш роман, который, как и все остальные, вызвал фурор и настоящую истерию в России. Но не только в России, но и в Германии, где я живу последние 15 лет. Возможно, во всей Германии он и не очень известен, а вот я несколько ночей не спала, прочитав Ваш новый шедевр. Может, это вовсе и не шедевр. Меня заделали там некоторые факты. Вы пишете: «... мы прошли в мою квартиру на пятом последнем этаже старого питерского дома, еще живущего традициями давно ушедшего патриархального XIX...» Здесь пропускаю. Потом Вы описываете эту свою квартиру во всех деталях и подробностях. Замечу, что память стала Вас подводить: ваза, в которую Вы поставили цветы, не стояла на этажерке справа рядом с портретом

Вашей матери. Может, ваза и была, но цветов не было. Потому что вошли мы в Вашу квартиру слегка пьяные, а цветы по дороге вы кинули в урну с примечанием: «Замордовали поклонницы!» И не говорили Вы фраз типа: «Милая, ты приятна мне!» Я напомню, что Вы говорили: «Давай быстрее. Хочу спать». А потом, если позволите напомнить, Вы сказали мне: «Давай, девочка, иди. Иди-иди поскорее! Я привык просыпаться один. И чтобы мне никто не мешал». Не было этого Вашего романного «С добрым утром!» и кофе в постели.

Я, может быть, и этот роман бы «переварила» как все остальные, если бы не эти сцены. Только я хочу сказать, что жизненный финал выглядит совсем по-другому. А именно: через три месяца я позвонила Вам и сказала, что у меня будет ребенок. Ваш. Вы мне сказали что-то типа: «Ты мне роди, а я перезвоню!» Мне было 18. Я не стала больше Вам звонить. Сейчас моей-Вашей дочке тоже 18. И единственное, чего я боюсь, — чтобы не повторилась моя история. Но от этого я постараюсь ее уберечь.

А для чего пишу после стольких лет молчания? Да просто из женского любопытства: есть у Вас в жизни что-то, что цепляет Вас за нее, кроме романных выдуманных историй?

С большим уважением,
знаток Вашего творчества.

17 сентября. ♂

Ты - Людмила, насколько я помню. Чёрненькая. Или беленькая. А что ж ты не подписала письмо? Знаток моего творчества! По-моему, ты недостаточно полно ответила на поставленный тобой же вопрос: «Зачем я Вам пишу?» Люся, я думаю, ты чего-то хочешь. Или ты Лида? Поверь, меня не разжалобить такими письмами, ничего не подделаешь – опыт. И я знаю, чего ты хочешь. Вы все этого хотите. Так или иначе, бездарно или изобретательно, пошло или с благородным видом, прямо или косвенно вы хотите денег! А если повезет – еще и славы кусочек. С моего натруженного плеча!

Я обычно не отвечаю на такие письма, поверь, Маша, вас много, очень много. Но тебе вот отвечу! Потому что достали!! Вот тебе одной за всех и отвечу! Сколько раз я из-за таких, как ты, Нина, электронный адрес менял! Или ты Лариса?!

Все вы – жадные и жалкие! Одинокие и похотливые! Неискренние лицемерки, и каждая со своими проблемами! Каждая со своей слезой! Если я не отвечу, будете домогаться какого-нибудь певца или актера. Впрочем, сейчас, Маруся, банкиры в моде! Олигархи, вороватые депутаты, а еще представители ВПК и прочие люди с погонями. Причем в годах!! На лейтенантов-то безусых не кидаетесь! Как же, с ними надо по стране помотаться, в нищете! А вам сразу стабильность подавай, метраж, дачу, кабриолет и карманные деньги для шопинга! Я угадал, Светочка?! Или ты у нас Виолетта? Да ты даже представить себе не можешь, сколько раз за всю мою жизнь мне на зеленой сопле сообщали о моих детишках, героически выращенных в одиночестве прекрасными скромными женщинами!! Которые, якобы, утаили от меня свою беременность с одной только благородной целью – не отрывать меня от моего священного творчества! Поверь, Ангелина, наслушался! Поначалу даже дергался, волновался, кидался помогать, угрызая совесть! Теперь нет. Переоценка ценностей произошла! Девальвация личности слабого пола! Из-за тебя, дорогая Танечка! Из-за тебя и таких же, как ты – слабых, подлых, изобретательных, обделенных судьбой и совестью теток.

Мне не жалко тебя. И зла на тебя тоже не держу. В письме своём ты постаралась напустить розового туману, романтики крошить. Ну, что ж, потрудились, и то хорошо! Значит, не окончательный халявщик на сей раз.

Ну, и прощай!

18 сентября. ♀

У меня нет длинного кривого носа, поэтому меня зовут точно не Сара, у меня нет и курносого носа, поэтому меня вряд ли зовут Светочка. Вот если бы меня раздвоить... и одна моя половина могла бы стоять на одной стороне улицы и смотреть на свое отражение на другой ее стороне, то кто-то (я, моя половина или все окружающие) отметили бы уверенность и элегантность этой крылатой женщины, парящей неподалеку

от них. Во мне есть страсть Юдифи-прародительницы и жестокость Саломеи, мстящей за неотвеченную любовь. Но самое главное – во что Вы не поверите и сейчас цинично и громко рассмеётесь - мне действительно от Вас ничего не надо. Мне не надо вашего разошедшегося паркета в прихожей и треснувшей раковины в грязноватой ванной комнате. Ваших мутных стаканов, к которым Вы периодически прикладывались. Там была водка. Холодная. А моя рука – горячая. И я помню, как Вы коснулись ее, и у меня потемнело в глазах. Если бы мне и захотелось что-то вернуть, повторить, то вот это потемнение. Но не то прозрение, которое ждало меня за порогом Вашего, как мне казалось тогда, элитарного богемного невероятно прекрасного дома.
Мне не нужен ответ.

Я была чрезвычайно удивлена, получив это почти яростное извержение уже немолодой желчи на Танечек, Светочек и Ангелин. Это значит, возраст настиг и Вас, значит, по утрам Вам не хочется вставать с кровати, потому что ноет где-то в плече. А вечером, когда вы лежите в своей кровати, в голове бегают шальные мысли о том, что неплохо было бы, если бы сейчас к Вам кто-то вошел с пресловутым стаканом воды.

Вы – такой же, как все. И вас ото всех отличает только то, что все эти годы где-то над Вами висит фонарик, излучающий невероятно теплый свет. Это он не дал мне убить человечка, которого я разрешаю себе назвать и Вашей дочерью. И не даю этого права Вам: назвать ее своей дочерью.

А так... прощайте. Но знайте, фонарик над вами горит...
Посмевающая назвать себя знатоком Вашего творчества.

20 сентября. ♂

Ты, смешная, Юдифь. Не думал, что ты опять бросишься писать мне письма, неугомонная. Наверное, ты глупая. Или богатая, и тебе просто нечем заняться. Нет, скорее, глупая. На ночь глядя, я аплодирую твоим попыткам меня взволновать! А может быть, у тебя просто литературный зуд? Читателя таланта ищешь? «Одна моя половинка на одной улице, вторая – на другой...» Брось ты эту расчленёнку, Софья, будь проще! «Крылатая женщина»! Насколько я помню, Пегас был жеребцом. Впрочем, творите. Вам можно.

Твоё мыло, Елизавета, застало меня в благодушном настроении. Лимончик, австралийская водка и самолично поджаренная картошка с грибным соусом, тоже, заметь, авторским – это довольно хорошо. Налей и себе немножко чего-нибудь и расслабься. Курносые, кривоносые, треснувшие унитазы, паркет не тот – о чем ты, дева? Ты глупа, наверное, оттого, что хочешь замуж. Найди себе улыбчивого тракториста, или брокера, или таксиста на худой конец! А меня – не трогай. И не пытайся разозлить, поверь, это сложно.

Да, я одинок. И иногда хочется семейного уюта. Но я уже столько раз создавал такой уют на бумаге - росчерком пера! Для вымышленных людей! Я пресытился, не удивляйся. Мой мозг, моё воображение даёт мне любой уют – на выбор. «Некому стакан воды подать!» Ну, это же банальщина, Саломея! Нехорошо.

Фонарик. Вот про фонарик не понял. А! Это, видимо, одушевлённый фонарик. Это наша с тобой дочурка, видимо. На самом деле, это, по твоей мысли, не фонарик, а зенитный прожектор, яростно высвечивающий метастазы в моей преступной совести! Так что ли? Плавали, знаем! Нет, Юдифь, ты просто глупа. Какая-нибудь нормальная Наташка на твоём месте уже давно бы прислала мне фотографию моей дочурки! Представляю! Гляжусь в эту фоту, как в зеркало!! Только косички с бантиками, а так – ну просто я в четыре года! Вылитый! И тут же слёзы раскаяния! Ручьями! И я с рыданиями умоляю эту Наташку сообщить адрес, хватаю такси, лечу в аэропорт, глотаю валидол в бизнес-классе, запивая его коньяком – и вот она, наконец, заветная встреча! Объятия, моё сердце не выдерживает радостного потрясения, инфаркт, реанимация, они ко мне в палату вдвоём - с цветами и яблоками, свадьба, метраж, дача, кабриолет, карманные деньги на шопинг!

Скучно, Юдифь.
Не пиши мне больше.

24 сентября. ♀

Уважаемый литератор!

Написала я вам тут кучу писем, уничтожила, потом родилась другая кучка поменьше, и ее тоже не стало. И думала я не писать вам совсем. Почти как вы просили. Но это значит - идти на поводу у мужчин. Но меня на поводок прицепить трудно, почти невозможно. Сегодня любое пожелание любого мужчины возбуждает во мне цунами противоречия. Просто так! Я сейчас не буду вам писать много. Я просто позволю себе напомнить Вам один небольшой эпизод из Вашей жизни. Времени прошло не очень много, гораздо меньше четверти века, поэтому, думаю, Вы не забыли. Концертный зал Малого зала Консерватории, по-моему, имени Глинки. В Ленинграде. Концерт фортепианный. Рахманинов в программе. И Вы в фойе подписываете книгу: "Гениальной исполнительнице от почитателя таланта". Это мне. И эта книга лежит у меня сейчас на столе. И именно она стала поводом для моего первого письма, потом второго и третьего. На которые Вы так мне и не ответили.

Так вот теперь прощайте, дорогой мой литератор.

25 сентября. ♂

Боже! Я помню тебя!

...Славлю компьютер и его создателей! Когда можно уничтожить всё написанное и переписать заново. Ты не поверишь, я написал тебе четыре страницы! Бесплатно! Хотя это не важно, прости. Просто шесть лет назад за четыре страницы моего текста, ты не поверишь, мне заплатили миллион! Чешских крон, но всё равно, довольно достойно.

Так это ты! Прости, не помню твоего имени, и еще раз прости за то, что обращаюсь к тебе на ты. Хочу заметить, что в тех четырех страницах, которые я решил уничтожить, я обращался к тебе на Вы.

Итак! Я не знаю, как тебя зовут. Не помню. И я до сих никак не могу объединить в единую персону трёх девочек, с одной из которых я переночевал в своей холостяцкой квартире сто лет назад, со второй - с шикарной, лучезарной пианисткой, залепившей моё сознание Рахманиновым, и с третьей - вот непосредственно теперь с той, которая меня шантажирует пелёнками! Которые я должен был бы и постирать, как потенциальный отец! Не знаю.

Не знаю. Я подустал обвинять тебя в настойчивости и напористости. И в кокетстве! Наверное, я не очень прав. Да, я виноват по жизни! Имею право на вину и на грехи, как и любой смертный! Да, я смертный, со всеми своими грехами и пороками, но я велик! И что ты предлагаешь с этим делать?! Да, я великий дурак! Но ты – великая дура! Ты могла бы, при уме, осчастливить и меня (если следовать твоей версии), и себя, если опять же следовать... Если бы я поверил! Пришли мне фотографию дочери! Ты должна это сделать! Просто обязана! Я написал тебе об этом довольно убедительно! На четырёх...

Хотя ладно. Расскажи о себе. Ты же всё равно предложишь торг! Или нет. Пришли для начала концерт Рахманинова в твоём исполнении. Я угадаю полёт твоих пальчиков по клавишам!

Пришли! Вот пришли! Я не прошу прислать мне твой адрес или телефон, но уж ты теперь, пожалуйста, не умолкай! Умоляю!

И запомни! У меня связи! Если не ответишь, я найду тебя везде! Найду вас везде! В любом случае! И тогда тебе не поздоровится! Именно тебе!

29 сентября. ♀

Вот я и дождалась «прости». Не знала, не думала, что я это услышу, прочту. Не заплакала. Просто глухая волна поднялась где-то внутри и стала душить. Хотите, я заплачу Вам 6 миллионов крон? Не знаю, сколько это сейчас в еврах. За то, что Вы тихо произнесли «прости». Тихо ли? Или мне так хочется, чтобы именно тихо?

Я представляю, как Вам это трудно, как Вам непросто было переступить порог своей гордыни, прочно поселившейся в том месте, которое у русских называется душой. Наверное, я слишком настойчива и на самом деле лишь хотела услышать это нечаянное,

наполненное напускной грубостью «прости». И еще мне понравилось ваше «дурак». «Дурак» происходит от тюркского - «dura», то есть «стоп». Вы это и сделали - остановились. И впервые задумались. Меня это грустно порадовало.

У Вас закончилось время ураганов. Я слышу это по ноткам Вашего голоса. И Вас совсем скоро настигнут воспоминания. Вы вспомните. Вы всё вспомните. Вы уже начали это делать в последнем романе. Даже не заметив этого.

А чтобы воспоминания были более конкретными, я вышлю Вам вот эту ссылку в Интернете. Это я. Не в Ленинграде. И позже на восемь лет. Но это тот же самый концерт Рахманинова.

<http://www.youtube.com/watch?v=tVuP1BjbhAg>

30 сентября. ♂

Время ураганов закончилось. Как верно ты это подметила. Нет, я не стар. Я в поре активной зрелости, девочка моя.

Ты прекрасная пианистка. И потрясающая женщина. С длинными пальцами и одухотворенным лицом. Валентина. Конечно, Валентина. Валя. Не верится, что тогда, почти 20 лет назад, это ты была рядом со мной на моём холостяцком диване. И это тебе я сказал «Иди девочка, я люблю просыпаться один». Я понимаю степень твоей обиды. Но, наверное, всё было так, как и должно было быть. Что теперь искать виновных. Я воспринял тебя девочкой на одну ночь. Виноват? Нет. Ну, пофлиртовал, вскружил голову, но я ведь мужчина. Нам это можно в принципе. Меня удивляет, что я не вспомнил в тебе ту девочку, когда подписывал тебе свою книгу. Но это ведь было гораздо позже, спустя лет 10 или 12. Я, правда, тогда волновался, потому что был очарован и игрой твоей, и глазами, и чем-то еще – удивительным выражением лица. Да, ты ведь тогда знала про нас то, о чем я не мог догадываться! Ты взяла книгу, посмотрела на меня с какой-то странной улыбкой и ушла, не поблагодарив и не попрощавшись. И у меня не было мысли тебя окликнуть. Там, в фойе, была куча народу, жаждавшего мой автограф. И вокруг тебя суетились твои почитатели! И ты расписывалась на их программках, всё с той же непонятной мне улыбкой. И взглядывала в мою сторону какими-то совершенно непонятными мне глазами.

Ты тогда очаровала меня. Я помню это точно. И хотел еще раз сходить на твой концерт. Но вот что-то помешало. Потом видел твои блистательные фотографии в каком-то, не помню, журнале. И всё те же глаза. Цветы, улыбка, толпа. У тебя сейчас всё те же глаза?

Что-то я стал сентиментален.

А может быть, ты меня искусно надуваешь, лапушка?

Ну, прояви себя как-нибудь! Я обещаю больше не обзывать.

Жду!

30 сентября. ♀

Отказ правдив бы был
В любом своем обличье,
Когда бы он застыл
Молчаньем безразличным.

А так он снова стал
Синонимом признанья,
Как только засверкал
От знаков восклицанья!

Я это написала когда-то. После концерта какого-то. После того, как собраны все цветы в гримёрке, народ разошелся, и надо было ехать домой. В душе в такие минуты –

пустота. Просто выжженная пустыня.

Я сегодня играла.
Я сегодня - на сцене.
Черный зал.
Лиц не видно.
И ты - на помосте.
Освещенном погосте
В двух частях
Плюс антракт
Между криками «Браво».
И капрично на «бис»...
А потом одиночество
В шумной гримерке.
Фальшь поклонов, улыбки
И цветы – символ смерти.
И холодная капля
усталого пота
Вниз течет.
Я сегодня была казнена...

Я много работаю. И работала всегда. У меня длинные пальцы. Если бы в них было дело! Я, наверно, красивая. Не знаю, привыкла к своей внешности, начинаю замечать морщинки на лбу и тонкие ниточки-лапочки у уголков глаз. Только зовут меня не Валентина. И обиды у меня нет. На кого обижаться? На ту девочку-глупышку? На Вас? За что? За то, что встретился признанный талант с талантом неопознанным? А моя странная улыбка надевается с выходом на сцену и снимается после концерта. Мне ничего от Вас не нужно.

30 сентября. ♂

Не Валентина.

Мне хотелось бы быть твоим личным реквизитором. Или костюмером. В общем, тем, кто надевает на тебя твою улыбку. Или снимает её. Я прослушал Рахманинова в твоём исполнении 935 812 раз. Шучу. Хотя ловлю себя на том, что мне не до шуток. Может быть, ты обвинишь меня (и оптом всех мужиков заодно) в некоторой торопливости, но я, наверное, слишком рационален. Предлагаю: давай встретимся, поглядим друг на друга и, может, поженимся. И будем жить втроём, с твоей малышкой! Которая будет нашей малышкой! Я не возражаю! Мне кажется, что ты мне очень нужна. У тебя пустота! А у меня какая пустота! Ты бы знала! Давай заполним друг друга! Я не брежу, я выпил совсем чуть-чуть. Давай будем друг для друга!

Да, я не совершенен, я это знаю. Ну, сделай меня лучше! У тебя прекрасные стихи. Грустные только. У меня тоже.

Пусто стало у злодея
там, где мы храним молитвы.
Видно, в час бознакадашный
ветхий храм осиротел.
Сорван крест. Черны иконы,
будто после жаркой битвы,
и взопревшие святые
в купола глядят со стен.

Тебе от меня ничего не надо – я в это не верю. А зачем ты тогда всё это, зачем писала? Значит, что-то всё-таки нужно было? Или так только – гордыню в масле испукать!

Не суди, извини за грубость, я не хочу тебя обидеть, я хочу, чтобы ты продолжала отвечать на мои письма. Я жду их каждый день, Невалентина. Пожалуйста!

3 октября ♀

Моей малышке, если Вы умеете считать – 18 лет. Сегодня. В день единства Германии. По этому поводу в этой стране – всегда выходной день. Все так удачно совпало. Совсем скоро она уйдет из дома. К моему сожалению. Так принято у нас здесь. Дети улетают из гнезда при первой возможности. Хотя она была, есть и останется для меня навсегда детенышем, чья колыбелька стояла у левой педали рояля, на котором я готовила программу для конкурса. Попедалю-покачаю. Она почти никогда не плакала. Рахманинов и компания заглушали ее младенческие переживания по поводу отсутствия мамы и неприсутствия всех прочих важных лиц в ее начинающейся жизни. Все быстро привыкли к тому, что ребенок мой – либо в рюкзаке за спиной, либо – в люльке у рояля. И только мой профессор, который когда-то в начале моей беременности сильно испугался, увидев изменившие меня округлости, потом, когда она появилась на свет и поселилась жить в консерватории, лишь украдкой смахивал слезу и спрашивал: «Почему она не плачет?» Но никогда не посмел спросить, плачу ли я.

Я не плакала.

Я не умею плакать.

Когда ей было лет десять, она узнала, что мужчина, который живет с нами – не ее отец. Ей была подарена такая версия о том, что случилось:

Ты быстро ехал, а потом взлетел,
Твой черный «порше» превратился в птицу,
Пытался не упасть, он так хотел
Колесами за воздух зацепиться.

Мой милый мальчик, нежный мой скрипач
С руками Бердсли и душой поэта
Ты гениально приручил меня... палач
потом оставил, перебравшись в Лету.

Ты завещал мне ноты и пюпитр,
еще немного, ну, совсем чуть-чуть дыханья.
На шее... где-то сзади... поцелуй,
тепло последнего вечернего свиданья.

Когда-нибудь я точно так же сяду
В автомобиль, поеду быстро-быстро,
Потом взлечу и, превратившись в птицу,
Увижу место - рядом приземлиться.

3 октября. ♂

Едва дождался твоего письма. Думал, свихнусь. Впрочем, может, уже и свихнулся, просто не заметил. Да. Скорее всего, я уже и придурок.

18 лет малышке. Да, ты ж говорила. То есть, это уже дама. Хорошенькая? Да нет, это я просто так, не слушай меня. И это моя дочь! Моя дочь. Как непривычно это словосочетание произносится. И имени её ты мне так и не назовёшь – так же, как и своего имени.

Значит, я всё-таки отец 18 летней дочери. Папа, которого нет. Который скрипач. И который когда-то, видимо, не вписался в поворот на своём черном «порше». И хороша ли была машинка?

Ты прости мне некоторую, может быть, язвительность. Я намекал тебе, что я в некотором роде сволочь. Меня успокаивает только то, что я это осознаю и, конечно же, регулярно каюсь. Дурацкий у меня язык. Вместо того, чтобы пофантазировать о будущем девушки, я ловлю в голове картинки с колыбелькой, например, возле грохочущего рояля. Так ты, золотце, тоже эгоистка? Ради карьеры... Кстати, как сейчас-то у девушки с ушами? Детство в рюкзаке – это, знаете ли...

Ты прости меня.

Конечно, жаль, что малышка росла без отца. И тебя жаль. Жаль и скрипача на «порше». Но ты ведь его совсем не знаешь. Кстати, не люблю машины. Была, катался, разбил, больше не покупал. Вызываю такси. Так свободнее. Можно глотнуть из фляжки. Можно почитать, можно выспаться, а потом – очень люблю удивлять размером чаевых. В такси, в ресторанах, в отелях. Приятно наблюдать радостное удивление на лицах людей второго сорта. Они просто лопаются от распирающей их радости, когда видят, что привычный тариф увеличен мною в 10 – 20 раз! И при этом стремятся сохранить на лице обыденность и выражение полного понимания: мол, так и должно быть! Смешно!

Ты не знаешь своего скрипача, детка. Да, я никогда не нищенствовал, но и на мою долю выпало переживаний предостаточно. Не в недостатке дело. И то, что не женат, что нет детей, нет родных – на то есть основательные причины. Я очень любил своих стариков. И люблю. Их давно нет. Поверь, я бываю хорошим. Я их очень люблю. Да, мы слишком редко виделись, и у меня не получилось присутствовать на их похоронах, но я делал всё для того, чтобы при жизни они ни в чём не нуждались! Ни в чём!

Я хочу увидеть мою дочь. Мне кажется, я имею на это право. Попробуй, расскажи ей обо мне. Не о скрипаче, а обо мне. Если нужно, я добавлю информации. Кстати, ты можешь дать почитать ей мои романы. Только не давай «Гнев одинокого мужчины», она еще молода, может не понять. Еще подумает, что это моя автобиография. Можешь показать ей мои фотографии. В сентябрьском номере «Русский интеллект» - целый разворот по случаю презентации моей последней работы – «Устами желудка». Журнал, насколько я понял, распространяется и в Германии. Я там неплохо выгляжу. В конце концов, она может мне и позвонить. Ей, мне кажется, должно быть интересно. Мне говорили, что у меня приятный голос. Сам я его оценить не могу, но думаю, он, действительно, довольно приятный.

Прими решение, душенька. Давай встретимся. Или нет. Давай еще немного поговорим. Я хочу, чтобы ты знала обо мне больше, чтобы не шарахнулась от меня при первой же встрече. Да и мне, наверное, следует узнать о тебе побольше. Я очарован тем, что знаю, но этого мало – рюкзак с малышкой за спиной, Рахманинов, переворачивающийся в гробу от твоих длинных, громогласных пальцев, богемные ночи в кругу нетрезвых неформалов, полагающих себя гениальными музыкантами, профессор... Пиши мне о себе. И о ней. И о ней! Пиши всё. Когда-то у меня была женщина с ребенком. Недолго. Но её дочка была настолько потешной, что я некоторое время записывал за ней её глупости. Вот они, кстати, эти файлы, здесь рядом:

14. Лиза: «Дырка – плохая и смешная вещь».

15. 4-летняя Лиза на кухне уговаривает мать купить ей в магазине «чипсики». Мать отвечает, что ей сейчас совершенно некогда, что как раз вот сегодня у неё осталось мало денег, но вот завтра будет получка, и они вместе сходят в магазин и купят и «чипсики», и мороженное, и вишни. Я всё это слышу. Лиза приходит ко мне из кухни в комнату и докладывает: «А вот знаешь, я попросила маму сходить в магазин мне за чипсиками, а она сказала «иди в жопу!»

16. Лиза промочила на улице ноги, разболелся зуб. На ночь мать уговаривает в кровати слезливую Лизу подержать «на зубике таблеточку». Не грызть, не глотать, а подержать во рту. Лиза в плачь: «Не хочу, чтоб таблеточка там ночевала!»

Боже, как давно это было!

Пиши мне о ней. И о себе. Безымянная моя.

Целую тебя виртуально. И жду.

5 октября. День Учителя. ♀

Если Вам так уж врезалась в голову «малышка в рюкзаке», то я могу освежить вам память еще раз. Это будут неприятные для меня воспоминания. У Вас был вечер-встреча с читателями. В доме книги. Я пришла на нее из консерватории. Это недалеко. Мы с «малышкой» славно прогулялись от Никольского собора до Невского проспекта. Вечер был тихий и прозрачный. Белые ночи. Она уже большая была. И тяжелая. И уснула у меня за спиной. Народу было много. Не протолкнуться. Наша страна была тогда еще самая читающая в мире. Меня все-таки пропустили, так что я оказалась где-то впереди. Вы рассказывали, как всегда, интересно, завораживая публику. Мне сейчас кажется, что оратор вы более талантливый, чем писатель. Как вы рассказывали о своих новых идеях! О планах! Но в это время в рюкзаке у меня за спиной всё проснулось и начало плакать. Я пыталась сунуть ей бутылочку с водой. Она заплакала еще громче. Люди стали шикать на нас. А Вы, не меняя Вашего патетически-восторженного тона, приказали мне покинуть зал. Как-то почти ласково, типа, мамаша, вам бы лучше... Но интонация не предполагала возражения.

Это была моя последняя встреча с Вами, на которую пришла я. На все остальные приходили Вы.

А знаете, что было потом, после этой встречи, откуда я поплелась как побитая собака? Я пришла в общежитие, где мне по большому благу дали комнату (ленинградцам, как известно, не полагались комнаты в общежитиях), нашла там немного манной крупы (все, что было у меня), сварила кашу на воде, накормила орущего ребенка – она была просто голодная! Уложила ее в кроватку, убаюкала, развела немного спирта с водой (подруга – медик), выпила над унитазом, зажевала чем-то, всплакнула, помню, и пошла к соседям.

Соседи, ребята-духовики, сидели и выпивали. Что еще делать музыкантам в свободное время? Их было четверо: саксофонист, тромбонист, кларнетист и ударник – готовый квартет. Они и стали потом квартетом.

- Ребята, я продаю вот это тело! (Тут я, кажется, неумело продемонстрировала им то, что именно продаю). За тридцать рублей с человека!!

Они странно на меня посмотрели:

- Присядь для начала. Выпьем.

Мы пили, пили, пили. Я была очень пьяна. А потом каждый из них вставал, подходил ко мне, целовал в макушку, в лоб и говорил что-то вроде: «Я люблю тебя, ты чудесна». Потом ковырялся в тощем кошельке и выкладывал на стол 30 рублей. И ни один меня не тронул. Они издали наблюдали иногда, как я живу. Кто-то, помню, проводил меня, никакую, в мою комнату и укрыл пледом.

И всё равно утром я ощущала себя самым грязным человеком на свете. За те незабываемые сутки я получила два отказа. Один от вас – в Доме книги, один на двоих – отказ от меня и моей малютки, второй – от этих ребят. Но как рознятся эти отказы, да? Уважаемый литератор...

Утром я уже стояла у дверей молочной кухни, она открывалась в восемь. И я могла купить еды моей девочке. У меня были деньги!

Я не плачусь. Просто Вы хотели информации.

5 октября. ♂

Интересно.

Может, были еще какие-нибудь встречи, о которых я не помню? Или, может быть, ты каждый раз маскировалась? Парик, очки? Я своего окрика в сторону публики, перед которой выступаю, не припомню. За всю жизнь. Вот не припомню.

Ты была готова продать тело...

Случается, милая, случается. Я решил не осуждать тебя за это. Ты ведь на это пошла ради дочки? Ведь не ради же возможного удовольствия?

А наш брат, советский писатель, тогда, в те годы, и душу был готов продать. Да и я, кажется... Не буду лукавить. «Локомотив» - не самое честное моё произведение. Слава Богу, давно нет его на прилавках, да и в библиотеках, видимо, повыкидывали. 12 авторских экземпляров я спрятал в чулане, на даче. А вообще, надо бы сжечь. Хотя именно «Локомотив» дал мне тогда возможность не волноваться о деньгах.

А где были твои родители? Можно ведь было скинуть дочурку на бабушку, например, и заниматься карьерой. Музыкальной карьерой! А не бродить по общежитию, потрясая как товаром тем, что есть у всякой крановщицы! Какие вы, тётки, всё таки недотёпы! Ну, а мужчина? У тебя не появилось мужчины? Кормильца? При твоей-то внешности? Не верю! Ну, ладно, я - подлец, но ведь Питер всегда был полон задумчивых, сердобольных и самоотверженных юношей! Может быть, ты порочна на генетическом уровне, детка?! Не уборщицей, не санитаркой, не ночным сторожем в булочную – нет! На панель! Сразу!.. Ты удивляешь меня, мать моей дочери! Ты удивляешь меня! У неё в кармане блоха на аркане, дочуру кормить не чем, а она в Дом книги! На встречу с писателем! Да дура! Я не удивлюсь, если узнаю, что ты совершенно безответственный человек!

Впрочем, извини, разошелся.

Нет, надо мне тобой заняться.

Кстати, а дочь в кого? Не в тебя ли? Или в меня?.. Что еще страшнее! Ты расскажешь ей обо мне? Напиши. Ты не отвечаешь на мои вопросы! Плевать я хотел на твой соседский квартет, который тебя не изнасиловал! Наверное, просто упились и ничего не смогли! Ха! Сил хватило только плед на тебя натянуть!

Фу, какой я противный!

Но это ты вывела меня из себя.

6 октября. ♂

Ты не пишешь, девушка...

Почему ты не пишешь?

7 октября. ♂

Я обидел тебя, безымянная? Ты только скажи. Я высеку себя розгами и сразу исправлюсь! Хочешь, я поставлю себя в угол на полчаса, а в выходные не буду есть мороженное?

Ты напиши мне, пожалуйста, ладно?

9 октября. ♂

Да что же случилось!!

Я перечитал твои письма. И даже свои. Чем я мог тебя обидеть!

Не знаю, чем, но всё равно прости меня! Да, я не сахар, но так презрительно молчать – это почти что подло!

Впрочем, прости опять же. Я всю жизнь был вспыльчивым и упрямым, как бизон. Меня не переделать! Неблагодарное это дело – перевоспитывать человека. Но от тебя я готов претерпеть любую, самую нудную мораль. Все морали, которые я знал, я уже давно себе предъявил. Некоторые мне даже понравились.

Не молчи же!!

10 октября. ♂

.....
..... !!!

12 октября. ♀

Я была готова продать тело. Если бы кто поинтересовался моей душой, и ее продала бы, не задумываясь.

А на что мне смешно (кажется, так говорят в Одессе?), так это на то, что вы меня не осуждаете. Если бы Вы знали, как мне все равно...

Да, Питер был полон сердобольных юношей. И некоторые, начитавшись «Бесприданниц», хотели «войти в положение». Еще тогда, когда этого ребенка и на свете не было. Другие хотели таким способом получить прописку (они не знали, что меня выгнали из дома, и никто никогда бы их не прописал на заветной ленинградской жилплощади). В день, когда папа узнал, что у меня будет ребенок, сказал, что у него больше нет дочери. А мама заплакала, закудаhtала... Но она всю жизнь безвольно покорялась отцу. Я в него. По жесткости и силе характера.

Тогда я отчетливо сказала родителям:

- Я не буду делать аборт. Этот ребенок имеет право на существование.

- Но на что и как ты будешь жить?

- А музыка? (В этом месте мама залилась горькими слезами).

В этот вечер я ушла из дома. Сначала к подруге-художнице. У нее мастерская на Петроградской, на последнем этаже большого дома.

Потом у меня была встреча с профессором. Я ему все рассказала. Он был потрясен. Он был в шоке. Он считал меня (и, наверно, это так и было) своей самой талантливой ученицей за все время его работы в консерватории. И он мне сказал: «Будем думать!»

Через неделю примерно он сообщил мне, что ему удалось убедить руководство, чтобы мне выделили комнату в общежитии. И через две недели я там и поселилась. Я занималась как проклятая. Не смогла участвовать в конкурсе молодых исполнителей Ленинграда, потому что живот был уже очень заметен.

Но зато в следующем, когда живота уже не стало, я участвовала. И это тоже интересная история. Потому что она и о вас...

12 октября. ♂

Ну, наконец-то!!

А я думал, что уже больше никогда тебя не услышу. И не увижу. И даже поплакал у камина, только тебе об этом могу сказать, потому что я, вообще-то, черствый и на добрую, сопливую слезу - жадный.

«Ушла из дома». Не могу себе этого представить. Ты тоже жадная на слезу? Ты не смогла понять своих родителей? И убедить их в правильности своих поступков? Да, ты гордая, я это уже понял. И счастливая, потому что живы твои родители. И у тебя есть возможность их осчастливить. Но ты их мучаешь. Это, наверно, жестоко.

А она, наша дочь, она встречается с бабушкой-дедушкой? Или такая же мегера, как ты?

Впрочем, кто я такой, чтоб осуждать тебя! Ещё обидишься опять. И замолкнешь. Я почему-то стал этого бояться. А вот сейчас пишу тебе, и на душе, не поверишь – покой. И еще теплота какая-то. Я даже не понимаю – почему?

Уступает тот, кто умнее, золотце. Ты оборотись к своим родителям лицом. А не фортуной. Думаю, это будет правильно. Ну, и ладно, не буду больше испытывать твою гордыню.

И всё же, я думаю, ты хотела мне написать раньше, но не разрешала себе этого! Какая ты у меня сложная! Лань просто! Всё по большому счету. Дверью – хлоп! И нет проблем! Продавать – так и тело, и душу сразу! Оптом! Быть пианисткой – так лучшей в мире!

Нет, ну что ты, как я могу тебя осуждать. Ты не представляешь, сколько писем я тебе насочинял по ночам, уткнувшись в подушку! В то время, пока ты решила помучить меня молчанием.

Мучаешь и интригуешь. «Мы встречались несколько раз»! Да я готов уже поверить, что мы и не расставались! И что ты вообще не в Германии живёшь, а вот тут же, в Питере, рядом со мной. На Петроградской стороне. Может быть, прямо вот тут, на улице Кропоткина, в моём доме. Может быть, на одной лестничной клетке живём! Я, кстати, так ни разу и не видел за два года моих соседей из 7-й квартиры. Ты не рядом ли, детка?! Тихо живёшь, как мышка, и следишь за мной в замочную скважину...

Я сегодня не пил. Ничего. Даже пива. А воображение разыгралось до глюков, извини.

Так что же это за история обо мне... Которая связана с исчезновением твоего живота и твоим участием где-то? Или в чем-то?

Ничего, что я продолжаю говорить с тобой на «ты»?

И ты так и не сказала. Ты рассказала обо мне ей?

Прошу, пиши, не замолкай! Я плюнул на все планы и каждый вечер чуть ли не через пять минут проверяю почту. Я перестал читать. Иногда я встаю ночью, чтобы в очередной раз включить компьютер и заглянуть в черную, непонятную мне дыру Интернета. И потом завалиться обратно в подушки с ненавистью к себе самому и горькой обидой на тебя.

Может быть, я еще маленький?

Помоги мне, пожалуйста.

Помни, что я жду. Жду ежеминутно.

13 октября. ♀

Чтобы больше не было вопросов о девочке... Она тихо и спокойно живет с версией, изложенной ей в детстве. И поскольку из небытия еще никто не возвращался, то и не надо трогать души покойных...

...На нашу следующую встречу пришли Вы.

Это было в ноябре. Питер – жуткий и промозглый город. Темный и мрачный. Холодный и неуютный. В Питере был конкурс. Ежегодный. Традиционный. Назывался «Юные таланты». Мне было почти 20 лет. Я вполне могла претендовать на звание «юный». А талант?.. В жюри были профессора из консерватории, ведущие композиторы, мамы и папы конкурсантов, их друзья и друзья друзей. Все как всегда. Все расписано и распределено. Правда, это мне стало понятно лишь по прошествии многих лет. Мой профессор мог только пожелать мне успеха. То ли его вера в меня, то ли нашел он в жюри кого близкого себе (это я никогда не узнаю), но после первого тура я легко прошла во второй. Потом после второго – в финал. В нем принимали участие три человека. И после объявления итогов, которые почему-то прошли мимо меня (я присутствовала, но мало понимала происходящее), ко мне подбежал мой профессор и прокричал в ухо фразу: «Девочка, мы их победили! Ты играешь!»

Был концерт лауреатов конкурса в Большом зале консерватории. Концерт для фортепиано с оркестром. Но сначала вручались призы и дипломы. И диплом мне вручали... Вы.

Вы, кажется, произносили какую-то речь в микрофон. О том, что полна земля российская... Я, если честно, не помню ничего из того, что вы говорили. Только по поздним рассказам. Наверно, этот момент Вы тоже забыли: мало ли кому и когда Вы вручали призы и премии...

13 октября. ♂

Да. Я помню. Я помню тебя. Я всего лишь однажды вручал диплом музыкантше. Потому помню. Но не может быть, не может же быть! Ну, ты гордыня неисправимая... И почему я тебя опять не узнал? Ты менялась?

И что? Я был красив? Ты не призналась мне, потому что всё еще любила меня? Или ненавидела? Или любила и ненавидела одновременно?

Постой-ка!

Да! Вот она эта фотка. Едва нашел. Сажу перед компом весь в пыли и паутине! В Большом зале консерватории, это было очень давно, я должен был встречаться с читателями в рамках какого-то писательского... в общем, в рамках! Ошибся часом, приехал раньше и блуждал по фойе. И увидел себя – на стене стенд с фотографиями - в компании конкурсанток с того самого конкурса – единственного, на котором я что-то вручал. И вот он я. И вот она – ты, с цветами и дипломом. Я придерживаю тебя за локоть и улыбаюсь. И, надо сказать, я довольно симпатичен. А у тебя на лице... В общем, то же самое, что и всегда, когда я тебя видел. И ты чуть-чуть отклонила от меня голову, хотя я как раз наоборот, склонил свою шевелюру к центру снимка, как это и делают порядочные, дисциплинированные, советские люди гуманитарной ориентации. Шучу. Да, я иногда шучу.

По твоему плечу проходит сгиб фотографии. Она большая, 30 на 40, и когда я её со стенда сорвал аккуратненько, мне пришлось сложить её вчетверо и сунуть во внутренний карман моей потертой замшевой куртки – тогда это был писк для людей... для людей гуманитарной ориентации. И когда потом выступал перед своими фанатами, помню, фотография колола мне подмышку. Но я тогда её сорвал не потому, что на ней ты. А потому, что на ней я. Я тогда неплохо выглядел. Впрочем, я и сейчас.

У тебя, золотце, этой фотографии, скорее всего, нет! Махнемся не глядя? Ты мне - коробок, я тебе - Божью коровку... Нет. Похоже, ты ей обо мне не расскажешь.

Расскажешь. Я думаю, я сумею тебя уговорить. Расскажешь. Ты её пожалеешь и расскажешь. «Тихо и спокойно живёт с версией...» Да ты её обкрадываешь, детка! Посмотри, какой у неё яркий папка! Она тебе не простит, если когда-нибудь узнает, а она узнает, сама или не сама, но узнает! Она не простит. Она не умеет. Она как ты, которая тоже не умеет прощать.

«Не надо трогать души покойных...» Да, со стороны можно подумать, что моя душа умерла. Но внутри у меня горит огонь! Там у меня мартеновская печь вместо грудной клетки! Ты слышишь?!

Мне не найти языка с тобою. Ты как стена! Ты как Снежная королева с ледяным сердцем! Тебя ли я люблю? Может, у меня это так, как у всех, на кого свалился однажды неподъемный груз безграничного воображения?! Может, я люблю того, кого нечаянно тут сочинил?!

Лучше бы ты мне не писала никогда!

13 октября. ♀

После конкурса ко мне стали относиться по-другому в консерватории. Ко мне как-то иначе стали относиться друзья-музыканты. Я знала, что они меня жалеют, считают немного чокнутой: ленинградка, живущая в общежитии!

А еще через год я уехала. Я бросила консерваторию на Театральной площади, я оставила неприбранной комнату на проспекте Доблести, я покинула тот мир, в котором, как мне казалось, я была счастлива и несчастна.

Однажды на уроке мой профессор вдруг мне сказал такую вещь, от которой я не могла сразу опомниться не могла. (Вы же знаете, в консерватории есть предмет «специальность», и это индивидуальные занятия). Он мне сказал:

- Я хочу уехать из этой страны. Я собираюсь подать документы. Но мне очень не хотелось бы уезжать одному. Я хочу, чтобы ты поехала вместе со мной. И твоя девочка – тоже. Для этого мы должны зарегистрировать брак. Ты не должна и не обязана со мной жить. Но, если честно, за эти годы рядом с тобой и твоим ребенком я уже так к вам привык, что плохо представляю мое существование без вас.

Мне был дан срок две недели.

Я сказала «да» на следующий день.

13 октября. ♂

Ах, профессор!..

Вот в чем дело. Вот в чем кроется твоя холодность.

Это твоя месья! Ты живёшь со старым мухомором, у которого веники из ноздрей, волосатые уши, кустистые брови и маленькое круглое пузцо над тонкими желтыми ногами... А на ночь он хрипловатым тенором поскуливает тебе на ухо что-нибудь из Чайковского!

Ты живёшь со старым пердуном, героически терпишь его похотливые ласки и мечтаешь обо мне! Тебя раздражает желание заставить меня мучиться так же, как сейчас мучаешься ты! О, женщины!

Как всё просто.

А я с ней о божьих коровках!

Не настоящая ты, вот что я тебе скажу, мечта моя. Не настоящая! Пишешь мне, а сама собою со стороны любишь!

Всё не так, наверное, как я себе представил.

За гармонией мастерских линий
Кровь и пот, и трагедия тянется.
Даже радужный хвост павлиний
открывается павлиньей задницей.

14 октября. ♀

Все так и не так, уважаемый литератор!
С каким бы удовольствием и даже сладострастием я слушала бы напевы Чайковского мне в ухо. Если бы не... Если бы в датах профессорских не было бы короткого тире. С какой жестокой тщательностью я стерла бы цифру после этой черточки! С какой радостью я бы отменила мои регулярные визиты к могильному камню, на котором выгравирован его портрет.

Мой профессор! Он дал мне не только знание того, что из меня будет настоящий музыкант. И уверенность в этом! И осознание моей неповторимости в этом мире! Он подарил мне радостные минуты преклонения перед женщиной, далекие от вашего солдафонского презрения к Той, с кем вы разделяли ложе и еще минуты назад выкрикивали во Вселенную гортанные звуки радостной победы.

Прощаясь, он поблагодарил меня за неслучайную встречу с ним. И я плакала, я горько рыдала от неизбежности его ухода. Это чувство безысходности и несправедливости регулярно настигает меня холодными ноябрьскими вечерами.

Свеча горела у окна. Горела.
Ночь наступала за окном. Спускалась.
Смотрела вдаль. На горы, лес. Смотрела.
Шале. Одна. И тишина... не в радость.

Рояль молчал. Упали гаммы в пропасть.
Прогрохотало эхо. И затихло.
Свеча чуть тлела. Ночь темна. Притихло
шале без счастья и без звуков в радость.

Свеча дотлела у окна. Погасла.
Ночь наступила за окном. Царила.
Шале. Одна. И тишина. Разбила
Рояля крышку. Бёзендорфера. Напрасно...

14 октября. ♂

Уже ночь. Я в одиночестве хохотал среди ночи! Могильный камень!
Я просто вспомнил старый еврейский анекдот. На могильном камне эпитафия:
«Сара, а ты не верила, что я болел!»

Так нет профессора. Ну, жаль, что ж поделаешь. И всё же как-то легче на душе стало. Хотя... Это достойно описания. Ты буквально подарила мне сюжет романа. Благородный старец делает из заблудшей овечки леди, ничего не требуя взамен. Впрочем, не поймут. Сейчас таких нет. Сейчас всюду торг.

Та ночь, которая нас с тобой познакомила... И, оказывается, не познакомила, наверное, была прекрасной. Я забыл, прости. Забыл ту ночь. Но я могу восстановить её в памяти.

Я, жутко усталый, вынужденный еще и в ресторане проторчать, чтобы не ночевать одному, ввел тебя в гостиничный номер, довольно затхлый, показал, где ванная. Налил в организм пива и грохнулся на диван. И улетел! И проснулся от жара на груди. Там лежала твоя ладошка, под моей расстёгнутой рубахой. В комнате было темно, только свет фонаря из окна освещал твою попу - ты была в комбинации, сидела коленками на диване, возвышалась надо мной и улыбалась. Я чувствовал, что улыбалась. Я молчал и

наблюдал за тобой. Впрочем, просто из любопытства. Вы всегда немножко разные, и это интересно. Ну, по крайней мере, мне.

Ты, наверное, различила, что у меня открыты глаза. И стала потихоньку стаскивать с моей шеи галстук. Ты его развязала, чтоб не тащить через голову, обдирая мои чудные, почти греческие уши. Потом наклонилась, и твои волосы щекотнули мою замечательную челюсть. И мягко поцеловала в губы. От тебя нежно пахло хорошим портвейном, который мы уговорили в ресторане. В первый момент я хотел избежать поцелуя, но мне вдруг понравилась мягкость и сухость губ. Другой рукой ты погладила мои волосы. Немножко отстранилась, чтоб оценить моё лицо и снова тихо поцеловала. Я подумал, что ты так и будешь наклоняться ко мне с этими поцелуями всю ночь... Перевалил тебя через себя на диван и положил рядом. Потом склонился над тобой. В темноте я почти не видел твоего лица, видел тёмные пятна глаз на бледном овале и губы. Улыбку только чувствовал. Вот улыбка твоя... Вот она мешала мне быстро с тобой расправиться и окунуться в желанный сон, я ведь тогда, действительно, очень уставал.

Твой живот под моей ладонью был горячим. Очень горячим, хоть и сквозь скользкую комбинашку. И мне как-то неудобно было повернуть голову влево, чтобы оценить твои длинные ноги. Мне не хотелось, чтобы ты поняла, что я их именно оцениваю. Я просто знал, что там, за моей спиной - длинные, очень красивые и, наверное, такие же горячие задние твои лапы! И вместо того, чтобы раздавить твою хрупкость моим жизнерадостным торсом, я вдруг стал так же, как ты, наклоняться к твоим губам и целовать их. Я старался целовать тебя сухими губами.

Но ты пылала, ты вся пылала! Какое 36 и 6! Все семьдесят градусов!

...Мне нравилось тебя целовать.

Но ты вдруг задышала. И всё.

Всё во мне задышало ответно. Возможно, это было совершенно не симпатичное сопение, но я уже не заботился о сухости своих губ, целуя твою шею, грудь... По-моему, я что-то порвал на тебе, а ты только всхлипнула и шепнула быстро «Ой, мамочка!»

Потом космос!!

...Потом привычный космос.

...Потом уже совсем не космос, а какой-то нудный поток мыслей с воспоминаниями о неотложных завтрашних делах. Резкий приступ усталости и раздражения. И совершенно ненужный, неуместный комплекс какой-то еще и вины! Вот еще!

...Разлеглась!

Ты еще дышала. Не прошло и минуты. Я, скорее всего, пожаловался тебе на усталость. И сказал, что в соседней комнате есть большое мягкое кресло и плед. Ты вся как-то подтянулась, подскочила, на мгновение приблизила своё лицо к моему (По-моему, у тебя тогда была близорукость... Да! В ресторане ведь ты была в очках!), и шарахнулась с дивана, быстро-быстро собирая свои тряпочки и туфельки.

А мне уже было до лампочки. Я понял, что ты убежишь, и искренне этому обрадовался. Дверь номера захлопывалась сама. Она и хлопнула за тобой уже секунд через 15. А я вздохнул. Скинул с пяток смявшиеся брюки и натянул на себя покрывало.

И забыл о тебе. Надолго. Думал, что навсегда.

Мне хочется повторить ту ночь. Я знаю, что я буду другим. И ты будешь другой совершенно. Интересно, что это будет за ночь? Ты не знаешь?

14 октября. ♀

Я помню наш с Вами вечер и ночь. В свое время я записала впечатления от нее. Вот они – воспоминания почти двадцатилетней давности.

Шум. Шум и гам. Кто-то хохочет. Кто-то злобно ругается, споткнувшись о мои вытянутые ноги в первом ряду. Вы – на сцене. Вы освещены. Вы блистательны. Красивы. Элегантны. Стройны. Я не знаю слов, чтобы описать Вас. Мне кажется, что если Вы попросите (да какой-то там попросите – намекнете), я сделаю для Вас все. Все? Все! Аплодисменты. Цветы. Записки. Остроумные ответы. Я тоже написала Вам записку: «Я хочу проводить Вас домой!»

Вы развернули ее, прочитали. Посмотрели на меня в первом ряду. Сказали: «Автора вот этой желтой записки прошу подойти ко мне потом...»

Люди потихоньку расходились. Двигались стулья. Все время стоял какой-то гул. Он летал где-то вокруг меня. На ватных ногах я подошла к столу, за которым Вы собирали цветы, записки, складывали в портфель книги. Вы посмотрели на меня пронзительно-внимательно:

- Ты не передумала? - Вы сразу были со мной на «ты». - Пойдем.

Мы пошли. Вас ждала машина. Мы сели на заднее сиденье. Вы не коснулись меня. Вы не сказали мне ни слова. Довольно быстро мы доехали до улицы Кропоткина. Там Вы сказали шоферу: «Ладно, до завтра!» И мы вошли в подъезд дома. Я шла за Вами. Вы были мрачны и злы. Бросили цветы на мозаичный пол: «Поклонницы, ити их мать!» Потом мы вошли в квартиру. Я плохо ее помню. Я была только в прихожей и гостиной, куда мы прошли. Я помню красивый буфет красного дерева. Я знаю историю искусств. Это было настоящее произведение мастеров-краснодеревщиков конца XIX века. Ну, да. Вы – литератор, происходящий из старинной петербургской семьи с традициями. Потом Вы достали из него бутылку какую-то. Налили в два стакана (я это тоже отметила). Мы выпили. Мне сразу ударило в голову.

- Поцелуй меня!

Вы приказали-прокричали.

- Не в губы только!

Я стеснялась. Я не знала, что мне делать с руками, губами. И еще я была пьяная. Вы налили еще. И мы снова выпили. Вы взяли мою руку и положили ее под рубашку куда-то.

- Вот так! И ниже! Еще ниже!

Я стала трогать Вас. Я слышала жадное дыхание. В какой-то момент Вы тоже схватили меня. Объятием это было назвать трудно. Это было почти насилие. Но с Вами тоже что-то случилось. Я не сопротивлялась. Я делала все, что Вы мне говорили. И это привело Вас в какое-то странно благодушное и почти нежное состояние. Вы говорили даже:

- Девочка, откуда ты такая взялась? Откуда ты на меня свалилась?

Вы уронили меня на диван. И задрали платье. Просто, грубо и властно. И вошли в меня. Вы часто-часто дышали. А потом раздался Ваш крик. Нечленораздельный. Но потом что-то произошло. С вами что-то случилось. Откуда-то вернулась та злоба, с которой Вы вошли в квартиру, в дом.

- Я люблю просыпаться один! Я устал! - Эти слова я прокручивала потом как киноленту много-много раз. Они звучали большим симфоническим оркестром в ушах: - Иди!

Я как-то поправила на себе платье. Нашла пальто и сапоги. И выбежала в ночь. Было холодно и темно. Но мне достаточно было только протянуть руку, как остановилась машина. Через десять минут я была дома.

15 октября. ♂

Мм...

Значит, я тебя всё же с кем-то спутал. Значит, это была не ты. И значит, что ты, действительно, однажды была в моей квартире на Кропоткина. Буфет – и впрямь, руки мастера-краснодеревщика. Руки деда моего отца, то есть, моего прапрадеда. Он был довольно известен в России.

Буфет я продал, когда мне не хватило на машину. Теперь на этом месте... А кстати, пусто. Надо туда что-нибудь купить.

Я не помню тебя в моей квартире. В смысле – именно тебя не помню, радость моя. Ты меня за это не осуждай. Я жил один. И жил в своё удовольствие. И все девушки, которых я приводил, были приведены с единственной целью. И всё проходило приблизительно одинаково. У меня не было постоянной подруги, я этого избегал, опасаясь лишних хлопот и... да что уж там! – избегал ответственности за чьи-то сопли. (Которые, кстати и настигли меня через 20 лет в твоём лице! Шучу. Я иногда шучу). И ты не сможешь даже представить себе цифру, обозначающую количество девушек, которые видели этот мой буфет! Я не хлестаюсь мужскими победами, просто я был молод и

соблазнитель, я отдавал себе в этом отчет, и я пользовался этим, поскольку природа... Ну, ты понимаешь.

Но твоё описание этой нашей ночи... Вот не верится. Я нежный с дамами, радость моя. Потому что мне всегда был безразличен их человеческий, их интеллектуальный потенциал. Я с ними не беседовал. А если беседовал, то только во время прелюдий – в барах и ресторанах, и исключительно ради тренировки. Просто когда-то я поставил себе целью стать лучшим в своём цеху специалистом по созданию диалогов. Диалогов ярких, лаконичных и, самое главное - точных, реально и легко произносимых людьми.

Поэтому я прощал им глупость, жадность – авансом. И мне просто хотелось ласки. Несколько раз по утрам я понимал, что меня слегка обокрали – то часы, то серебряные ложки, то тонкий малахитовый портсигар с золотым барельефом Пегаса, подаренный мне одним американцем... Портсигар жалко.

Поэтому твоё описание монстра, который, ухватив деву за макушку, тащит её куда-то к своему гульфику с криком «Поцелуй меня!» - это не про меня. Я эстет в любви, солнце моё.

Мне, кажется, ты многое придумываешь.

Я не помню записки «Я хочу проводить вас домой».

И я не мог сказать со сцены «Автора вот этой желтой записки прошу подойти ко мне потом...». И знаешь, почему? Потому что по этой записке невозможно было бы определить пол автора. В Союзе, в целом, «голубой» темы тогда практически не существовало. Только в кругах богемы. Вот там, я уже знал, водилось немало однополый любви. А я никогда не изменял женщинам. Поэтому принципиальная возможность после выступления вдруг лицезреть у черного выхода назойливого гея меня бы не устроила. А они, мне иногда говорили, искали встречи со мной...

Ты не точна в деталях, милая.

А побегание – это да. После любви я, как правило, просто лучился равнодушием к дальнейшей судьбе девочки. Не заметить это было невозможно. И вот тот самый контраст: обходительность, ласки, вершина чувства – и вдруг равнодушие... Многие в слезах убегали. И это не волновала меня. Каюсь. Думаю, что я каюсь, потому что с годами я стал как-то бережнее относиться к людям. Я ж все эти годы писал о них и для них. И я не мог не полюбить... Чуть не сказал «человечество». Я шучу. Я иногда шучу.

Да, я блистал, я блистал...

15 октября. ♀

Да, Вы блистали. И как сами признались, уже на следующий день – раньше! - забыли о девочке-одноночке. Она была бы рада тоже забыть...

Чувство, что меня вываляли в грязи, сопровождает меня и по сей день. Как и чувство того, что я очень хотела бы пережить это еще раз.

Вы вверглись в мою жизнь так же властно и жестоко, как брали меня в ту единственную ночь. И Вы остались в ней хозяином на долгие годы. Я Вам и Вас простила сразу же, несмотря на живущее во мне чувство омерзения к обоим действующим лицам этого короткого жизненно-театрального действия.

Мне не забылось. Вы уже давно знаете – почему. Во мне росла другая жизнь. Она не хотела принимать меня – как не приняли ее Вы. Она отвечала мне тошнотой, головокружениями и падениями в обморок. Она делала все, как и мои родители, как окружающая меня среда, чтобы не состояться. Чтобы не БЫТЬ! Даже тогда, когда маленький человек внутри меня понял окончательность моего решения, он всячески сопротивлялся. Я провела месяцы в больнице – на так называемом сохранении. И повсюду меня сопровождал немой вопрос: «Зачем, девочка, тебе это надо? Зачем ты корежишь свою молодую, полную надежд жизнь?» Другой стороной медали было: «У этой молодой бляди, которая где-то набегала там, снова проблемы».

А потом наступил день 1 октября, когда человек захотел покинуть меня. Мой профессор, тот самый «с короткими ногами и волосами, торчащими из ушей», приехал ко мне на проспект Доблести, к этому советскому бетонному монстру, где на 10 этаже меня раздирала нечеловеческая боль. Мы поехали на Васильевский, в престижный (самые

черные воспоминания!) роддом, который им. Отто. Мы ехали и ехали, и мне казалось, что я не доеду.

В нашем славном роддоме (впрочем, другие мне узнать не пришлось) на профессора сначала наорали.

- Что Вы ее привезли! И не время еще! Ах, Вы и не папаша! А ты переодевайся! Быстро! Вы, не папаша, вещи оставьте здесь! И до свидания! До свидания! Нечего Вам тут делать!

Я попала в железные, нет стальные щупальца советской медицины. Меня положили на какую-то продавленную койку. И я лежала там, стиснув зубы. Ко мне никто не подходил. Наверно, потому, что я не кричала. Хотя временами мне казалось, что меня разрывают изнутри. Мне казалось, что я знаю, что такое четвертование. Ко мне в первый раз подошли через несколько часов:

- Что же ты молчишь-то, девочка?

Это были первые человеческие слова. Их произнес пожилой доктор. Он осмотрел меня:

- Нет, рано еще. Рано. Терпи, девонька. Зови меня, если почувствуешь, что тебе совсем больно.

Я подумала: «Неужели бывает еще больнее?», а произнесла: «Спасибо, хорошо, я позову Вас!»

Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Что такое больнее, мне пришлось узнать только через сутки, когда день смешался с ночью. И все вместе это состояло из одной большой пронзающей насквозь, режущей на куски боли. В какой-то момент я почувствовала, что лежу в луже. Я позвала кого-то.

- Воды отошли! Вставай, пошли!

Вставать, идти... Никто не помогал идти, никто не поддержал за руку. Кафельный холодный зал, гинекологическое кресло. На нем в 0.19 минут 3 октября появилась на свет моя девочка. Полумертвая. Нас обеих отправили в реанимацию. У меня было расхождение костей таза, многочисленные разрывы, большая потеря крови...

Наверно, у меня и сейчас с деталями не все в порядке. Последнее я точно не помню, потому что была без сознания.

15 октября. ♂

Наверное, ты удивишься, но я никогда не рожал.

И, видимо, не придется.

Боже мой, девочка, какой дремучий у тебя взгляд на жизнь! Мудрые человеческие организмы выталкивают из памяти негатив, а ты его лелеешь, снова и снова возвращаешься к тому, что не приносит удовольствия, - к боли.

Дурочка.

Как в анекдоте, ей Богу. Маленький еврей родился без век. Доктор посоветовал папе новорожденного пересадить на место век крайнюю плоть мальчика, мол, всё равно надо будет обрезать, а тут кстати. Папа согласился. Обрезали, пересадили. Через 25 лет папа нечаянно встретил этого доктора, и тот поинтересовался судьбой сына. Да всё нормально, вроде, - отвечал папа, - Только вот взгляд на жизнь у него какой-то х...ёвый.

Ты извини мне некое легкомыслие. Я никогда не представлю себе масштабы боли, которую испытывает роженица. Но многодетные мамы говорят, что эта как раз та боль, которая забывается. Напрочь! Природа позаботилась. А иначе не было бы ни у кого второго, третьего, пятого ребенка, и человечество давно бы выродилось.

Ты, девушка, скорее всего, сумасшедшая девушка. Ты – ослик Иа-Иа, который всегда грустный. Что, вообще, веселит тебя по жизни?.. Да, вспоминаю твою улыбку. Она и не улыбка вовсе. Вот почему она мне никогда не была понятна.

3 октября... День рождения дочери. Это значит, что кучу лет назад, где-то около 3 февраля я сообщил тебе, что люблю просыпаться один... Негодяй.

Ты убежала от меня в зиму! Ночью. Ночью в феврале на улице Кропоткина мерзко. В нынешних февральх здесь ночью много припаркованных машин, куча неоновой рекламы, светильники, люди тёмные бродят – рынок рядом, лужи повсюду – глобальное

потепление. А двадцать лет назад здесь ночью в феврале было морозно и темно. И кучи сугробов. Работала ли тогда станция метро Горьковская? Даже не помню. Но такси было дефицитом. И вот ты по сугробам в мороз - пешком на улицу Дерзости! Кошмар... Или на улицу Наглости? А! Доблести! И с моим семенем в укромном уголке души. Бедная девочка. Я не смеюсь, мне, действительно, жалко тебя ту и тогда.

А я, сытый полным набором земных радостей, остался спать на папином диване.

Да. Наверное, это несправедливо. И ты знаешь, мне очень хочется компенсировать тебе ту ночь, раз уж ты восприняла её так, как восприняла. Помечтай, пожалуйста, как бы я мог это сделать? Я готов почти на всё.

15 октября ♀

Многодетным мамам, рожаящим еще одного и еще одного ребенка, наверное, знать лучше.

Я убежала в ночь из вашего дома 25 января. Праздновался день студенчества – Татьянин день. Бежать мне было тогда недалеко – на Большую монетную улицу. Но меня кто-то подвез.

Мне не хочется Вам больше писать...

15 октября. ♂

...Ну, что ж. Давай подождём. Пока ты немного остынешь. А потом всё же напиши, ладно? Я как раз уезжаю на полмесяца туда, где с Интернетом будут проблемы. Но попробую тебе и оттуда написать. Попробую где-нибудь подключить свой ноутбук, который я называю «Пандоркой», он у меня почему-то слабого пола. Может, потому что часто выходит из строя.

Я напишу. И я теперь почти уверен, что ты ответишь мне. Рано или поздно. До свидания, милая.

24 октября. ♂

Ты ничего не написала.

А вокруг меня непролазные горы снега. Тайга почти. Холодно очень. В следующий раз я смогу проверить почту нескоро.

Удачи тебе, милая. Не грусти!

6 ноября. ♂

Ты ушла от меня?..

7 ноября. ♂

С праздником, родная!

Я жду. Я очень жду. Неужели ненависть ко мне победила иное твоё чувство ко мне? Не верю.

Ты знаешь, я становлюсь другим после общения с тобой, я это заметил. И поймал себя на том, что... особенно сейчас вот, в аэропортах и на вокзалах, я стал обращать внимание на грустных людей. Может быть, я пытаюсь понять, как это – быть грустным? Как ты.

7 ноября. ♀

Если это праздник, то я поздравляю Вас с ним! Завтра по вашему первому каналу, как мне сказали, в 18.00 по вашему времени, будет передача, в которой я принимаю участие. Может, Вам будет интересно.

7 ноября. ♂

21 день! 21 день ты молчала, бессовестная! Чем я такое заслужил? Почему ты сказала «Мне не хочется Вам больше писать»? Чем я тебя обидел?! Я множество раз перечитывал свои последние письма... Но я же писал правду!

Да... Может быть, мне не стоило писать тебе про эти табуны возле дедова буфета. Скорее всего, не стоило.

А в родах я ничего не понимаю. Ты говорила о боли, о сильной боли, о травмах... А я тебя анекдотами душил!.. Да. Наверное, я иногда козёл... Но не до такой же степени, чтоб 21 день ожидать твоего ответа!!

Спасибо за поздравление. Я не отмечаю, просто... по старой привычке. Все меньше и меньше людей отмечают у нас этот день. А помню, было весело. Однажды в юности я ночевал в семье приятеля из рабочей среды. Так утром вытащили меня на демонстрацию! Покричали, походили, потом – все домой, к уютному столу, куча родственников, да с трудовыми медалями все! Пили, пели... Настроение у них у всех было замечательное. Ну, и у меня, разумеется. Сразу заразился их простой праздничной атмосферой...

Первый канал. Завтра. В 18.00 Интересно. Конечно, интересно!

Только ты всё же пиши!

8 ноября. ♂

А ты вполне счастливая. По крайней мере, у меня не возникло другого ощущения.

«Наши за границей». Слава ТВ! Вот и я побывал в твоём доме. У тебя стильно. И вообще... Не найти слов, чтоб передать тебе то волнение, которое я испытывал, глядя на вас. На вас обеих. Ты другая. Я пытался припомнить в тебе хоть что-то из того, что должен был запомнить из прошлого. Неа! Я тебя никогда не знал. Как мало, видимо, мне нужны были люди 20 лет назад. Да, это ты, и именно с тобой я на той фотографии, которую сорвал со стенда в консерватории. Но ты другая. И не грустная совсем. И всё у тебя хорошо. И известна на весь мир... И дом твой. У тебя хорошо со вкусом. Это оригиналы на стенках висят, или копии? Впрочем, не важно. Ты говорила ведущему о странах, в которых была, и я понял, что ты видела гораздо больше, чем я. И меня твоя независимость, ты не поверишь, даже смутила. Тебе никто не нужен. Ты счастлива. Получается, только мне ты внушаешь себя трагическую. Но зачем? Теперь-то почему? Я не понимаю.

О ней.

Я понял, почему ты спокойна. У тебя есть она. Чуть-чуть, совсем чуточку коверкающая русские слова. И этот акцент симпатичный. Боже, как она совершенна! Нет, не потому, что удивительно похожа на меня, у неё своя красота. Она уникальна. И точно так же, как я, в секунду размышления, коротко поджимает нижнюю губу. Умница.

Она – продолжение нас с тобой. И ты хочешь лишить её меня? А меня – её? Ты подумай! Подумай!

Ведь можно не сразу, можно как-то потихоньку рассказать ей обо мне. Я не хочу, чтобы ты меня идеализировала. Ты можешь даже рассказать ей о том, как мы с тобой её зачали... Впрочем, именно это, наверное, и не надо.

Но надо же что-то делать!

А вдруг я, действительно, умру? И она так и будет думать, что её папа – скрипач, который давно-давно разбился на порше! А вдруг, я умру? У меня вот тут как раз месяц назад, кстати, было обследование, и мне сказали, что я предрасположен к... В общем, предрасположен!

Ну, я же не свинья! Зная теперь твои координаты, имя, фамилию, я мог бы нагрянуть к вам уже завтра! «Здравствуй, доча, это я, твой папа!» Я не посмею так нагрянуть. Но я прошу! Я требую! Образумься! Ты ведь, наверняка, предполагала такое развитие событий! Дай нам встретиться! А иначе ты бы мне и не написала! Вообще бы не написала, и я так никогда и не узнал бы, что у меня есть она, моя доченька – самая милая девушка на свете! Боже, мне кажется, я уже ревную её к будущим женихам! Какая же ты умница, что написала мне эти письма. И какой я хороший, что начал тебе отвечать! Да здравствует непостижимая женская интуиция!! Ура дорогому мужицкому идиотизму и сопутствующей ему самонадеянности!!!

Ты красива. Ты очаровательна. Твой голос – музыка, но мне хочется развить эту тему при личной встрече.
Будь снисходительна.

8 ноября ♀

Когда любовь уходит
Последними стихами
По солнечной погоде,
В морозы или снег,
Во внутренней природе
Жизнь медленно стихает...
И новыми стихами
Является на свет.

Я написала Вам, когда почувствовала, что я свободна от Вас. Что Вы ушли из моей жизни.

Я жила как затворник с душою скитальца,
Любя тебя столько лет,
И вот, наконец, как занозу из пальца
Убрала. Тебя больше нет.

На сцене пустой не играют страдальца,
А сразу идут в буфет.
Теперь будешь жить как заноза без пальца.
А я... Меня больше нет.

Шутка, в которой есть доля шутки...

А дочь моя...

Как Вы себе представляете, я приду к ней и скажу:

- Девочка, я всю жизнь тебе лгала. У тебя на самом деле есть папа, который однажды зачал тебя и потом ничего не хотел о тебе знать. Он – хороший. Очень. Только не спрашивай меня, почему он хороший. Я пока этого не знаю. Я не могу тебе объяснить, почему 18 лет твоей жизни прошли в стороне от него. Но, возможно, если подумать, то такие аргументы найдутся. Он так бы и не узнал о твоём существовании, если бы я не написала ему письмо, три письма. На последнее он ответил... Да и проявился бы он вообще, если бы твоя мама не была той, кем она есть?..

8 ноября ♂

Хороший образ. Это я, значит, буду теперь жить, как заноза без пальца.

Можно, кстати, грустную детскую песенку сочинить про бедную занозу, которая вывалилась из любимого пальца какой-нибудь девочки и стала сиротинкой. Но потом нашла мальчика – воткнулась ему в пятку. Вытащили. Выбросили. Опять сиротинушкой бродит по свету. Потом дяденька вытащил её из ладошки... Так и скиталась. Пока не утонула вместе с одной престарелой пассажиркой «Титаника».

А я надеялся, что ты пойдёшь нам с нею навстречу. Не слишком ли смело я выразился «нам с нею»...

Значит, несколько ближайших лет я буду уговаривать тебя сообщить моей дочери о моём существовании, да? Потом буду просить прислать мне фотографию её мужа? Потом – фотографии внуков? Да? И всё это время мы с тобою будем потихоньку дряхлеть. Я начну лысеть и менять свои зубы на искусственные. Ты, видимо, пойдёшь вширь и вниз, и когда нам будет где-нибудь за 75, мы, наконец, соберемся всей нашей дружной семьёй и, изображая счастье, съедим за столом какую-нибудь вкусную утку! С яблоком в жопе!!

Ты дождёшься, я всё-таки приеду! Без предупреждения! И для неё это будет травмой!! Не для тебя. Для неё!

Ты равнодушна, милая. Ты глобально равнодушна!

Нефть и газ мы истратим, мне думается.
Лес и уголь уйдут в атмосферу тоже.
И, словно мячик, планета наша сдуется.
А Млечный путь лишь чуть подтянет кожу.

8 ноября. ♀

Я думаю у девочки этой – большое будущее. Я, правда, до сих пор не знаю, что это такое. Но девочка эта – невероятный талант. И это касается всего, чего она коснулась. Рояль? Пожалуйста, легко. Скрипка? У нее – абсолютный слух. Писать? В архиве уже пара европейских премий – одна за победу на конкурсе по философии. Языки? В свободном обращении – пять штук. Она объехала со мной полмира. И если я вспоминаю себя в ее возрасте (а не вспоминать я не могу!), то это, как говорится, два мира – два детства.

Давайте, мы договоримся так. Я надеюсь, что Вы хоть и циник, но джентльмен. Вы, конечно, теперь не заставите себя вспоминать о том, что бродит где-то по свету человек, имеющий к Вам отношение. Вы просто знаете это.

И не мучайте меня упреками или... что еще хуже... угрозами. Я не боюсь в этой жизни ничего. Если мне и становится страшно, то от мысли, что могу потерять мою девочку. Как-то внезапно... И тогда по телу проходит холод. Все остальное – карьера, деньги, слава – второстепенно. Вы не попадете ко мне в дом никогда: условием съемки было не называть правильных мест проживания. Поэтому информация там липовая. Но даже если вы и получите настоящие сведения о нас – это поможет мало. Вряд ли мы захотим Вас видеть у себя.

Собственно, в письме, на которое Вы ответили, в первый раз я формулировала совсем другой вопрос: А для чего пишу после стольких лет молчания? Да просто из женского любопытства: есть у Вас в жизни что-то, что цепляет Вас за нее, кроме романских выдуманных историй?

Сейчас у Вас точно есть история, которая, похоже, Вас зацепила. Но до этого Вы прошагали по планете почти полвека.

И если хотите переписываться со мной, то предлагаю оставить девочку в покое. Вы ей не нужны, точно. Как и мне, собственно, от Вас тоже ничего не нужно. И я Вам об этом написала сразу.

.....
.....
.....
.....

24 декабря. ♀

У нас – Рождество! У нас – единственный праздник в году, когда за большим круглым столом должна собираться вся семья. Стол у нас большой и круглый. А семья... Мы зажжем свечи. Включим рождественскую музыку. И скажем друг другу слова, которые мы, собственно, говорим каждый день: «Спасибо, что ты есть у меня! Я люблю тебя!» Мне вдруг захотелось, чтобы Вы присоединились к нам...

24 декабря. ♂

Ну, здравствуйте, любимые.
Здравствуй, киллер. Здравствуй, ангел.
Я сам хотел поздравить вас, но привык делать это 31-го декабря.

И что же тебя-то заставило вновь написать, спустя полтора месяца почти. А я уже не ждал. Я уже и у медиков успел поваляться. Но сейчас всё очень хорошо. Я благодарен тебе за ту бурю, которую ты внесла в мою славную и кислую жизнь.

Сначала я думал, что, действительно, помру. Но вот не случилось. Спасла медицина и медицинские работники. В особенности одна. Её зовут Лолита. Видимо, её родители балдели от Набокова. И три дня назад она сказала мне, что у нас кто-то будет. Не скоро еще, но я уже жду этого с нетерпением.

Она знает и про тебя, и про нашу с тобой дочуру. И она всё замечательно понимает. И не мучает меня.

Когда она на дежурстве, я скучаю. И еще я заставляю её учиться. Её возраст к учебе годен вполне. Мне хочется рассказать тебе всё о ней – какая она. Но я боюсь почему-то, что ты опять сочтёшь правду за хамство, потому не буду. Просто скажу, что она очень хорошая.

Очень хочется общаться с тобой, с вами. Очень хочется увидеть вас. И очень больно вспоминать твоё последнее письмо, которое оставило меня без шансов на всё это.

В общем, рад тебя слышать! Всегда. По-прежнему люблю тебя, такую, и горжусь тобой. И ею, нашей девочкой, конечно.

Ты пиши. Пиши хоть иногда.

Всего вам доброго и счастливого Рождества!

25 декабря. ♀

Вы даже не представите, как меня порадовало это письмо. Ничто человеческое писателю не чуждо. Я уже представила Ваше разомлевшее лицо, когда вы держите на руках маленького ребеночка. Это совершенно неповторимое ощущение счастья и ответственности. Наконец-то, у вас появится смысл в жизни. В свое время Вы сознательно лишили себя этих ярких эмоций, которые опьяняют и заставляют почувствовать, что все, к сожалению, конечно.

Хорошая, наверно, эта Лолита. Мне любопытен также диапазон ваших интересов: одно дело – заставить организм не напоминать о том, что он всего лишь плоть, а другое – сознательно выбирать мать своего ребенка. Или скорбь и одиночество были так велики, что, как говорится, не до жиру...

Пианистка и медсестра. Интересное сочетание. Обе лечат. Вылечат?

25 декабря. ♂

Я выбирал душу. Не пианистку, не медсестру, душу. И не выбирал. Она пришла ко мне сама. И поделилась – заполнила собой тот сосуд, тот стремительно опустевший сосуд, в котором когда-то водилась моя самодовольная душа. И я не пуст теперь! При ударе кулаком в грудь я не слышу теперь долгого медного гула. Она спасла меня. И продолжает это делать.

Диапазон интересов?

Ну, хорошо. Мы играем в города. Ездим на мотороллерах на стадион и играем там в городки. И еще... Она сначала принесла мне черепашку. Потом двух попугаев. Потом собаку!! Я не думал, что я люблю собак! Но этот шнауцер Филя!! Если бы вы только могли его видеть! У нас теперь не дом, а зверинец! Лай, пение Яши и Тиши, а еще грохот посуды на кухне. Или пылесос вдруг! Ты знаешь, я не подозревал, что в мире существует столько приятных звуков! И еще она мне фотоаппарат цифровой подарила, Лолита моя. И я тебе обязательно вышлю всё наше семейство!

...Ты не злишь, радость. Я вижу, ты немножко злишься.

Так, слава Богу, получилось.

25 декабря. ♀

В каких же параллельных мирах вы жили, если Вам такую невероятную радость доставляет цифровой фотоаппарат... лай собаки... Как я жалею Вас, представляя, как Вы

млеете на черепашкой. Неисповедимы пути... Как мне жалко... Каждой птичке своя веточка, каждой певичке – своя сцена. Я шла по жизни, будучи художником-монументалистом. Мне надо было сразу все и много. Я никогда не смогла бы вышивать гладью или (еще хуже!) крестиком. Мне нужны были стены для росписи, большие сцены для концертов с оркестром. Но я могла и играю ноктюрны и вальсы Шопена, его этюды, требующие отточенного мастерства и беглости пальчиков. И еще ... души. Той самой, которой у медсестры оказалась больше, и которая смогла заполнить опустевший сосуд. Пустой сосуд.
Как мне жаль...

26 декабря. ♂

Неисповедимы, неисповедимы пути Господни, дорогой мой собеседник. Каждый познаёт свои координаты в мире людей в тот момент, когда познаёт.

Я страдал над бумагой с юности. Потом осваивал печатную машинку. Немецкую, кстати - «Роял», купленную в антикварном магазине за большие по тем временам деньги. До сих пор неравнодушен именно к чистым листам бумаги и хорошим перьевым ручкам. А тогда... я доводил до истерики родителей, вынужденных слушать стрекот моей машинки и днём, и ночью. Редакции и издательства не принимали рукописных текстов. А надомные машинистки требовали по 30 копеек за печатную страницу. 200 страниц – посчитай. Тогда это было дорого для меня. И потому у меня не было ни собак, ни кошек, ни черепах. Никогда. И ничего странного в этом я не вижу.

Я всего достиг сам. Потому мне и некого было больше любить. Я любил себя – за труд, за грамотность, за оригинальность создаваемых мною образов, за бессонные ночи, за самолишения – я не бегал с ребятами за грибами, не катался на велосипеде, не болтался во дворе, не щипал девчонок. Я всего достигал сам. Как и ты, кстати. Мы в этом похожи с тобой. Тебе нужно было огромное полотно для нанесения своих рисунков, мне – маленький угол, машинка, настольная лампа, и чтоб никому не мешать спать. Я улетал из этого своего угла, как дирижабль – мощно и высоко. И весь мир был передо мной. Я уже знал этот мир в изложении великих авторов, но видел его уже своими глазами. В огромных очках. Единственное, за что я благодарен отцу – он не пожалел денег на восстановление моего зрения. Нашел удивительного окулиста, который сделал всё, чтобы к 22-м годам я выбросил последние свои очки.

И я привык быть один со своим миром. И тогда тоже, когда был уже довольно высоко на ступенях лестницы, которую называют карьерой. Я был надёжно одинок! Именно потому ты тогда ударила о меня, как горох о стену, и успешно отскочила. Ну, не вполне успешно. Ты сразу и неминуемо ошиблась во мне. Я умел себя вести в обществе, но совсем недолго. Я всегда как можно скорее стремился удрать от людей в уютное гнездо, где всё мне было понятно, где, прикоснувшись авторучкой к бумаге, я мог соорудить всё, чего мне, может быть, не хватало.

Я до сих пор ловлю себя на том, что думаю вслух. Со стороны, наверное, это странно наблюдать. Поэтому я не гуляю в парках и скверах. Поэтому я и машину покупал – чтоб можно было бормотать про себя, никого не шокируя. Но я задумывался часто – машины мне противопоказаны. Я и разбил-то её на Невском проспекте, задумавшись. Хорошо, что скорость была маленькая. Никого не убил и сам не убился.

...А сейчас любой ходит по улицам и бормочет во всю, и громко в одиночестве смеётся, и матом ругается, и оправдывается – в одиночестве! А просто прогресс! Гарнитурные мобильных телефонов дают такую возможность...

Немудрено, что сосуд мой опустел. Я это как-то пропустил. Привык. Не обнаружил вовремя, что надо бы пополнять. И тут твои письма. И гул в пустом сосуде. И прединфарктное состояние... души.

Ты думаешь, что я растворился в новом человеке, в новых обстоятельствах, и забыл о вас? Нет, ну что ты, нет. Ты – мой нерв. Ты – звезда в конце просеки, на эту звезду я рублю эту просеку, как в фильме «Сибириада» Кончаловского. Ты именно такая звезда, которая будит. Ты разбудила – кнутом и пряником подняла меня, прикорнувшего посреди жизни. И продолжаешь будить, и я всё время чувствую твою силу. И твой огромный холст чувствую, и бесконечно цветные кисти. Я не оставлю тебя.

Ты любишь – как можешь. Ты помогаешь даже тогда, когда хочешь погубить. Говорят, хочешь унижить мужчину – пожалей его. И ты жалеешь меня. Но я тебя уже чувствую. И знаю, почему ты такая. И не могу не любить тебя.

Я много рассказывал о тебе Лоле. Поверь, она тоже тебя искренне уважает.

27 декабря. ♀

Вот когда вы говорите слово «любите»... Вы что-то конкретно имеете в виду? Или это слово столь же расхожее в Вашем лексиконе, как выпить и поесть? Я знаю, что половина Ваших романов (большая часть их!) о любви – светлой и возвышенной. Я знаю также, что эти романы – ваша одна большая роль, которую иногда вы выучили хорошо, иногда не очень – схалтурили, скажем. Иногда чувствуется желание срочно бежать за гонораром – сроки подгоняют рукопись сдавать в издательство. Вы пишете бойко и хлестко, но Вы страдаете репортажностью. А там где репортажи... там сразу выходите на свет Вы настоящий. В исключительных случаях репортажная съемка является и искусством. Ну, а когда начинается пересечение вымысла и реальности, начинаются фактические ошибки и фактологические.

Но о чем это я? Я ведь начала с вопроса о любви. Что Вы понимаете под этим выражением «И не могу не любить тебя».

28 декабря. ♂

Здравствуй и процветай, дорогой собеседник. Я почему-то привык не называть тебя по имени. Наверное, так проще.

Не половина, все мои романы о любви. Мне не хватало её в жизни, потому я моделировал её в воображении. А любовь – это всё, это не обязательно отношения мужчины и женщины. Когда мне было 16, моя тётушка, почитав мои стихи, помолчала, потом пошла к книжным полкам, вытащила томик Уолта Уитмена в переводе Чуковского и, ни слова не говоря, подарила мне. Я обиделся. А потом и до сих пор я благодарен ей за эту книгу – «Листья травы». Там короткие белые стихи, но там есть ещё «Песня о себе». Вот она-то меня и перевернула. В 16 лет. Оказалось, что можно любить всё на свете. Можно поставить себя на место любого человека, любого зверя, любого явления. Ты послушай только начало:

Я славлю себя и воспеваю себя,
И что я принимаю, то примите вы,
Ибо каждый атом, принадлежащий мне, принадлежит и вам.
Я праздно слоняюсь и зову мою душу,
Я слоняюсь и, лениво нагнувшись, всматриваюсь в летнюю травинку.
Мой язык, каждый атом моей крови созданы из этой почвы, из этого воздуха,
Рожденный здесь от родителей, рожденных здесь от родителей,
тоже рожденных здесь,
Я теперь, тридцати семи лет, в полном здоровье начинаю эту песню,
Надеясь не кончить до смерти.
Догматы и школы пускай подождут,
Пусть отступят немного назад, они хороши там, где есть, мы не забудем и их,
Я принимаю природу такую, какова она есть, я позволяю ей
во всякое время, всегда
Говорить невозбранно с первобытной силой...

Это только начало. А дальше космос...

Я ответил тебе на вопрос – почему я не могу не любить тебя?

Ну, а за лёгкий критический обзор моего творчества всё равно спасибо. Учту. За гонораром впредь буду ходить только спокойным, размеренным шагом. Не побегу ни в коем случае.

28 декабря. ♀

Вы пишете хорошие стихи. Вы – заслуженный писатель. И вы далеки, как свет погибшей звезды. Было только то, что было... Хотите, я напомню, что у нас еще было? И это было как раз в эти декабрьские предновогодние дни.

Время было тяжелое. Это я сейчас понимаю. Тогда мы другого не знали. Мы жили уже не в лучшей в мире стране, но и не в самой плохой. И то, что в магазинах ничего не было – это просто примета не сытой, но гордой жизни. Мне надо было как-то зарабатывать на эту самую гордую жизнь. Мои друзья ребята-духовики трудились повсюду, где можно: от «жмура» носить – до оркестра мюзик-холла. Они-то мне и нашли работу тапера в ночном баре.

Работа непыльная, сидишь по сути занимаешься, гаммы играешь с вариациями. Ну, может, что на заказ исполнишь. Шаланды-маланды... А мы с малышкой тут по очереди сидеть будем, когда надо...

Конечно, я понеслась в этот бар. Диплом лауреата впечатления не произвел. А слова «хороших» ребят про то, что я хорошая, и были лучшей рекомендацией. Я играла почти каждый вечер в этом баре. Публика была самая разная. Тогда еще не было само собой разумеющимся пойти в ресторан или клуб. Поэтому все, кто туда приходили, чувствовали себя избранными. И вели себя соответственно. Кто такой тапер? Тапер – это человек, улаживающий ухо публики нежными мелодиями. Как правило, всем нравилось, как я играю. Мне оставляли щедрые чаевые. Пытались знакомиться. Приставали, иногда грязно (и чисто!). Самое тяжелое было добираться на проспект Доблести по ночам, когда работа заканчивалась. Про это можно тоже отдельно написать длинную и иногда страшную историю.

Но однажды в бар вошли Вы. Я увидела вас сразу. Вы были не одни. Галантны. Со всеми этими советскими примочками - подвинуть стул даме и пр... Вы снисходительно говорили с официантом. Тот, я слышала, сказал про Вас своему коллеге: «...сидит, выёживается!» И женщина с Вами чувствовала себя Женщиной. Несколько театральным жестом, поправляя прическу, она демонстрировала Себя публике. Как бы говоря: «Посмотрите, кто это со мной!»

Вы были красивы. Вы были бы еще ослепительнее, если бы вели себя естественно без этой преувеличенной галантности, без подобострастной и елейной улыбки. В какой-то момент вы подозвали официанта, заказал музыку. Он подошел ко мне:

- Этот «Очи черные заказывает» и, если знаешь, романс «Слушайте, если хотите, песню я вам спою...»

Я знала все это. Сыграла. Когда играла вторую вещь, Вы даже встали со стула и, театрально встав на одно колено, подпевали. Это было мастер-шоу. Через десять лет это показали бы по телевизору.

Потом от Вас еще поступали заказы. Вы владели вниманием Женщины. И Публики. Этот вечер был Вашим. Все смотрели только в Вашу сторону. Я играла и играла.

Но все кончается. И шоу тоже.

В какой-то момент Вы встали и направились в мою сторону. Подойдя к роялю, вы полезли во внутренний карман. Достали оттуда деньги и почти швырнули их мне на рояль. «Спасибо» - такого слова Вы не знаете.

Как мне хотелось швырнуть эти деньги назад! Как мне этого хотелось!

28 декабря. ♂

А вот этого не было! Просто не было! Ну, признайся!

...Или было? Если я пил, то... Может, и было, но я не помню.

Да. Когда я пьян, мне говорили, я могу вести себя по-свински.

Но нет, вряд ли я швырнул деньги... Я думаю, дело было так: Я подошел к сцене, на которой воцарилась тапёрша, и увидел, что до рояля мне не дотянуться, не взбираясь по ступенькам, которые далеко слева. А отвлекать тебя, прикованную над гаммами, было бы, наверное, не вполне уместно. И «спасибо» моё отвлекло бы тебя от реализации

длинны твоих пальчиков. И я кинул деньги на крышку рояля. И попал (они не свалились к педалям), и я порадовался этой мелочи, и пошел прочь.

Вот в такой редакции я принимаю описанное тобою событие, которому... уж не знаю сколько лет.

Но это всё мелочи, родная. Как ты живёшь? Что тебя радует? Как там наша дочура? Если ты сомневаешься в том, что всё это остаётся в высшей степени важным для меня, то ты ошибаешься! Как, впрочем, ошибаешься во многом.

Видит Бог!...

Хотя... Что это я всеуе...

Я очень честно писал тебе. Правда, ты очень честно наказывала меня за прошлое. Может быть, заслуженно. Может быть, твоими устами говорило... Да, что бы ни говорило! Что было, то прошло. А я принимал, принял твои упрёки! И был готов быть рядом с тобой! И с дочерью! Зачем, зачем ты всё запутываешь, милая! Ты думаешь, что на свете есть идеальные люди? Вздор! Вздор! Да, я такой, как есть. Да, я эгоист. Но я – тонкий, красивый и еще совсем не старый эгоист, который в результате короткой переписки не сумел не влюбиться в тебя, почти не известную мне! Разве тут виден расчет? Ты видишь расчет? Кто ты?

Да, сегодня моё счастье – Лолка. Беременная Лолка, которая очень милая и нежная, и изобретательная - днём, и совершенно невозможная ночью! Лолка, которая способна за 40 минут ухайдочать мужика, а потом захрапеть так, что мужик тикает спать в ванную – лишь бы выспаться - для того, чтоб с утра быть способным зарабатывать средства на жизнь. Да, она молода. Да, у неё не хватает образования, она не так интеллектуальна, как ты, да, она далеко не психолог и совсем не альтруист, но она – мой сегодняшний день. Со всеми попугаями, черепашками, с Филей и прочими хлопотами. Она – реальная женская суть, а не та самая недосыгаемая блоковская незнакомка, которая, будучи совершенно несчастной где-то там, в далёкой Германии, заставляет мучиться и меня! Здесь! На родине! Заставляет меня заниматься самоедством, проклинать себя, подумывать об уходе в монастырь... Зачем, Маргарита? Зачем!

Я повторюсь. Я не знаю, что произойдет в момент нашей встречи, а я верю, это когда-нибудь будет, но то, что уже могло произойти, и чему ты помешала ясно и твёрдо... Я думаю, ты будешь об этом жалеть.

Можно придумать любимую, можно наврать себе, убедив, что полностью счастлив, и пусть все только завидуют мне, можно сотворить другого кумира... другую кумиршу... Нет. Мне кажется, надо жить проще. Проще, моя милая. Надо жить своей жизнью, прости за высокопарность. А не ждать, пока кто-нибудь проживёт эту твою жизнь за тебя!

Было только то, что было.
Будет то, что сотворится.
Помусолив хлебный мякиш,
спелят пальцы божество,
а шельмец озолотится -
натолчёт в ступе водицы,
и пойдет гулять по весям
свежей веры торжество.

Ты не сердись на меня. И я жду твоих писем каждый день. Искренне. Поверь. Всего доброго и с наступающим Новым годом тебя! И конечно, с Новым годом нашу чудную девушку.

Которой ты расскажешь обо мне (как о папе) лет через 40 после того, как я бесславно сдохну от инсульта в каком-нибудь забытом Богом хосписе!

31 декабря. ♀

Через несколько часов – Новый год. Это у нас почти не праздник. Дочка ускакала с подружками куда-то, а я, наверно, зайду ненадолго к соседям (хоть это и не принято у нас), подниму бокал шампанского за следующий год. Вернусь домой. И лягу спать.

Вы знаете, я спрашиваю себя, а действительно, зачем я написала Вам? Зачем? Я написала Вам тогда, когда моя борьба за существование полностью и окончательно закончилась. Я не могла забыть Вас по простой элементарной причине: единственный мужчина в жизни женщины – отец ее ребенка. Но я не смогла бы Вас забыть, если бы и не было этой чудной девочки.

Наверно, это чувство называется - любовь. Страсть. Сегодня мне удивительно вспоминать, что 18-летняя девочка принимала сложнейшие жизненные решения, будучи в состоянии неменяемом. Это мне ясно сейчас: я тоже прошла много километров по дороге с названием жизнь. Я, нынешняя, наверное, давала бы «той» девочке все те умные советы, которые она услышала от родителей, подруг, профессора. Нет, не так. От профессора она ничего никогда не услышала. Ни одного вопроса. Лишь однажды он сказал:

- Если тебе когда-нибудь захочется выговориться, я выслушаю тебя, и эта информация умрет во мне.

Умер он, ничего не узнав.

Так получилось, что молодая девочка увидела вас и больше не смогла забыть. Так получилось. Извините. Меня действительно не было в Вашей жизни. Почему я должна была появиться в ней сейчас?

1 января. ♂

«И взгляд рыжей кобылы убивает во мне всю мою постыдную глупость». Это Уолт Уитмен. Ну, да и Господь с ним, он давно умер... Не Господь, Уитмен.

У нас все спят. И Лола, и Филя, только черепаха никак не справится с конфетти, которую Лола сдуру наклеила на её прекрасный панцирь. Попугаев я накрыл, и они примолкли, наконец. И теперь я твой, моё солнце!

Ты знаешь, это первое письмо, в котором я почувствовал температуру твоего тела. 36 и 6. Я угадал?! Я, видимо, экстрасенс. Шучу. Я иногда шучу.

Я, конечно, не тело твоё имею в виду, успокойся, моя блистательная красавица... Просто это твоё первое письмо ко мне, от которого не брызжет холодом. И ты никогда не сможешь представить себе, насколько мне отраднo ощущать эту тонкую перемену. Это означает, что... Ну, в первую очередь, то, что я – не последняя сволочь! Мне кажется, я опять шучу.

Вообще, мне почему-то очень хорошо! Не понимаю! «Так получилось, извините». Неужели эти бесконечно доступные и ожидаемые слова прорвались из-под твоего тугого нрава и вылились в обращении к сытому цинику...

Мар, Мар... разреши мне тебя так называть. Ну, не капризничай. Я чувствую все твои движения души, и ты не удивляйся, я ж писатель, а писатель – это, в первую очередь, психолог. Имя мамы моей – Марлен. Как-то так случилось, что в советском государстве разрешили, зафиксировали это капиталистическое имя в отношении моей мамы. Дед настоял. Он жил в России с 1892-го по 1956-й. Ему ли не знать, насколько важно имя, которое он даёт своей дочери. Сына, старшего мамы на 9 лет, он назвал Сэмом. И Сэм, я помню, тоже очень хороший.

Почему ты появилась в моей жизни только сейчас...

Всё! (Я уже у камина поплакал. Филя понял, мы с ним дружбаны, и он никому не скажет о том, что я умею плакать, но уж перед тобою-то я не стыжусь, любимая). погоди, сейчас перейду в кухню, у Лолы дар – храпит, как... в общем, очень громко...

Ага! Ты тут же взовьёшься! Типа «Нельзя говорить так о любимых!!» Ты будешь права...

Но, блин! Ты бы послушала этот храп! Такое впечатление, что рядом вдруг заводится несколько мотоциклов!..

Признаюсь, солнце, я выпил немного. И продолжаю. Слегка.

Уже светло. И это первый день Нового года. Я грохаюсь спать, ты прости меня за некоторое немногословие. Надеюсь, что ты провела эту ночь вместе с моей дочерью.

Ядопишузавтра

1 января. ♂

...А вот и завтра наступило. Вместе с лёгкой головной болью и тихим мяуканьем во рту. Но мы уже поправились. Я погулял с Филей по свежему снежку и принял на грудь очень вкусного тёмного пива.

На улице синяя тишина. Все спят после новогоднего шума. Только гильзы от шутих повсюду раскиданы. Дворников не видно, на снегу больше собачьих следов, чем людских. Тихо, машин нет. Тепло. Градусов пять ниже нуля.

Я всё думаю о твоём вопросе – Почему ты появилась в моей жизни именно сейчас.

Девушка, которую ты выносила под сердцем и воспитала талантливой и красивой, скоро, возможно, будет покидать родной дом. Одиночество – Ожидание Одиночества – вот что испугало тебя, красавица. Я это понимаю так.

Думаю, ты сейчас взовьёшься с возражениями – мол, я вовсе не одинока, у меня куча друзей...

Оставь. Женщине нужен любимый и любящий мужчина.

И я тоже думаю, что это я. И пусть тебя не смущает Лола и прочее. Прорвёмся. Лишь бы ты была умницей и регулировала напряжение твоей гордыни.

1 января ♀

Было горьким, стало пресным...
Чтоб сберечь былую боль,
Я сажусь с ногами в кресло
И на раны сыплю соль.

Мне бы петь хмельные песни,
Но бессилён алкоголь,
И пеку я в сдобном тесте
Прежних горестей юдоль.

Позади дурные вести,
Позабыт для них пароль...
Мне в другое кресло сесть бы,
И прогнать былую боль.

А я ее призываю. Новый год, кажется, наступил. Эту ночь я была одна. В моей жизни были ночи и поодинокее. Если так можно сказать по-русски. Вот как не бывает сравнительной степени у слова «мертвый», так, похоже, нет его и у слова «одинокий». Одиночество – диагноз окончательный и бесповоротный. Я не буду хвалиться друзьями. Они у меня, конечно, есть (иначе у меня был бы другой диагноз!). И у меня были мужчины в жизни – я не схимница, не монашенка, не Дева Третьего ордена. Но никогда в жизни я не переживала такого ожога-озноба, когда кто-то касался моей руки, как это было в ту холодную (во всех смыслах!) зимнюю ночь.

Это прикосновение горело долго-долго. И только совсем недавно стало затихать. Я тоже пошла погулять. У нас бело и пустынно. С горки катались дети на санках. Мама стояла в кружок разговаривала. Пап было как-то мало. Наверно, еще спали. И вдруг на зеленом газоне, непонятно откуда взявшемся, я увидела цветущую розу. Белую. Наверно, белые розы особо морозоустойчивые. Жизневыносливые. Мой любимый цвет – белый. И я тоже вынесла эту жизнь.

Пишите мне, писатель, если Вам захочется. Только не бросайте Лолу. Только я одна знаю, как живет брошенная женщина, в которых живет чужая (или очень родная!) жизнь.

2 января. ♂

Проспал ведь вчерашний день. Выспаться в начале года, чтобы потом кинуться в труды – это, наверное, правильно. Буду спать 1-го января во все наступающие новогодья, сколько еще осталось.

Сегодня повезу Лолу и собаку в Павловский парк. Там тихо, и там белки. Самый большой парк в Европе. Я был там два года назад – ночью, после дождя. Тишина – пронзительная, только редкие капли падают с ветки и гулко шлёпают землю. Сумрак просто страшный. И по аллее ко мне приближается туман! Быстро и тихо. Я стою, курю, а он приближается со скоростью приблизительно полтора метра в минуту. И вот я стою просто одетым в туман. Очень густой.

Такси придет через полчаса.

Я не брошу Лолу.

Я хочу увидеть нашу дочь.

Ты ведь понимаешь, что это должно произойти. Давай я приеду к вам в Потсдам вместе с Лолой? Ну, потеплее будет – и приедем. Мы не будем вас беспокоить, я знаю у вокзала замечательную гостиницу. Кажется, «Фридрих-холл» называется. Впрочем, это было давно. Мы можем встретиться в городе, просто как старые друзья, и в этот раз ты можешь даже не сообщать ей, кто я. За Лолу я не беспокоюсь, она будет вести себя совершенно деликатно и доброжелательно. Да и ты, я думаю, умница. Давай?

Лола, кстати, никогда не была за рубежами родины. А в её положении прогулки в европейской тиши будут крайне полезны. У нас здесь, в отличие от Европы, раздражения на улицах достаточно.

Филю и прочее зверьё оставим на Нину.

Может, тебе что-нибудь привести? Чего у вас там нет? Мёда? Пеньки? Икры? Леса?

Я сейчас на витке творческого подъёма. Не удивляйся, но пишу сейчас продолжение шекспировского Гамлета. Больше ничего не могу сказать – боюсь выболтаться, скажу только, что работа крайне интересная.

Итак, жду твоих соображений по поводу нашего вояжа по маршруту Питер – Потсдам.

2 января. ♀

Я прочитала Ваше письмо. И увидела в нем только одно слово. Потсдам. Наша последняя встреча с Вами состоялась... на пути в Германию.

...И снова была зима. Питер занесло снегом. Метели бушевали по проспектам, а в домах лопались трубы. Было очень холодно. В один из таких дней мы уезжали. Мы улетали из той страны. Навсегда. Насовсем. Мы – это я, маленькая дочка, которая, правда, уже вовсю бегала и совала свой любопытный нос во все щели, и профессор. Наша семья улетала в Неизвестность.

Такси сумело пробраться через снежные заносы и довезло нас до Пулково 2. Международный аэропорт. Отсюда тогда один раз в неделю летали самолеты по маршруту Санкт-Петербург – Берлин.

Первое, что мы услышали: «Рейс № откладывается на два часа». Взлетную полосу занесло снегом. Мы прошли регистрацию. Сдали вещи в багаж. У нас всё равно остались в руках большие сумки. Мы пошли в буфет. В аэропорту был маленький грязный буфет с бочковым кофе и пирожными-эклер. Там стояла довольно длинная очередь. И последним в этой очереди были... Вы.

Я тридцать минут (или вечность!) дышала Вам в затылок. Наша маленькая дочка бегала у всех под ногами. Кажется, на нее шикали люди. А я стояла, помертвевшая и похолодевшая. И казалось, что мир существует отдельно от меня.

Меня вернул к жизни профессор:

- Что ты будешь? Мы уже стояли первыми у кассы.

- А какой выбор?

Мы пили долго и протяжно бездарный отвратительный кофе. К тому же сладкий (я не люблю сладкий кофе!). Пока где-то не прогремело: «Объявляется посадка!..» И потом этот же текст по-английски.

Потом бесконечно неприятный паспортный контроль. И вот – нейтральная зона. В окне я видела самолет, который должен был унести в другое чужое будущее. Мое прошлое только что осталось за границей.

В этой самой зоне, в магазине-мечте наших сограждан под названием «Дьюти фри» я снова увидела вас. Мне некуда было деться здесь. Я была в зоне – в заключении. Но вы скользнули незнакомым взглядом по мне, по мечущемуся между ног ребенку. Кажется, даже что-то сказали: «Какая славная девочка!». Пошли дальше. Но ходить там особенно было негде. Поэтому мы постоянно встречались. Постоянно натыкались друг на друга. К тому же дочка была в ярко-розовом комбинезоне, который я купила при немного странных обстоятельствах.

Вещи не играют роли в моей жизни. Но этот комбинезон я должна описать. 30 декабря мне позвонила приятельница. В общежитие. На вахте она оставила мне сообщение, что 31 декабря в Доме детской одежды на (не помню улицу) будут что-то продавать для детей. Это было время дефицита, которое мы уже все успели забыть. Она жила рядом. Поэтому в пять утра она заняла очередь. И мерзла в ней до 8. К этому времени подъехала я. И уже потом стояла до 10.00 – до открытия магазина. В 10.00 толпа рванула в разные отделы: никто не знал, где что будут давать. Это называлось «выбросили». Я никуда не бежала. Просто подошла куда-то и стояла.

И вдруг именно к этому отделу подъехала какая-то тележка, и дородная дама стала выгружать с нее что-то невероятно красивое. Какое-то необыкновенно яркое, что, казалось, мир стал светлее и праздничнее. Я была первой в очереди за этими радостными произведениями финской легкой промышленности: детскими комбинезонами. Я получила на руки какую-то бумажку и побежала к кассе. Там я радостно поменяла ее на кассовый чек, отдав кассирше деньги. Эти деньги были те самые деньги, которые Вы дали вечером одной незнакомой таперше. Вы не лжете, когда говорите, что даете щедрые чаевые. Ваших денег хватило на целый комбинезон.

Вы сказали незнакомой женщине с ребенком: «Какая очаровательная малышка!» Сейчас вот смешно как-то. Очаровательная малышка была одета в подарок «от папы».

Потом мы поднимались по трапу. И вы шли сзади меня. Дочка не могла подниматься на ступеньки. А у меня и у её тогдашнего официального папы все руки были заняты вещами. Но вы не предложили помочь, да и дочка не пошла бы ни к кому на руки. Мы как-то доковыляли до салона. И там наши пути разошлись. Наши места были где-то в хвосте. Ваше – впереди. Мы летели в Берлин...

3 января. ♂

Здравствуй.

Вот видишь, какой я, оказывается, заботливый папаша – и кормлю, и одеваю! И потчую бочковым кофе.

Нет, девушка, в очередной раз не могу потрясти тебя уникальностью моей памяти. Да, летал в Европу, и не раз. Девочки в оранжевом комбинезоне и девушки под ручку с престарелым мудрецом – не помню, хоть убей! «Какая славная девочка!» - да я скорее провалюсь, чем произнесу эту киношную фразу! Если мне что понравилось, я наблюдаю! Могу не сдерживать улыбки или нарочитого внимания глаз, но чтобы ляпнуть кому-нибудь «Какая славная девочка!» или «Какая замечательная у вас собачка!», или «Как вы сегодня впечатляюще выглядите!»... Нет, милая, я молчун. Либо ты эту встречу просто выдумала, либо это был не я...

У меня вообще складывается впечатление, что я стал героем некоего розыгрыша. Сидит по ночам в замечательной больнице имени Кашенко компания веселых досужных теток с ноутбуком старшей медсестры и шутит! А что мне еще думать! Уже не в первый раз ты на мои прямые обращения с конкретными вопросами отвечаешь чем-нибудь... в общем, не отвечаешь!

Ладно. Прощу тебе эти странности. Ты ведь прощаешь мне мои...

Не буду рассказывать тебе, как мы погуляли в парке. Это непередаваемо. Это надо видеть, слышать и еще нюхать. Будешь в Питере – не забудь посетить Павловский парк. Только не говори, что 12-я наша встреча с тобой произошла 100 лет назад именно там, и

ты меня узнала, а я тебя нет. Мол, ты кормила с руки белочку, а я на цыпочках подошёл сзади, жарко подышал тебе в затылок и прошептал: «Какой уморительный зверёк». Вот не поверю!

Я не все парки люблю, но Павловский... Он дикий. У страны нет денег на его реставрацию, и потому там царит странный и интригующий дух заброшенности. Руины старинных мраморных беседок в зарослях отражаются в зацветших прудах, или просто лес переросток, аллеи, по которым... даже трудно представить, кто только ни бродил!

Очень редко я приезжаю на кладбища. На старинные кладбища. На Волковское, например. И знаешь зачем? Просто чтоб справиться с бедами и проблемами, а именно – чтоб обесценить эти проблемы. Возле тихих могил великих людей все мои проблемы становились настолько мелкими и никчемными, что... В общем, я покидал эти погосты совершенно светлым и уверенным в своих силах и в справедливости мироустройства по отношению ко мне.

Ну, так и как же ты отнесёшься к прогулке по Потсдаму? Как-нибудь в конце февраля? С зонтиками? И пивом? Вчетвером?

Я жду.

5 января. ♀

Нет, не было у нас больше встреч. И не будет. Ни в Потсдаме, ни в Берлине, ни на другой планете. Я не буду говорить, что я не поеду и в Петербург. Сейчас в плане гастролей на ближайшие два года этого города нет, но кто знает, что будет дальше? Для чего Вам нужна эта встреча? Как Вы себе ее представляете?

Не будет легкости нового знакомства, чтобы поговорить о погоде и творческих планах. У нас нет общего прошлого, чтобы его вспоминать. То небольшое, что я помню, у вас вызывает отрицание и протест. Я смеялась над фразой: «Я на цыпочках подошёл сзади, жарко подышал тебе в затылок и прошептал: «Какой уморительный зверёк». Я смеялась, а по лицу текли слезы. Да. Эта жизнь уморительна в своей жестокой комичности. Она уюкошит кого угодно, смеясь в полный рост. Над твоим прошлым: «Какая славная девочка!» Это же очень смешно, когда дочка узнает о существовании заботливого папаши, кормящего и одевающего. И мы с ней вместе обхохочемся. Это же 16 полоса «Литературной газеты». Кабачок «13 стульев». Нет, поистине - когда судьба улыбается, юмористы плачут.

О чем будет эта встреча? Чем она станет для моей дочки?

- Посмотри, это твой папа! Твой отец! Мужчина, благодаря которому ты сегодня здесь есть!

И удивленные, широко раскрытые чужие для вас глаза дочки. И только немой вопрос:

- Почему ты молчала?

Ее отец давно и красиво умер. И я вам это объяснила. И если это непонятно писателю-психологу, многократно воспроизводившему схожие ситуации в своих неподражаемых романах, мне трудно найти слова и выражения, которые смогут его убедить.

Я могу организовать вам сопровождение в Берлине. У меня много знакомых, делающих профессионально экскурсии. Среди них – даже такой забавник-немец, который сделал маршрут по фильму «17 мгновений весны». Одевается в форму штандарт-фюрера СС (только без свастик на рукаве), водит группы к роддому, где кричала «мама» по-русски радистка Кэт, показывает останки канцелярии, по которой ходил Штирлиц, места, которые так или иначе связаны с этим популярным фильмом.

А другая подружка держит лучший в Европе ресторан иностранной кухни. Называется «Grüne Lampe» - «Зеленая лампа». У нее можно съесть борщ, если у вас вдруг проснется ностальгия, и заказать гречневую кашу. Я организую вам вход во Фридрих-паласт. И сделаю все возможное, чтобы пребывание в Берлине запомнилось вашей Лоле. Но меня на этих встречах и экскурсиях не будет. Хотя бы потому, что в феврале у меня гастроли в США. Я играю в Карнеги-холл. С дирижером Нагано, если это о чем-то Вам говорит.

5 января. ♂

Ты дикая и неразумная кошка! И не поцарапай нам, пожалуйста, при случае уважаемого господина Нагано! А то он на сцену Карнеги-холла так и не поднимется, устеснявшись цапок-царапок на породистом носу!

У меня нет большого опыта впервые встречаться с родными дочерьми, которые обо мне никогда не знали. Ну, вот нет! Не накопил. Да и ты вряд ли предъявляла наше сокровище каким-нибудь мужикам со словами «Посмотри, деточка, это твои папы!» Всё в жизни происходит один раз. Для меня инструкцией в подобном потенциальном действе служит фрагмент нашумевшего в мире фильма «Москва слезам не верит». Там всё происходит очень даже мило и гармонично. Но я ведь даже не это предлагаю. Ты можешь не говорить ей этих заветных слов: «Глянь-ка, дочк, а нет ли тут где нашего папки?!» Совершенно инкогнито предлагаю. Мол, вот, типа, Стасик из Питера заехал книжку отдать, зачитал 20 лет назад, пойдём погуляем с ним и с его подружкой?

И всё!

Поверь, я скрою свой восторженный взгляд, в глубине души я артист! Ну, уж, где психолог, там и артист!

И мы уедем обратно. И даже потом ты можешь ей не говорить, кто это был на самом деле. И я сам никогда без твоего позволения не скажу ей об этом, я тебе это уже обещал! Но вдруг ты передумаешь?

Я еще раз обещаю! Ни я, ни Лола, мы не подадим ни единого намёка на то, что... намёка на то.

И еще тысячу раз готов обещать, раз ты ни фи́га не помнишь! Вообще, как ты гастролируешь по миру с такой памятью, я удивляюсь! Есть, кстати, замечательные таблетки... Впрочем, ладно.

Ты злишься. Причем злишься наплывами, как цунами. То штиль, то шторм, а нет ли какой-нибудь более приемлемой погоды в твоём кошачьем характере? Ну, лёгкий бриз, например... Вечерний такой. С медузами...

И почему ты полагаешь, что мы будем говорить о погоде? О творческих планах – вполне. А вдруг я смогу как-то ей немножко помочь в её начинающейся жизни? Да наверняка! У меня тоже много в активе всевозможных творческих общин, обществ, да и просто тусовок. Кто она, куда она рванёт? В музыку, в литературу, в продюсеры? Если бы ты спокойней относилось к тому, что уже тысячу раз перемолото, ты обрела бы в моём лице реальную подмогу в будущем любимой и единственной дочери!

Или ты ревнуешь?

Ну да. «Я её кормил-поил, я и буду её танцевать!»

Это опять твой эгоизм! Врожденный, небось! Он тебе глаза застит! Ты продолжаешь меня ненавидеть, продолжаешь ненавидеть всё, что со мной связано! Ты так интуитивно когда-нибудь и дочуру начнёшь ненавидеть, если вдруг заметишь в ней похожесть на меня – не знаю, в выражении глаз ли, губ! Опомнись, девушка!

Боже! Похоже, что и мудрец-профессор тебя ничему не научил!

10 января. ♀

Я рассердилась, прочитав Ваше письмо. Я рассердилась. Давайте мы с Вами договоримся раз и навсегда, что Вы никогда, никогда не будете всуе вспоминать профессора. Вы этого не заслужили – вспоминать его. Вам не доверено. Он дал будущее мне, подхватив под крылья, когда они уже были готовы скукожиться. Он дал будущее моему ребенку, вашему ребенку, если хотите.

В тот день, когда профессор сделал мне «странное» предложение, я долго гуляла по городу. Я вышла из консерватории, перешла через мост лейтенанта Шмидта на Васильевский, прошла мимо Академии художеств, направляясь на Петроградскую. Я шла по городу и думала: «Что мне делать?» Совсем уж неожиданным это предложение для меня не было. Именно он повез меня в роддом: ни мамы, ни папы, ни тем более отца ребенка рядом не было. Он встречал меня у дверей Института им. Отто с малышкой на

руках. Он выбил мне комнату в общежитии. Конечно, я была и осталась его самой любимой ученицей. Наверно, и самой талантливой. Но со временем я стала и его любимой женщиной. Он восхищался моим талантом. На самом деле он любовался мной. Я ловила его взгляды на уроках. Он обычно сидел рядом со мной. Но иногда вставал и молчал, стоя за спиной. Он никогда не прикоснулся ко мне. Лишь в тот день, когда он предложил мне уехать с ним, он взял мою руку. И я почувствовала, как по его руке бежит волна. Я почувствовала, как он волнуется. Профессор. Старше меня на 20 лет. Самый молодой профессор Ленинградской консерватории за все годы ее существования. И самый талантливый пианист, которого я встречала на моем пути.

Я шла по городу и раскладывала все по полочкам в моей голове. И знаете, что стало решающим фактором? Осознание, что, если он уедет, у меня уже никогда не будет такого профессора в этой консерватории, уже никто и никогда не будет так радоваться моим победам на конкурсе. Его место станет пусто. К кому я смогу еще привести на занятия моего маленького шустрого ребенка.

Решение сказать «да» было принято на углу Большой монетной улицы и Каменноостровского проспекта, в двух шагах от дома, где жили мои родители. И в трех шагах от Вашего.

Он дал мне все, мой профессор – карьеру и счастье в личной жизни. Как не банально это звучит!

Приезжайте с Вашей Лолой. Я уже все сказала по этому поводу. И прошу – говорите ей, что она вам нежна. Всю жизнь - свою жизнь - я ее искала... Не любовь, не страсть... Нежность.

10 января. ♂

Спасибо. Ты прекрасна! Ты прекрасна...

Я тоже довольно часто бродил по мосту лейтенанта Шмидта. Он не такой официальный, как Дворцовый мост, и я его больше люблю. Его первое название – Благовещенский, и он был первым мостом через Большую Неву. Я просто знаю, я когда-то давно писал про строителя этого моста, про автора – Станислава Кербедза. И даже ездил в командировку в Варшаву, и был на кладбище, где он похоронен - стоял у склепа с его барельефом. И в церкви Святого Христа был, где его отпевали. Там и сердце Шопена замуровано, в этой церкви. Скорее – в соборе. Кербедз и через Вислу первый мост построил, а сейчас их только в черте Варшавы около пяти, не помню.

А на углу Большой Монетной и Каменноостровского в старинном красном доме, под самой крышей, в мансарде, живёт мой дальний родственник. Он сын знаменитого художника, который, кажется, преподавал в академии Репина. Я помню этого старика. Он был великим художником, не имея кистей рук. Оторвало взрывом. И он как-то приспособил свои косточки, чтобы держать кисти. Я и сейчас бываю в его квартире-мастерской, и общаюсь с его сыном. Редко, правда.

Мы бродили одними маршрутами. Такие разные. Я, конечно же, не буду нападать на твоего профессора, на человека, которого я не знаю, и которому ты безмерно благодарна. Просто я иногда зол. В основном - на твои бесконечные фокусы.

Я несказанно благодарен тебе за принципиальное согласие видеть нас с Лолитой в Объединенной Германии, за согласие показать мне нашу дочь. У меня просто слов нет, я в предвкушении весь. И пусть ты отрезала путь к нашему с тобой обоюдному официальному семейному счастью, я вряд ли смогу утолить каждодневную жажду твоих писем. Я перечитываю их десятки раз, даже те, которые меня взбесили до кончиков волос. Я вспыльчивый, ты не поверишь. Я могу не возвращаться к разозлившему меня письму день, ну, два, и всё равно оно обречено быть прочитанным еще не менее 10 раз! Вот такой я смешной.

И хоть встреча наша состоится только месяца через два, я уже сейчас начну старательно к ней готовиться. По-немецки я говорю очень плохо. Буквально – «руки вверх», «Гитлер капут» и «их бин большой». Очень надеюсь, что наша девушка русский знает. А! Чуть не забыл! Лола же прекрасно знает немецкий! Еще от медицинского техникума ездила в Германию типа по обмену опытом, а позже, лет через семь, уезжала

на заработки и год почти работала сестрой милосердия в каком-то вашем хосписе. Правда, власти её потом выслали за то, что работала без разрешения.

...Ну, по крайней мере, она так рассказывала. Никогда не думал, что медсестрам в Германии платят такие большие зарплаты. Когда вернулась - сразу купила квартиру. Вот такая у меня умница-жена. Живот у неё растёт не по дням, а по часам, хотя совсем недавно, вроде, всё началось!

Так ты не сердись на меня? Не сердись!

Ты красавица. И у тебя удивительные стихи. Да и вообще...

И пиши! О чем угодно, но не переставай отвечать на мои письма.

11 января. ♀

О чем угодно написать...

Все чище и чище –
Так время фильтрует себя.
Задержаны прошлым
Потери, победы и боли.
Ты гол, словно нищий:
Все семь моих жизней, семь Я
Я бросила в бой
На последнем ристалищном поле.

Турнир за турниром.
И были какие бои!
Тебя у меня
В результате почти не осталось.
Последнее Я
На ристалищном поле любви...
А время все чистит
И чистит себя, улыбаясь.

11 января. ♂

Чем душа заражена,
опорожнена?
Что-то пятится в груди
настороженно.
Не вернулось ли оно,
чувство важное?
Или это всё вино
бесшабашное?
Или, может, давний сон
плоть обрёл,
где торжественный, босой
ливнем брёл,
как пацан в немом кино
про кого-то там.
Но ведь это всё давно
перетоптано.

Два хряща да позвонок
тянут срок разом.
А в следах ленивых ног
не песок разве?
И у зеркала кураж:
ну, не рожа ли!

Там, где мысли были, фарш
размороженный.
Ну, и как теперь понять
эти хлопоты?
А поймешь, так не унять,
да охота ли?
Страсти эти я бы только
расплодил.
Не совсем ещё потух я,
Господи!

Только вот старуха-совесть,
словно Берия,
приговор бубнит, как повесть.
А не верю ей!
И краду, как вор корову,
ясный взор
и улыбку-катастрофу.
Вор, так вор.

11 января. ♂

Это я в тяжелую минуту одиночества написал, не сейчас. Была в моей судьбине безответная любофффф.

А сейчас... Сейчас я счастлив, а стихи послал просто в ответ на твои вирши.

Снизойди до меня, Марго, перебори себя, если можешь, и просто расскажи о том, как вы там существуете. Это не любопытство. Я хочу знать. Чтоб мог домысливать что-то, чтоб воображение включилось, чтоб я мог представить себе ваш нынешний дом, или квартиру, парк, или сад, дорогу на работу. Окружение друзей, если они есть. Не скупись, напиши поподробнее.

Подошел Филя и носом подкинул с моих колен ноутбук. Просится наружу. Это уже третий раз за последние два часа. Чем его Лола накормила? Сейчас вернусь...

...Ну, так вот! Мне надо представлять себе вашу жизнь – твою и нашей с тобой красавицы Марлен. До сих пор, вернее, до телесюжета из твоего дома, следуя тону твоих то обвиняющих, то почти жалующихся писем, взывающих окружающий мир к состраданию (заслуженному, надо думать), я представлял себе нечто, постоянно мучащее тебя. Например, унылую квартирку в подвале старого дома, снятую за небольшие деньги. И умещается в этой квартирке только рояль, компьютер, раковина с холодильником и ваши с Марлен утлые кровати в два этажа. Печурка на кухне и свечи на столе, закапанном слезами. По трём углам мышеловки. В четвертом - иконка с лампадкой. А на стене в рамках три портрета – мой, профессора и Микки Мауса, которого маленькая наша дочура вырезала когда-то из книжки комиксов, а теперь каждый вечер, ложась спать, печально говорит ему «Н-найт, Микки!»

А в маленьком дворике стоит велосипед, прикованный к старой липе тяжелой металлической цепью. Вы с Марлен по очереди катаетесь на нём. И в основном – к роднику за шесть километров, потому что водопроводную воду в вашей квартирке пить невозможно. Велосипед завязан с цепью громадным замком, ключ от которого всегда висит у тебя на груди, слегка холодя нежную кожу пианистки. (Завидую ключу).

А ваши единственные «друзья» – соседи сверху. Они постоянно жалуются в муниципалитет по поводу громкой игры Марлен на нашем рояле. И по ночам специально заливают вас всякими лужами, чтобы рояль поскорее сгнил, и чтоб потухла лампадка у иконы со светлооким образом девы Марии.

А на ужин у вас четыре картофелины, сваренные в мундирах, щепотка соли и самодельный квас. А удобства во дворе! Во дворе другого дома - за четыре квартала от вашего!

Маргарита! Напиши, что это всё не так! Успокой меня, а то я вам валенки пришлю. Две пары. Огромных, солдатских – у меня сосед майорствует на военных складах.

Извини, Филя, кажется, обоссался.
В общем, пиши!

12 января ♀

И все не так, и все не здесь. Кажется, так говаривали древние... Я очень вас огорчу, наверно, если скажу, что правдиво в вашем ярком описании только наличие рояля. У меня их даже несколько. Один - белый - стоит в гостиной, которая тоже вся белая: мебель, пол, ковры шелковые. И только цветовыми акцентами врывается туда яркая солнечная живопись одного питерского художника: когда я была в последний раз в вашем городе, я купила у него полмастерской. Я так влюбилась в солнце на его полотнах, что решила перенести его из вашего мрачного города сюда, в Германию. И занавески, которые практически никогда не закрывают окон – из красивого настоящего дамаста – в той же цветовой палитре, что и живопись. Из гостиной открывается потрясающий вид на озеро. Я всегда мечтала жить у воды. Я реализовала свою мечту. Но в гостиной я практически не бываю.

В моем доме есть подвал, который оборудован для деловой жизни. Здесь находится мой рабочий кабинет с библиотекой и компьютером, а также студия звукозаписи с роялем. Когда новое произведение на подходе к тому, что его можно исполнять для других, я обязательно записываю себя и слушаю ушами других людей. Этот подвал тоже светлый. И здесь тоже все в чуть теплых тонах. Рядом с роялем для занятий стоит уютный диванчик с пушистым пледом. Иногда, когда руки и спина начинают болеть от многочасового сидения за инструментом, я ложусь на него и позволяю себе часик-другой поспать. В этом подвале – окна в пол, которые тоже выходят на озеро: участок земли под сильным наклоном спускается к небольшому пляжу. Летом там мы устраиваем пикники. К нам любят приезжать друзья, чтобы покататься на лодке по озеру и даже ловить рыбу (те, у кого есть официальное разрешение на ловлю).

У меня – большая библиотека и большая фонотека. И много цветов в доме. Вечно-зеленых и свежесрезанных. Я люблю цветы по сезону. Сейчас повсюду стоят хризантемы. Белые, в основном.

На втором этаже – наши комнаты. Моя спальня. Комната Марлен. И комнаты для гостей. В них – стерильно-чисто.

Вот и вся моя жизнь. Она проходит в работе и... работе. Потому что концерты отдыхом назвать нельзя. Я люблю свой дом. Я его строила сама. Здесь все продумано – от первого штриха до последнего. И мне здесь удобно и комфортно.

Вы это хотели услышать?

А, велосипеды у нас есть. Они стоят почти всегда в гараже. Там же, где наши машины. На 18-летие Марлен я купила ей небольшую девичью машинку. Она сдала экзамены и получила водительские права. Так что вовсю гоняет на своей «авто» и не претендует на мою машину. На велосипедах мы часто совершаем прогулки по окрестностям. Нам это нравится. И дочка – из тех, кто не стесняется знакомить подружек со своей далеко не престарелой мамой. Мы все дружим. И иногда мне кажется, что я знаю такие секреты ее подруг, в которые они даже её не посвящали.

На свое 18-летие Марлен организовала «анитстайлинг парти». Она мне заявила: - Мама, знаешь, нам надоело одеваться как пай-девочкам, мы хотим, как это вы говорите, оторваться. Я приглашу всех друзей (у нее – колоссальный круг знакомых: из детского сада, из начальной школы, из районного хора, из городского хора – она поет, из театральной студии, из гимназии). Но я хочу, чтобы все были одеты как попало – не стильно. У нас найдется какое-нибудь рваньё в доме?

Это оказалось задачей намного более трудной, чем найти вечернее платье и пару бриллиантов к нему. В результате девочка выглядела так. Какие-то штаны мои спортивные, в которых я бегаю по утрам. Одна штанина подвернута до колен. На ноге полосатый гольф как у Пеппи длинный чулок. Другая опущена – из-под нее торчит какой-то розовый носок. Башмаки разные. Сзади – в виде хвостика белый теннисный носок. Наверху из-под полудраного топика торчат какие-то перья зеленые. Бейсболка оранжевая надета задом наперед. На самом деле получилась такая живописная и очень «стильная» картинка.

Она очень красивая - Марлен. У нее точеный профиль и огромные карие глаза. Прекрасная кожа. И она очень талантливая. Во всем. Ее огромная компания друзей, которая чуть не смела дом, существует благодаря ей. Она всех объединила. И теперь ее друзья из начальной школы дружат с девочками-мальчиками из Молодежного хора. Она – мое счастье. Я только каждый день посылаю в космос сигналы, чтобы это счастье продолжалось как можно дольше...

Валенки прислать можно. Моя девочка не знает, что это такое...

15 января. ♂

Уезжал на пару дней. Поездка выдалась холодная и грустная (похоронил хорошего писателя).

Ну, рад за тебя. Представил дом, плющ, озеро, лодку, лошадок в конюшне, в общем, похоже, всё хорошо.

Спасибо за адрес. То, что ты его мне прислала, означает конец той холодной войны, которую ты вела против меня, терзая мое горячее сердце. Это первый знак доверия. Я в знак благодарности выслал вам сегодня утром две пары замечательных валенок! Белых! Они удивительно уютно пахнут войлоком. Если случатся в ваших краях сугробы этой зимой, удовольствие испытаете неописуемое, кувыряясь в них с сознанием того, что ноги останутся сухими и тёплыми. Всё мое детство зимой ассоциировалось с валенками. Зимы на Ленинградщине тогда были снежными и холодными. И мы прыгали в сугробы с крыш сараев, строили крепости, в общем, не пересказать. Правда, отпускали меня гулять с пацанами не очень часто. И каждый раз я с ними не успевал познакомиться хорошенько. И каждый раз знакомство происходило заново. И почти каждый раз приходилось драться, орошая красным свежий снежок. Но это было всё же не всерьёз. В девять-то, в десять лет...

А летом я однажды был в пионерском лагере. Ты бывала в таких? Там я был уже влюбчивым подростком. Тогда я уже прочел книжку для молодоженов «Аспекты брака». Родители её прятали в серванте, на верхней полке, в синей вазе для цветов. Так вот я влюбился в лагере. И переплывал реку, чтоб Маринку угостить арбузом. Арбузы, между прочим, хорошо плавают. А я тогда плавал хуже арбузов.

Только Маринка из автобуса вылезла, я раз! – и влюбился. Стоим у кладовой с чемоданчиками. Помнишь? На каждом чемоданчике бирочка с фамилией. Её - в старший отряд, а меня – в средний хотели. Потому что ей уже 14. Я говорю: «И мне 14». Прошло. Потом разобрались, что мне 12, а поздно.

А она плавала лучше всех и часто уплывала. Там такой островок был посреди реки – по воде это метров 200 от пляжа. Её чуть не выгоняли за дисциплину, а потом плюнули, потому что она в спортшколе с бассейном училась.

Я её сначала тайно любил. А потом танцы в столовой организовали. Господи! «Торреро» на всю столовую! Была еще одна пластинка, но быстро никто не умел танцевать, а «Торреро» – все! Помнишь? Просто держишь девчонку руками за спину и переступаешь, как медведь-шатун. А она тебя за плечи. У обоих ладошки влажные от испуга, и под ладошками мурашки бегают.

Первые пятнадцать раз «Торреро» крутится вхолостую! Столы убраны, стулья по стенкам, тут мы – девчонки напротив, они на нас – ноль внимания, мы на них - фунт презрения, все сидят и хихикают! И гремит «Торреро»!! И тут в столовую заходит директор лагеря, глядит выразительно на часы, потом руки за спину - приблизительно на полминуты – мол, вон я всё еще какой добрый. И сразу: «Через десять минут заканчиваем!»

И тут паника! Девчонки ищут глазами своих... своих мужиков! Мужики дожидаются начала «Торреро» и - как в прорубь! Кажется, – вот все сиганули через зал! В результате – три пары мальчик-девочка, остальные 12 пар – девка-девка!

Я с Маринкой. Это не передать! Её запах! Нежность такая, что... Её волосы касаются моего уха. И я ж понимаю, что это уже верх распушенности! Запах! Я теперь, если иногда слышу «Торреро», в носу появляется запах той нашей танцевальной столовой - тонкий аромат котлет с мучной подливой и чуть-чуть подгорелых макарон.

И всё-таки эта лагерная столовая была для меня - ну, всё равно что, спустя десятилетия, первый просмотр «Эмануэль».

В общем, она поняла, что я в неё влюбился по уши.

На родительский день отец ко мне минут на 20 приехал. С арбузом. Чмокнул меня - и на поезд. А к Маринке никто не приехал, и она уплыла к себе на этот островок. Я видел, как уплывала. А у нас редко арбуз давали. Вишни как-то были, яблоки, а вот арбуз... И вот я с этим арбузом – на пляж! Иду мимо её сандалий с платицем, бросаю рядом свои одёжки и – с арбузом в воду! С брызгами! Джеймс Бонд, ёлки-палки!

Две трети пути плыву - ничего, а потом сразу – всё! Ищу ногой дно. Арбуз впереди себя толкаю, а устал уже! И тут течение. И несет меня уже куда-то мимо острова. И правая нога не слушается. И вот когда я понял, что это всё, я вдруг вижу за холмиком Маринку. Сидит на песке лицом к солнцу и ничего не замечает. Купальник беленький, вместо панамки, - на голове. То есть, хоть назад плыви! И не могу. Я вообще уже никуда не мог плыть! А до островка еще метров 25. И я ведь молчал! Чтоб её не испугать. И вот когда я клюнул уже раз сто, когда вода уже из ушей, а арбуз уже далеко, я наконец кричу: Маринка! И буль-буль! Мари... И буль-буль... И мне уже всё до лампочки. В общем, я Водяной, я Водяной, никто не водится со мной! И еще дурацкая фраза в голове сидит: «Спасение утопающего – дело рук утопающего»!

И всё же я вижу через свою, извини, прозрачную соплю, что она меня услышала! Пригнулась к песку. Смотрит на меня: вру - не вру? Но всё, наверное, выглядело уже так плохо, что я вдруг вижу Афродиту, бегущую к воде. То есть - мне навстречу.

Она как-то сразу рядом оказалась. Подхватила, потащила меня за собой быстро, сильно, а я хватаю ртом воздух, давлюсь водой и думаю только о её купальнике, которого ж вот ведь на ней нет! Совсем! Не помню других мыслей!

Потом сидим, молчим. Арбуз упустил, ножик потерял. Обыкновенный, столовый ножик. Видимо, выпал из плавок. Перед Маринкой стыдно. Обратного-то я уже не поплыву – страшно. Маринка, уже в купальнике, конечно: «Ничего, обратно вместе поплывем, не бойся, я ж рядом буду. Только ты не говори никому». Я ей: «И ты не говори никому, что я плаваю как топор».

С тех пор прошла куча лет. Ни разу Маринку не встречал. И ничего о ней не знаю. Вообще, детство забывается. Вот ярко помню только удаляющийся от меня по течению большой арбуз – зеленая макушка с хвостиком на солнце сверкает, и Маринку, бегущую по волнам мне навстречу. И еще чувство неловкости осталось: она ведь мне эту мою жизнь вернула, а я так и не угостил её арбузом.

Вот вспомнилось что-то. Это ты про пати Марлен рассказала, и мне вдруг вспомнилось это давнее летнее приключение из детства.

Очень хочется вас увидеть.

У Лоры скоро пузо на нос полезет.

15 января. ♀

Добрый день, Александр!

Я первый раз называю тебя по имени. И на «ты». Как-то мне захотелось сказать тебе ты. У меня – день совсем недобрый. Нехороший, страшный день. Сегодня дата... У меня ушла из жизни моя племянница. Это случилось несколько лет назад. А точнее – три года назад. Ей было двадцать. Ей уже никогда не будет больше. У меня есть брат. Родной. Но так получилось, что в день моего разрыва отношений с родителями, я разорвала и с ним. Мы как-то жили все эти годы, не общаясь. Общие знакомые или родственники рассказывали мне, как складывается его жизнь. У него – четверо детей. Сейчас – трое. Я знала эту девочку до 3 лет. Это был милый очаровательный живчик с карими глазами и кудрявыми волосами. Она забалтывала всех своими рассказами-считалками-скороговорками. Она приходила в мою комнату в нашей большой квартире на Монетной, и мы с ней вместе рисовали. Однажды она сказала мне, что не любит Вовку. Он – дурак.

- Ленусь! Откуда ты знаешь такие слова?

- Не знаю. Я где-то слышала.

- А кого ты любишь?

- Тебя люблю.

В день, когда она ушла, оставив записку «В этом виноват только ОН!», мне позвонила моя мама. Это произошло через много-много лет нашего необщения. Она плакала и просила прощения. Она говорила, что она не права, не права, не права. И папа тоже не прав. И она просила меня снова позволить им называть меня дочерью, а Марлен – внучкой. И папа подошел к телефону. И я слышала его старческий срывающийся голос. Ему было очень трудно говорить. И он тоже просил прощения. Он говорил, что любит меня по-прежнему. И любит Марлен. И он уже сто раз был у психиатра, у психолога. И не знал, как ему позвонить мне. И если бы не этот ужасный повод, они бы так и не смогли этого сделать.

Мы все вместе плакали. И мама, и папа говорили, перебивая друг друга, что только теперь, что только сейчас, когда это случилось с Еленой, они поняли, какое чудо спасло для них меня... И как много лет им понадобилось, чтобы это понять.

Моя незнакомая мне девочка ушла из-за Любви. Оставила всех с вопросом: «почему». И даже я, плохо знавшая ее, не любившая ее, пытаюсь разрешить эту вечную теперь загадку. Почему?

Моё письмо тебе улетело раньше, чем я его закончила...

Я хорошо помню этот день. Это очень странный день в моей жизни.

Получилось, что своей смертью девочка примирила давно поссорившуюся семью. Семью, которой уже очень давно не было, и никто и не предполагал, что она может быть восстановлена. Если я могла объяснить Марлен, почему у нее нет отца, то я не могла объяснить, почему у нее нет бабушек и дедушек. Однажды на ее очередной вопрос: когда она поедет к оме (ома – это бабушка по-немецки. Она путала языки в детстве), я сказала ей:

- Ты знаешь, дочка, на свете бывают разные семьи. У одних они – большие и очень большие. Там есть много родственников, братиков, сестричек, дядь, тетя, бабушек и дедушек. Этим людям очень повезло. Я всегда мечтала иметь такую большую семью, когда за стол садятся много людей, и им тесно. У нас с тобой – вот такая маленькая семья – ты, я и наш папа. И больше у нас никого нет. Нам с тобой так не повезло. Ну, что делать? Мы не можем это изменить.

Она всегда была очень разумная девочка. Марлен. В тот день психиатр нужен был мне. И не только в тот. Вот если ты знаешь, как отнимаются руки и ноги, и останавливается сердце...

- Мама, Елена была беременна?

И хриплый голос из подземелья:

- Да.

Я билась головой о стену. В самом прямом, не фигуральном, смысле этого слова. Я хотела, чтобы физическая боль заглушила ту, которая разрывала внутренности.

Почему? Почему? Она ведь наверняка знала мою историю. Не могли же ее родители скрывать это от нее. Я – единственная, кто мог бы ее спасти. Своим собственным примером, деньгами, любовью тетки в конце концов. Почему мне никто не позвонил до того?

Почему нельзя повернуть вспять киноплёнку и начать сначала?

В этот же день я вылетела в ваш город. И впервые попала в квартиру родителей на Большой Монетной. Так состоялась наша встреча с родителями. А на следующий день были похороны Елены.

16 января. ♂

Прочитал только утром.

Сколько же ты пережила, девочка...

И кто наградил тебя такой силой? Создатель? Или жизнь?

Мне были знакомы, чаще издали, женщины, сумевшие свернуть горы. Они были на вершине счастья, находясь в своих средних летах – от 27 приблизительно до сорока и далее, и далее, и далее. Я не понимал, откуда берутся их неуёмная энергия, силы на свершения, на любовь к людям, на желание радоваться, на подвижность, на желание рожать детей, на смелость браться за любые дела. Я даже думал, по юной глупости, что все женщины делятся на вот таких - ярких, и на других – квёлых. Думал, ну, так распорядилась природа. И просто любил не квёлых. Полагая, что Создатель настолько справедлив, что наплодил и других мужиков, которым именно скучные девчонки и нравятся.

Потом я вдруг увидел некую закономерность: целеустремленные женщины, которые были мне знакомы и которые покоряли меня силой своей, все! – родились под знаком Стрельца. Я полез в гороскоп: «Стрелец – целящийся в неведомое». Я на время всё понял. Ах, вот откуда их безумная ежеминутная инициатива с идиотическим оптимизмом и святой верой в непреременный успех!

Но прошло несколько лет, даже десятилетия, и знакомство с девушкой, обладающей такими же непонятными мне силами, вдруг явило мне некий знаменатель. Всех этих славных, красивых людей, сильных, прекрасных мам и жён, успешных профессионалов, потенциальных путешественниц, прохожих, кидающихся на помощь упавшему дядьке или ограбленной старушке – всё объединяло одно. И вовсе не знак Зодиака. А жесткое отношение к ним в их далёком детстве и юности - их матерей.

Странно. Но, наверное, объяснимо. Я знал других людей, выросших в лучезарной любви мамы и папы. Они были искренне любимы всю жизнь, но потом были одинаково несчастливы, неудачливы и прежде всего – одиноки. Они насмотрелись на взаимную любовь и тёплый мир собственных родителей, и полагали, что в жизни так всё и будет – первый же встречный окажется именно той половинкой его судьбы, которую и создал для него, или для неё, справедливый Создатель...

Я восхищаюсь тобою, Маргарита. Я люблю тебя всё тяжелее, всё беспросветней, всё безогляднее и безответственней. Твоё имя не предполагает уменьшительно-ласкательных форм. Маргаритка – неуважительно, Маргарита – официально слишком, Марго – строго и не по-русски совсем... У моих родителей был пёс, славный пёс с именем Арго, но это пёс. Родители в минуты ласки звали его Аргушкой, Аргухой, Аргушей. Как мне тебя называть?

Наверное, любовь – это настолько ценное и настолько дефицитное чувство, что оно дозируется природой, ну, например, через поколение. Кому-то не достаётся ничего, и он готов наложить на себя руки. Кому-то сыплется так щедро, что он забывает рассказать об этом непреложном законе дозы божественной любви – своим несмышлёным потомкам.

Нельзя развернуть киноленту.

Спасибо, что назвала меня Сашей.

17 января. ♀

Я не буду писать, что мне все равно, что написано в том письме, которое я получила вчера. Это будет ложью и неправдой. Мне всё в нем не всё равно... Но сейчас, если интересно, я напишу, что было дальше. Мне надо один раз выговориться, отдать это бумаге. Тебе... У меня появился собеседник. Это нельзя хранить в себе. Это сжигает.

Я не знала этого чувства вины до того самого холодного морозного дня. 15 лет я не общалась с родителями. Они ни разу не напомнили о себе, а я – о себе. Хотя было несколько моментов в жизни, когда мне казалось, что они рядом. Когда профессор забирал меня из роддома, мне показалось, что вдалеке мелькнул мужчина, папа, который, увидев меня, быстро-быстро стал удаляться. Потом профессор вручил мне деньги, сказав, что это ребята с курса собрали. И еще было много странных дел, когда мне казалось, что за ними стоят родители. Но никто не позвонил мне. Не сказал, не спросил: «Как тебе идет-дышится, дочь? Мы, несмотря ни на что, тебя любим. Мы –

твои родители. Мы думали, что принципы выше нас, но мы оказались выше принципов и морали».

Их принципы и их мораль оказались важнее любви к дочери, к ребенку. И с ними не смогла сражаться Елена, безумно любившая бабушку и дедушку.

Похороны были утром. На Смоленском кладбище у нас есть семейное захоронение. Там покоятся люди со схожими именами. И есть Маргарита, моя прабабушка. У нее есть история. Я ее потом как-нибудь расскажу. У меня не случайно это имя. И не случайна эта судьба.

Но это стало мне ясно в тот морозный день, когда белый красивый обитый атласом гроб опускался в стылую зимнюю землю. Я не плакала. Внешне все было очень выдержанно и холодно. И только когда первые куски стали биться о крышку гроба, закричал мой брат и упал без сознания. Кто-то бросился к нему на помощь. Но лавину прорвало. Люди начали рыдать, кричать. Профессиональные плакальщицы могли отдыхать в этот день. Этим какофоническим криком каждый присутствовавший выкрикивал, наверно, свою боль. Свое непонимание.

Я плохо помню дальнейшее. Кажется, кто-то нашелся со здравым умом и холодным сердцем, кто сумел нас всех как-то хотя бы собрать. Мы добрались до дома. Там были поминки.

Я произнесла речь. Ее смысл состоял в том, что я благодарила Елену за то, что она таким жестким немилосердным образом вернула мне семью. Я не смогла закончить мое «лаудатио»...

Марлен я не взяла с собой. Мне надо было разобраться одной в том, что называется жизнью. Что такое смерть, я увидела в эти дни. Мой брат тоже умер. И его жена. Они как-то съежились и сморщились в одночасье. И стали жалкими сгорбившимися старичками. Я не посмела спросить их, знала ли Елена обо мне. Я только совсем недолго говорила с отцом в его кабинете. Он – глубокий старик. У него тряслись руки и голова: развивавшаяся болезнь Паркинсона. Я не вспомнила мужчину, которого я любила. Но я не вспомнила и того, кто жестко и чеканно сказал мне: «С сегодняшнего дня у меня нет дочери!» Это был третий человек. Мне было его жалко. Он был тоже убит. Единственное, что он сказал: «Она могла поступить так же, как ты. Почему она сделала по-другому?»

Я улетела в этот же день. Марлен не заметила моего отсутствия, так как она была на гимназических «сборах». Как раз зимние каникулы заканчиваются недельной поездкой в Альпы, где школьники учатся кататься на горных лыжах. Надо поддерживать местную индустрию лыжного спорта.

Я привезла с собой безмерное чувство вины. Оно гложет меня по сей день. Я была у психиатра. Я не буду скрывать этого. Один раз. Он меня разочаровал, извлекая на свет такие беспросветные банальности, что мне казалось, он говорит с дауном. Он прописал мне какие-то таблетки, за которыми я не пошла в аптеку. Я не могла говорить об этом с Марлен. Значит, ей все надо было рассказать от начала до конца. В том числе о тебе. Тогда мне казалось, что я оберегаю ее. Ей было 15. Самый трудный девичий возраст. А теперь мне кажется, что напрасно я ее защищала. Но уже сделала как сделала.

И на меня накатывают приступы одиночества. В них ко мне приходит Елена и спрашивает: «Где ты была, Арги?» Так она меня называла, когда была маленькая. И так меня больше никто никогда не называл. Я разрешаю тебе ко мне обращаться так...

17 января. ♂

Я как-то... почему-то ясно чувствую эти твои переживания.

Арги... Не могу. Ты будешь Маргаритой. Так может... Может быть, ты уже расскажешь обо мне Марлен?

В моих снах чьи-то мысли ясные.
Не мои! И как будто в он-лайне.

Мы, наверное, все как-то связаны.
Ну, как небом - ночные лайнеры.

Может быть, это псина бездомная
зябкий сон заполняет уютностью.
Может быть, престарелая вомэн
где-то в Бруклине бредит юностью.

Или стонет вдова эпитафией?
Или кто-то в мечту наведалься?
Или плачет душа главы мафии,
не успевшего исповедаться?

Кто-то, чувством сердечным подкошенный,
грезит в снах своих - выздоровлением.
Сны у ратников, в поле брошенных,
не кончаются вместе с тлением.

Ну, а вдруг, это сны пробиваются
Шутника, задремавшего в вечности?
Я не знаю. Но только кажется –
мы повязаны в бесконечности.

Чьей-то властной рукой настроены
по шкале от крика до лепета.
И всю ночь наши сны нестройные
в сны чужие стучатся трепетно.

Может быть, и мои терзания
чьи-то сны невинные мучают?
Буду стоя спать. И в сознании.
От меня тревог не получают.

18 января. ♀

Расскажи мне, как рассказать. Напиши мне сценарий рассказа. Может, мне просто дать почитать ей всю нашу переписку? Это избавило бы меня от многих ненужных слов. Но я знаю ее реакцию. Она не прорвется дальше десятой страницы. А в тех, первых листах – холод и презрение. Она не может представить себе, что кто-то может ТАК говорить с ее мамой. Ты перечитай наши первые письма. Уже прошло почти полгода с тех пор, как ты ответил на мое письмо. И с тех пор утекло много воды. И мы стали другими. Ты стал другим. У меня только сейчас появилось ощущение, что ты – живой. Не тот монумент, воздвигнутый бойким пером рецензентов, а чувствующий и переживающий человек. И тебе иногда не все равно, что тут делается у нас. Мы к тебе приблизились. Мы сейчас живем в твоей квартире незримо.

Я посылаю тебе фотографию Марлен. Ее сделал профессиональный фотограф в день ее 18-летия. В нашем доме. У детей была своя анитстайлинг пати, а у нас – своя: пришли мои близкие друзья. Говорят, фотография – это отношения фотографа к модели. Если посмотреть на это фото... могут возникнуть разные мысли.

Ты написал очень хорошие стихи. Ты – гениальный литератор. Я это знала всегда. Я это знала, даже когда ты писал свои ура-патриотические книги. Я тоже иногда играю «Мурку». За очень дорого...

18 января. ♂

Спасибо тебе за тёплые слова.
...Она похожа на тебя. На меня совсем немножко, я даже не пойму - чем. Что-то

совершенно неуловимое.

Мне кажется, тебе несложно будет рассказать обо мне. Скажи, есть дядька в Питере, который давным-давно приложил руку...

Нет, не так.

Скажи: Знаешь, Марлен, все мы люди не идеальные и иногда в жизни совершаем трагические ошибки... Нет. Не так! Какая ж это трагическая ошибка, если в результате на свет появилось такое чудо! Нет, надо как-то издалека.

Марлен! Я должна признаться тебе в одной маленькой неправде. Твой папа, который погиб в автомобильной аварии... я рассказывала тебе, разбился на «порше»... Ты же знаешь, мы каждый год носим ему на могилку цветы... Ты его любишь? Я знаю, ты его любишь. Так вот он скоро к нам приедет!

Нет, так не пойдёт. Надо еще дальше издалека.

Марлеша! Когда я жила в Питере, я любила одного замечательного человека! Он был очень хороший... Он был очень красивый, умный, талантливый – в общем, мы чуть-чуть не поженились. И однажды мы как-то нечаянно переночевали на одной подушке. А потом поссорились и разбежались, ну, бывает. И потом у меня появилась ты. А поскольку мы с тобой-маленькой скоро оказались в другой стране, я решила покрыть эту историю тайной. И придумала другую историю. И этому моему несостоявшемуся жениху я так ничего о тебе и не сказала. И он так и живёт в Питере, и ничего про тебя не знает. Не знал. Но вот уже пять месяцев, как знает. Я рассказывала ему о тебе, я послала ему твою фотографию... А вот его фотография! Посмотри, какой он славный! (Тут ты, Маргарита, как хочешь, а должна всплакнуть. И затем на искренней сопле продолжай). А про папку, который погиб в аварии, я всё придумала. Нашла на кладбище подходящее надгробие и сочинила тебе всю эту историю, которую ты и пересказывала в школе своим замечательным подружкам... Прости меня, Марленочка! Прости! (Тут побольше мокрых носовых платков). В общем... Я тебе о нем всё-всё расскажу, и ты сможешь сама ему написать. Ну, а он уж ответит тебе то, что посчитает нужным. Ты не бойся его, родная...

Вот, если широкими мазками, то рассказ может выглядеть именно так. А тут и посылка с валенками подоспеет. Меру сопливости в этом разговоре мне, конечно, не предугадать, но без мокрых глаз, видимо, не обойдётся.

Конечно, не стоит предъявлять ей нашу переписку. Не думаю, что она выдержит этот холод, ты права. Мы изменились.

Я думаю, что мог бы ожидать от неё письмо. А? Милая моя Марго? Пусть с ошибками на русском, но её. Конечно, я умру от разрыва сердца, если вдруг получу письмо, начинающееся словами «Гутен таг, папочка!!» Это будет уж совершенно не правильно. Ты умная, ты направишь её, я думаю, по верному пути.

В любом случае с нетерпением жду от тебя рассказа о том, как это произойдёт. Если ты, конечно, решишься.

30 января. ♀

Прошло много времени, когда я Вам (тебе) отвечаю. Я все никак не могу перейти на ты. Мне трудно. Все варианты, которые ты предлагаешь, никуда не годятся. Просто никуда.

У меня сейчас на весь дом звучит музыка Марлен Дитрих «Пожалуйста, не уходи». Это – трагедия, как она ее исполняет. То же самое Брель поет, как бы сказать, как размазывает соплю в томате: вяло и безвкусно. Понимаешь, никакого вкуса...

Ты хочешь видеть девочку?

Ты хочешь видеть мою девочку?

Я стану собакой на сене. Ты ее не увидишь. Никогда. Незачем. Это – единственное, что у меня есть. Я ее ни с кем делить не буду. Это моя частная собственность. Она стоит миллионы и миллиарды. Я отдам за нее все, что у меня есть, включая честь, достоинство и все будущие гонорары. Но я НИКОМУ НИКОГДА не отдам мою девочку.

Я могу написать тебе, что вся моя жизнь прошла под знаком двух людей: Марго и тебя. Девочка всегда была рядом. Я знала о ней все: какое настроение было у нее – такое и у меня. Она плохо ела всегда. Я тоже не отличалась хорошим аппетитом. Она капризничала. Я тоже. А по ночам мне снился ты. Не часто. Но эти сны оставались в

памяти. Мне снилось счастье. Я просыпалась с чувством радости в своей одинокой кровати. И утро обрушивалось на меня своей серой жестокостью: дождями и снегом за окном.

Да, наверно, моя женская судьба не состоялась. Наверно. Мне грустно и больно. Но у меня есть моя девочка, и нет тебя. И никто на свете не заставит меня совершить этот обмен. Никто и никогда.

Хочешь – пиши мне. Не хочешь – не пиши. Мне все равно. Я на грани отчаяния...

30 января. ♂

Я тебе не писал. Я тебя не торопил. Я понимал. Я пытался понять – какие же в тебе бродят противоречия? И вот оно! Сегодня! В конце января! На тебе!

Дура ты передура, моя любимая! Таких дур я еще не встречал! Нет, я, конечно, пытался вникнуть в тайны женской логики. Всегда. И как литератор тоже. У меня даже иногда получалось, но, думаю, вы все, все тётки на свете, имеете где-то глубоко в мозгу какое-то одно, одно на всех баб, секретное, совершенно секретное, таинственное и непостижимое мужиками КРЕЗИ!

«Но я НИКОМУ НИКОГДА не отдам мою девочку».

Дура ты, передура, моя любимая девушка! Моя обожаемая женщина! Дура-передура! Навсегда! До гробовой доски! И никогда не пойму! И никто вас не поймёт! Ладно там непохожесть организмов. Простим Создателю его трудолюбие в процессе создания некой слабой никчемности, но с каким воодушевлением он, сотворив вашу кровь, кости и кожу, создал ваш мозг!! О чем он ваще думал!!

Никогда ему не прощу!

«Но я НИКОМУ НИКОГДА не отдам мою девочку».

Как будто девочку можно запихнуть в клетку с названием «Потсдам», или в клетку с названием «Мюнхен», или «Дрезден»...

Наша девочка принадлежит миру, солнце! И в этом мире живу я!

Да, в этом же мире живут еще и другие люди – Лола, например. И всякие собаки тоже живут! И всякие обязанностями между существами. И будут жить! И будет, пока мы живы, существовать информация! И когда-нибудь твои лучшие подруги (в силу непонятных нам, мужикам, причин – поскольку Иуда мужик, а не тётка) нашепчут нашей с тобой Марлен о моём существовании. Ну ладно, она всегда будет молодой, но если эта весть обо мне-папе застанет её тогда, когда я уже двину кони, сыграю в ящик, окочурюсь, прикажу долго жить, склею лапы, преставлюсь, околею, или, не приведи Господь, со мной еще что-нибудь более страшное случится...

И вот она тогда над моей могилой тебя-то и проклянёт! Заботливую маму!

Дура ты-передура! Лауреат ты перелауреат!

Хочешь – пиши мне. Не хочешь – не пиши. Мне все равно. Я на грани отчаяния...

1 февраля. ♀

Мне кажется иногда, что ты здесь рядом – вон руку протяни и коснешься, настолько ты иногда попадаешь в настроение и интонации. Но вдруг набегают сомнения – знаешь ли ты (о нем...) человека, с которым ты разговариваешь и даже поверила ему кое-какие свои тайны.

Наверно, это нормально. Мы никогда не общались. И безумно от кого-нибудь из нас требовать адекватности понимания ситуации. Ты называешь меня душой. Наверно, так оно и есть. Дура, которая с первого дня поступает законам вопреки, представлениям о нормальности хода жизни вопреки, родным вопреки. Всем и вся вопреки. Дура, которая глотает таблетки-антидепрессанты в холодные ноябрьские, декабрьские, январские серые дни. Потому что все больше и больше закручивается спираль цикла под названием год. Она как-то начинает раскручиваться в марте. Я не люблю зиму.

Иногда подступает отчаяние. Я напоминаю себе Ван Гога на его предсмертной картине (не та, которая «Автопортрет с отрезанным ухом», а где он сидит, зажав еще существующие уши и уйдя в себя). Мне хочется зажать их точно так же и сидеть в своей

белой гостиной, так, чтобы никого и ничего не видеть. Или наоборот – прижаться к человеку, к единственному, к которому мне хотелось бы прижаться, и чтобы тепло влилось в меня. Но этот человек – не печка, и не раздает дурам тепло. Даже если дура заплатит. Много и щедро.

На сколько выдала природа нам любви?

На час, на два, а может до заката...

Я думаю о тебе всю жизнь. Я прошла эти два десятилетия, прокручивая пленки наших свиданий. Мужикам в такое не поверится. Потому что такого не может быть. Потому что такого не бывает. Эти воспоминания съедали меня, жгли и продолжают мучить сейчас. Ночью у меня крутится пленка кино, а утром за столом я говорю «доброе утро» девочке, которая вышла из этого кино. И я понимала, понимаю, что у этого фильма - самый жестокий, самый немилосердный за всю историю искусства сценарий. Я бросалась в работу. Что значит, бросалась – я в ней всегда. Концерты. Успех. Поток обожания. Но в нем, льющемся на меня, отсутствуешь ты. Один раз ты попал в него, после концерта подписав книгу «Гениальной...». И эта сцена тоже вошла в мои ночные кинофильмы.

А в жизни не нашлось человека, который подошел бы ко мне и сказал: «Знаешь, мне кажется, я нашел тебя... искал всю жизнь и вот, наконец, нашел». И я с радостью поверила бы в эти слова и потянулась к нему как цветок к весеннему солнцу. Не нашлось такого человека.

Да и у тебя, похоже, не нашлось.

Не очень верю я в твои радостно-восторженные письма о Лоле и собаках. Хорошо, что они заполняют твои паузы одиночества.

Я не знаю, есть ли перспектива в нашей переписке... Я каждый раз задаю себе вопрос, нажимая на кнопку «Отправить»: «Зачем я это делаю?»

Зачем я терзаю себя? Тебя? Мы жили своими жизнями. Шли своими путями. И могли бы в один черный день умереть, так никогда и не прикоснувшись... Зачем я это делаю?

2 февраля. ♂

Ты знаешь, Маргарита, ты сама невольно закручиваешь ту самую пружинку, которая потом, когда ты про неё забываешь, раскручивается и больно стегает тебя по попе. Как маленькую девочку. И ты, обернувшись и ничего не поняв, начинаешь плакать. А я, как любящий папа, сажаю тебя себе на колено, даю тебе в руки плюшевого мишку и начинаю шептать тебе на ушко всякие тихие, ласковые слова. И через некоторое время ты забываешься. И начинаешь улыбаться и что-нибудь такое легкомысленное тараторить. И я люблю тебя. И люблю тебя еще больше.

Трагическая ты моя девочка, бесплатно рассматривающая в своих снах собственные фильмы, которые снимаешь днём. Снимаешь фильмы веселые и обязательно со счастливым концом, но ночью твои киноплёнки каким-то образом превращаются в грустные и слезливые. И ты просыпаешься среди ночи и жалобно шепчешь со всхлипом, тихо-тихо так: Папа... Папочка...

Как мне с тобой разговаривать, милая моя?

5 февраля. ♀

Простите меня... Мне не писалось. Мне тосковалось. Мне не ходилось. Мне не шлось. И не бежалось. Мне лежалось и плакалось. Это точно зимняя депрессия. Мне приходится вытаскивать себя, как Мюнхаузена, за волосы и внедрять в эту жизнь. Я не подхожу к телефону: меня разыскивают менеджеры. Я не смотрю свой электронный ящик, не проверяю почту. Мне ничего не хочется. Вы очень точно это подметили: я с удивительной настойчивостью раскручиваю пружину. Занимаюсь садо-мазо. Простите меня. Я возьму паузу. Я напишу Вам, когда почувствую, что смогу снова писать.

6 февраля. ♂

А я? А как я могу взять паузу? Какую паузу?

Я ведь люблю!

Я люблю. И потому, наверное, сегодня не мог уснуть. Я люблю. Люб-лю.

И мне уже на важно, какие чувства испытываешь ко мне ты. Почему-то вся твоя дурь и надломленность будит во мне ту самую истому, которую я испытывал в далёкой юности – в ужасные дни и ночи безответной студенческой влюбленности. Чем меньше я тебя понимаю, тем сильнее моё влечение к тебе. Вполне осознаю, что, может даже, влечение к тебе – придуманной. Мною придуманной. Или я тебе это уже говорил?

Лола.

Она, при всей её приземленности, тоже мила мне. И я благодарен Создателю за то, что он сотворил её порядочной - она не читает моих писем к тебе, хотя имеет такую возможность – я ничего не шифрую и не кодирую в своём ноутбуке.

Или читает?

Тогда я благодарен ей за её мудрость. За вашу, теткину мудрость. А вообще-то, мне уже всё равно, читает она или не читает. Я понимаю своё свинство...

Я знаю, что рано или поздно твой лёд растает. Я знаю, что рано или поздно мы встретимся. Я увижу тебя, Марго. Я увижу Марлен...

Мне это напоминает мечты Понтия Пилата, мечтающего встретиться с Га Ноцри, которого он пригвоздил к кресту.

Смешно?

Не знаю.

Я хочу задать тебе один вопрос.

Скажи мне всё же:

Любишь ли ты меня?

12 февраля. ♂

Ты не пишешь. Твоя пауза затянулась. Всё ли у тебя хорошо?

Или тебя по-прежнему терзают сомнения: отправлять написанное для меня, или не отправлять? Может быть, ты уже накопила целую кучу писем ко мне и никак не решишься отправить? Понимаю. Со мною такое бывало.

У Лолы, похоже, ожидается двойня. Срок небольшой, а пузо очень заметное. Не знаю, как к этому относиться. Не спешу осмыслить это, время покажет. Но, в общем-то, всё нормально. Лола готовит мне обеды, вяжет всякие маленькие вещички и учит английский. И уже неплохо лопочет. И уже не работает.

Когда я забываю думать о тебе и Марлен, мне кажется, что у меня всё хорошо. Но и ты, и Марлен, не спрашивая разрешения, вдруг оккупируете мою подкорку, и тогда я ничего не соображаю и живу как во сне. Не понимаю, куда я живу.

Финансовые запасы, между тем, тают. Ничего не издают. Кризис. Продержимся ли? Может, пойти в охрану? Раньше творческий люд шагал в кочегарки, в дворники подряжался, а в свободное время творил. Сейчас те творцы, кому не очень удастся зарабатывать, подались в охранники. И сидят по шхерам и офисам сутки через двое. Со своими ноутбуками.

Что же ты не пишешь?

31 февраля. ♂

Ты не пишешь. И мне кажется, что твой бзик прошел, и ты уже никогда не напишешь!

.....

4 июня. ♂

Ты примолкла навсегда? Почти четыре месяца не пишешь. Я, видимо, из твоей жизни исчез, какое-то новое приключение арестовало твою голову. Эх вы, тётки-тётки! Но вы-то куда не исчезли, вы со мной. Ты, Марго, знай об этом. И я никогда уже вас не забуду.

В Питере скромное лето. Лоле в августе рожать. Похоже, двоих. И это здорово. У меня вышла книжка. Гонорары совсем не советские, но некоторое время жить можно.

Подрабатываю редактурой мемуаров генерала-сталиниста. Противно, но платит.

Грустно. Я опять не знаю, прочитываешь ли ты мои письма. Говорила ли ты когда-нибудь с Марлен? Обо мне? Больше всего не хочется думать о том, что я, возможно, разочаровал тебя. Это самое грустное. И всё же я буду тебе писать. Мне не привыкать разговаривать с тобой как со стеной.

24 июня. ♂

12-го июня родились две девочки. Семимесячными. Сейчас они в реанимации. Лола истекла кровью и умерла, 15-го похоронил её на Серафимовском. Девочек еще не назвал. И не зарегистрировал. Если выживут, надо будет забирать их оттуда. Куда забирать? Ничего не соображаю. Пью пока.

1 августа ♀

Я получила твои письма. И играю Шопена: Valzer n. 2 in si minore, op. 69 и Nocturne e-moll. Эта музыка про плачущую и метущуюся душу.

Я буду завтра в Петербурге.

Назначаю тебе свидание на углу Большой Монетной и Каменноостровского проспекта. В 8 часов вечера.

Я приеду к тебе.

Ты можешь меня еще остановить.

4 августа. ♂

Марго, назначенное тобой свидание я пропустил. Поверь, компьютер я теперь не каждый день включаю. Не прочел твоего сообщения вовремя. Похоже, ты прождала меня на углу Монетной и Каменноостровского совершенно напрасно. Хорошо, что вечером. У нас этим летом ужасно душно. Вечером немножко легче дышать. В Москве, говорят, вообще не осталось кислорода. Ты, наверное, уже и улетела. В Европе у вас наводнения, конечно, но лучше утонуть, чем задохнуться. Что-то в природе происходит. Может быть, я опять разгневал Создателя? Когда я впервые в жизни обманул девушку, в Чили случилось сильнейшее землетрясение. Ты скажешь, что я слишком много на себя беру? Не знаю, как раньше, но вот теперь, кажется, беру много. И всё на себя. Держу на руках два огромных мира. Какое там! Две Вселенных! Одна постоянно кряхтит и капризничает, другая, золотце, - спокойна, как слон – ест и писает! И никаких проблем. Впрочем, и какает тоже довольно регулярно. Та, что спокойна, срёт реже. О! Слушай, может быть, в этом всё и дело?! Подожди-ка.

Трубочка! Обыкновенная стеклянная трубочка, а сколько радости! Пучило девочку! Странно! Едят одну и ту же смесь, а переваривают по-разному. Вот оно! Счастье человечества в том, что состоит из разных людей. Если бы одинаковые – веревки бы всем не хватило вешаться.

У меня всё хорошо. По первому зову приходит женщина. Недорого. Работаю. Не пью. Любуюсь девчонками. Они славные. Славные – не то слово. Если сказать языком графомана – жизнь обрела смысл.

Как только стало ясно, что они уже точно выживут, я дал девочкам имена. И зарегистрировал. Я их назвал так, как посчитал нужным. У них красивые имена. Никто другой не мог бы назвать их так. Только я. Больше никто. У них нет других родственников.

Ты откликнулась на моё письмо о смерти Лолы и рождении девочек через 38 дней. Через 38 дней. Я ненавижу тебя.

Шопен. Свидание в 8 вечера. Ты не представляешь, что было здесь со мной и девочками и Лолой... Через 38 дней ты мне пишешь о музыке, похожей на плачущую душу. И назначаешь свидание. В 8 часов вечера.

Ты мне пока не пиши. Потом как-нибудь. Удачи тебе в концертах! И не обижайся, правильно меня пойми, я это потом оценю. Обещаю.

6 августа. ♀

Меня не было на свидании в 8 часов вечера. Мой самолет сначала отложили. А потом и отменили. Аэропорт закрыли. Извержение вулкана в Исландии. Ты, думаю, слышал. Я никуда не полетела. Зато я получила твоё письмо.

Я не буду тебе писать. Ты об этом попросил. Я просто посылаю тебе фрагменты отчета московского детективного агентства. Им руководит моя знакомая. Полгода назад я «заказала» ей наблюдение за человеком в Санкт-Петербурге. Вот выдержки из отчетов её детектива. Отчетов достаточно много, посылаю тебе только самое очевидное.

«...24 декабря. 10.14. Видел, как вышедшую из подъезда женщину встретил мужчина. В корзинке у женщины собачка. Сели в такси. Моя попытка отследить маршрут не удалась. Вернулся к её дому. В 18.47 уже другое такси привезло обоих к подъезду её дома. Мужчина и женщина были возбуждены, смеялись. Я с трудом придержал таксиста и попросил подвезти меня, по дороге разговорил. Он привез эту пару со стадиона, где они играли в городки. 28 декабря: 14. 27. Женщина покинула квартиру. До метро «Петроградская» бежала. Вышла на «Приморской». На ходу говорила по мобильному. Мне удалось услышать: «Сейчас буду!» На Наличной, 46 позвонила в домофон и прошла в подъезд. Через 44 минуты вышла из дома вместе с наблюдаемым раньше мужчиной (около 35 лет, рост – до 190 см. Брюнет. Короткая серая дубленка, черные брюки, без головного убора – жилец 32-й квартиры в доме 46 по Наличной). Он проводил её до метро, поцеловал в губы. Она села в метро и поехала домой на «Петроградскую». Я сопровождал её до подъезда...»

А вот расшифровка телефонного разговора Лолы с наблюдаемым мужчиной. Только её голос (от 15 января): «Слышишь?.. Так вот слушай! Двойня у меня будет!.. Что ты молчишь?.. Ты что молчишь-то, Игорь?! Вот интересно! Блин, молчит!.. Что-что?! ...Была! Как раз оттуда! Из консультации!.. Я?.. Я виновата?! Ладно! Пусть я виновата! Мне не привыкать! Но тебе-то! Тебе-то что, наплевать, что он думает, что это будут его двойня?.. А?!.. Что?... Алё, не слышно!! ...Зараза!!»

И вот теперь цитата из твоего письма мне от 28 декабря: «Да, сегодня моё счастье – Лолка. Беременная Лолка, которая очень милая и нежная, и изобретательная - днём, и совершенно невозможная ночью! Лолка, которая способна за 40 минут ухайдокать мужика, а потом захрапеть так, что мужик тикает спать в ванную – лишь бы выспаться - для того, чтоб с утра быть способным зарабатывать средства на жизнь...»

Ну, и если тебе вдруг захочется еще что-нибудь почитать из отчетов детектива, могу прислать.

8 августа. ♂

Представляю твои длинные пальцы, бегущие по клавиатуре компьютера – с тем же шиком, что и по клавиатуре белого рояля – с лёгким поглаживанием клавиш и неожиданным зависанием ладони. И чуть прикушенную нижнюю губу – мысль работает. И взгляд в монитор – цепкий, заинтересованный. Может быть, немножко глупый. Ну, самую малость, по-детски глупый, или по-девичьи. И кончик носа – какой-то он особый, я его сейчас почему-то не могу представить.

Ты красивая. Тебя не любить невозможно, наверное. Вот и люблю. И мне нравится это моё чувство к тебе. И еще очень интересно постигать твой образ мышления, бегать за твоими тараканами среди таинственных извилин твоего серого вещества. Когда какой-нибудь муж говорит, что его жена - еще непрочитанная книга, наверное, имеется в виду именно вот эта беготня за тараканами.

Лола была мне интересна. И любил я её искренне. Осталась на сердце и болит, и навсегда останется и будет болеть. И еще огромная жалость, бездна-жалость. Не только в связи с тем, что её нет, или что её нет рядом со мной, а вот что не пришлось ей ласкать своих крошек – девочек, которых она с такой гордостью носила под сердцем, двух моих девочек. Сейчас обе спят. Я им рассказывал сказку про их маму. Они тарасились на меня и, скорее всего, не понимали. Но вот уснули. Обычно их укладывает Анастасия Викторовна, я тебе говорил, мягкая толстая старушка-соседка.

Видимо, я буду рассказывать им сказки про маму еще долго - всю жизнь, думаю.

Я возненавидел тебя, когда ты не отреагировала на мою трагедию. Вообще. Никак. Вернее, не возненавидел, а перестал думать о тебе хорошо. Нет, не так. Просто перестал

о тебе думать. А с тобой - и о Марлен тоже.

Водка помогает. Правда, недолго. Врач позвонила из роддома, поняла что-то про меня, видимо, по моему голосу и сказала: «Ну, что вы! Вы же им нужны, у них же больше никого нет. Вам так нельзя». И всё. И с тех пор я не пью. Невозможно. Они ж доверчивые, девочки мои. И они такие хорошие! На Лолку вообще не похожи. Зато я представлен во всей красе. Смотрел свои детские фотки, сравнивал - это я, бесспорно. В двух экземплярах. Только без петушков.

Твой замечательный детектив – про слежку за Лолой и подслушивание, меня сначала напугал. Первые минут восемь я довольно серьёзно беспокоился. Но только стоило собрать мозги в кучу, как я сразу же стал относиться к этому, как к твоему неизбежному, твоему выстраданному творчеству. Я писатель. Я не могу не быть психологом, я вижу. И еще я мужчина, знающий немножко о детективных жанрах. В общем, не буду тебя разоблачать, ты сама всё поймешь, если сделаешь то, что я. Я прочитал твои последние письма мне – письма полугодовой давности. Вот никак там не умещается твоё потенциальное желание последить за нами, за Лолой, или еще за кем-нибудь. Никак и нигде. И еще: я очень хорошо знал Лолу, чувствовал её. Она вообще не умела врать, не говоря уже о стратегической измене мужу.

Но если тебе вдруг захочется еще что-нибудь прислать мне из отчетов твоего «детектива» - присылай. Отредактирую, издашь. Правда, это другой бизнес. Ты лучше играй на белом рояле. И пиши мне почаще – о себе, обо мне, о Марлен. Я понял, что я всегда радуюсь твоим письмам.

Целую твой виноватый нос!

8 августа. ♀

Нос у меня не виноватый. Ты можешь вообще не беспокоиться. Беспокойство свойственно особам нервным и чувственным. Ты – безусловно, нервный и чувственный. Скоро, правда, останутся только нервы и никакой чувственности: поработаешь ванькой-встанькой по ночам. И захочется тебе прибить этих девочек - таких воздушных и родных. Таких сладко-сопливых.

А чтобы ты не думал, что я придумала все в своем сне, напомним тебе такую ситуацию. Если она случилась, значит, у моих фантазий есть основания.

Ну, а если нет – прости, пожалуйста.

15 января у вас вдруг перестал работать телефон. Ты позвонил на АТС и вызвал монтера. И... небывалый случай! Через полчаса в дверь раздался звонок:

- По вызову!

«Монтер» сразу же установил дефект в аппарате. А также сказал:

- А вы не боитесь, что лампа вот эта красивая на вас упадет? Посмотрите – держится «на честном слове»! Могу отремонтировать. Сколько стоит? Да ничего – просто вы очень симпатичные.

После его ухода из вашей квартиры в ней появился соглядатай. Он и сейчас там: можешь встать на лестницу и обнаружить маленькую камеру на потолке.

В телефонной трубке тоже кое-что имеется.

Просто после того, как все факты были установлены, необходимость в дальнейшем наблюдении отпала.

Ты тоже не играй в святого.

Твои кое-какие разговоры записаны. И, наверно, газета «Ленинградская правда» заплатит мне гонорар в 500 рублей за счастье их иметь. Правда, кому ты нужен - бывший советский писатель, ухаживающий за двумя приبلудившимися детьми?

8 августа. ♀

И еще. Я пишу тебе из моего подвала, над которым спускается не очень высокий потолок: ты его никогда не увидишь.

Я пишу тебе, чтобы сказать, чего ты ни разу не слышал ни от одной женщины (мне так хочется думать - что я оригинальная и неповторимая).

Я хочу тебе передать через электроны интернета, что ты смутил мою размеренную

жизнь, властно войдя в нее.

Как властно ты вошел в меня и оставил кусочек себя там.

Я пишу тебе, а мне хочется набрать номер твоего телефона и услышать твой голос. Я не помню его. Он представляется мне низким и глухим. Потом он светлеет и расходится.

Ты уходишь сейчас от меня. Куда-то очень далеко. Собственно, тебя никогда и не было рядом.

Я понимаю, что у интернета нет границ, есть лишь разница во времени. Ее мы победим, как не сможем победить реальные расстояния: аэропорты закрывают, когда делается попытка добраться из точки А в точку СПб.

И все-таки то, что было, это очень-очень дорого. Как хорошо, что это было.

И, может, еще будет?

Я в это верю. И посылаю сигналы.

Мне хочется верить, что ты этого хочешь так же, как я...

Счастливо тебе, мужчина, мне по-настоящему не встретившийся.

24 сентября. ♂

Здравствуй, Марго. Мне впервые сложно говорить с тобой, хоть и прошло уже почти два месяца. Не потому, что ты плохой человек (я намного хуже), но ты, наверное, всё-таки плохая особь. Не знаю даже, какой смысл я в этот термин вкладываю. И тем сильнее моё чувство к тебе. Какое-то. Странно. Это как мазохизм. А говорить с тобой сложно просто потому, что голова заполнена моими девоньками и работой. И даже какой-то творческий подъём наблюдаю. Может, потому что через силу заставляю себя улыбаться по утрам. Это я так ночные кошмары гоню, чтоб появиться перед девоньками уже с гримасой нормального человека – а именно - улыбающегося, сюсюкающего, дурашливого папы.

Я сейчас даже не с тобой говорю, а с собой. Какая-то вуаль между нами висит. Наверное, это мои открытия тебя новой - со всеми твоими детективными инициативами, которые, к моему глубочайшему изумлению, оказались действительностью. Ты уж извини, твои шпионские жучки, наверное, дорогостоящие, я сначала растоптал, а потом с остервенением и удовольствием расплавил в камине. И как-то тебя представлял, пока они плавилась. Визуально. С ненавистью, конечно, представлял. Этакий портрет Дориана Грея в девичьем обличье. Змея, змея... Я перечитал все твои последние письма и понял, что я телок, лох, придурок, я ни фига не соображал! Я тебе еще что-то писал, что-то говорил тебе! Идиот! Наверное, я был ослеплен. И горем, и вискарём.

Всё равно девоньки - мои! И по крови, и по сути, я в этом не сомневаюсь, поглядела бы ты на них. Это мои маленькие копии. Но с каким удовольствием, с каким непонятным мне удовольствием тебе хотелось, чтобы я знал о Лолином побочном романе! И чтобы сильно подозревал, что и девочки не мои! И ведь это уже после смерти Лолы, вот что кошмарно!! Тебе-то, Марго, тебе-то ведь от этого было бы уже ни холодно, ни жарко! Ты коварно всадила мне нож в спину, когда я этого совершенно не ожидал, когда я не знал, в какую сторону крикнуть «помогите же мне кто-нибудь!!»

Недавно я услышал песню. Попса, в общем-то, но задело. Называется «Одиночество – сволочь». Как-то я сразу тебя представил. Да, подумал я, одиночество – сволочь. Дальше больше. Сволочь, которую я люблю. Похоже, у меня никого на свете нет. Кроме моих девонек, нашей с тобой дочери, моих всех – на кладбище, и вот тебя.

Ты не пытайся оправдываться, твой образ у меня где-то в углу мозга сложился, наконец. Но мне почему-то интересно, что же ты скажешь мне теперь? Если вообще, захочешь говорить со мной. Любимая.

24 сентября. ♀

Как ты правильно понимаешь, странно это немного, когда пианистка, играющая с Нагано, подключает к делу детективов.

Был теплый день. Светило солнце. Вода в нашем озере была прозрачной до холодности. И я поняла, что тебя больше в моей жизни нет. Ты исчез и растворился то ли в этой прозрачной воде, то ли в синем небе, то ли сгорел, подлетая к солнцу. Я поняла,

что мне подарена свобода. Знаешь, как я это поняла? Мне стало все равно. Мне стало скучно включать компьютер и находить там твои письма. Меня не жгла (и сейчас не жжет) потребность отвечать на них. Сердиться, радоваться... мне перестало это быть интересным. Я поняла это в один миг. Неужели только к этому мигу я шла двадцать лет? Вот это даже озадачило меня. Когда раньше спрашивала себя, зачем я начала писать тебе, я не находила ответа. Теперь у меня есть ответ – я хотела свободы. Я хотела избавиться от всех грязных пятен на моей белоснежной биографии.

И когда мне стало скучно и небрежно по отношению к тебе, Лоле, твоим вздохам по поводу твоего будущего и настоящего счастья, мне почему-то не поверилось в искренность отношений между девочкой и старым (это ведь так?) дряхлым мужчиной, списанным по сути в архив, место которого обозначено уже там инвентарным номером. И подумалось мне просто проверить эти чудесные любовные отношения на наличие в них жучков и червоточинки. И, как оказалось, не бывает дыма без огня. А здесь дымок что надо.

А я? Я пойду делать карьеру. И хотя к карьере трудно прижиматься по ночам, я выбираю ее. Как говорится, из двух зол...

25 сентября. ♂

И, тем не менее, ты продолжаешь говорить. С дряхлым мужчиной, списанным в архив. Или ты, как я, тоже сама с собой беседуешь? Вот и беседуем – два немолодых жителя планеты, которым не с кем больше общаться. То есть, общаться-то есть с кем, а вот трепетно перебирать в памяти пятнышки на белоснежной биографии не с кем. Мы похожи. Наверное, потому и не находим повода, чтоб окончательно замолчать друг для друга.

Почти не понимаю (как и ты, кстати, не понимаешь), что подогревает в тебе интерес к моей персоне. Он ведь очевиден, этот интерес. Сколько бы ты ни говорила о скуке, о равнодушии ко мне, о моей дряхлости и никчемности, всё равно тащит тебя вывернуться в мою сторону. И вывернуться ли? Может, в плечо уткнуться, выплакаться?

Мой интерес понятен – ты необычна, красива, дорисована моим воображением до некоего идеала, уместяющего и благодетель, и порок (почти поровну). И я не могу не любить тебя – как всё яркое, необычное. Да еще и родное уже. Но самое главное – наша с тобой дочь, свидание с которой у меня впереди, я в этом не сомневаюсь, и только ради этого стоит жить.

Иди, продолжай делать карьеру, ты блистательная пианистка, но всё же говори со мной. Я знаю, тебе это нужно. Я очень чувствую тебя. Как никто.

4 октября. ♂

Молчишь.

Я и гордость твою люблю. Ты даже когда молчишь – всё равно остаешься куском моей пустоты, ты часть меня. И я знаю, что ты это чувствуешь. Потому что я – кусок твоей пустоты.

Поздравляю с победой в конкурсе, я тобой любовался. Смотрел всю трансляцию до глубокой ночи, надеясь, что ты еще где-нибудь мелькнешь. Не мелькнула. Но ты, действительно, лучшая. Просто виртуоз.

Вот и поговорил с тобой.

Пойду укладывать девочек, няню пора отпускать.

6 октября. ♂

У нас заканчивается красивейшая осень. Через несколько дней город начнёт погружаться в слякоть. Но мне он и таким нравится. А сейчас в парках осыпается последнее золото. Красота.

14 октября. ♂

Я всё знаю. Вот только что узнал. И, поверь, искренне переживаю. Слава богу, что жива. Я только догадываться могу о том, что значат для профессионала такие переломы руки. Ты сможешь играть? Это восстанавливается? Я знаю, что великие пианисты застраховывали свои руки от возможных травм, у тебя с этим как?

У вас тоже скользкая осень. И надо ж было так гнать! Я вот знаю, что не водитель совсем – и не вожу!

Извини, говорю ерунду. Попробуй не переживать. Хотя, ерунду опять несу. В общем, выздоравливай поскорее. Скорых писем от тебя не жду, ты и по клавиатуре не скоро стукнуть сможешь. Но ты помни - я мысленно с тобой. И думаю о тебе с любовью. Не вру.

А хочешь, приеду к тебе? Хоть на полдня? На дольше не получится. Ты знаешь мой телефон, позвони, если это возможно, и если сочтёшь возможным.

Твой ветхий друг.

24 октября. ♀

Уже могу печатать, но только правой, медленно. Не буду про руки.

Я всё еще на реабилитации. По подоконнику ливень бьётся. Нотбук на животе.

Не хотела сама за руль после тяжелого концерта. Когда я играю Скрябина, из меня уходят последние силы. Какого темперамента был человек! И сколько в нем жило душ, чтобы написать такое. У моего водителя рожала жена, и он отпросился в роддом. Я ехала не быстро, но я очень устала. И, видимо, в какой-то момент закрылись глаза. Не помню.

Я не знаю, что будет дальше. Стараюсь об этом не думать. Но я сильная, это я знаю. Хотела написать тебе что-то умное и жёсткое, но только что приходила доченька, принесла дыню. Ароматную очень. Рассказала о своих успехах, а потом долго на меня смотрела. Молча. А я на неё. Она, действительно, похожа на тебя.

Ты приезжай.

28 октября. ♂

Я вернулся вчера довольно поздно. В самолёте напился, потом в аэропорту добавил. Хотел няню отпустить, но она на меня строго поглядела и осталась с девочками.

Мы с тобой мало говорили. С одной стороны, это странно. Но это правильно, наверное. Я боялся что-нибудь ляпнуть, глядя на твой строгий профиль. Писать я могу, а вот говорить не привык. Да и не поговоришь особенно под твоим изучающим взглядом.

Но ты божественна. И, может быть, мне показалось, но и ты не полагаешь меня старым пнём. Или мне только хочется так думать?

Эти сорок минут в продвинутой немецкой лечебнице, в твоей палате, мне многое дали. Я сто лет так не волновался, признаюсь тебе в этом, но я перестаю тебя бояться. Ты, действительно, сильна. И я понимаю, что никогда, наверное, мы не сможем с тобой, взявшись за руки и дурачась, бежать вдоль морского прибоя – образ счастья, навеянный хэппиэндами старых фильмов. Или ты по-прежнему играешь какую-то роль? Не знаю. Но всё равно мне хочется быть с тобой.

Теперь о нашей девочке.

Вернее даже, обо мне, о ней можно говорить вечность, она прекрасна.

Не ожидал от себя такого поведения. Я думал, что, когда она войдёт в палату, я встану и, несмотря на твои упреждения, скажу: «Здравствуй, доченька! Это я, твой папа!» А там – как пойдёт, наплевать! Я даже фразу выучил на немецком: «Hallo, mein Schatz! Ich bin es, dein Vater!» Но никаких «хэлло» не получилось! И речи не могло быть о каких-нибудь «хэлло». Очень вежливо в её глазах мелькнуло отстранение от меня! И море беспокойства о тебе! И море любви – к тебе! А я – словно шкаф с букетом! И даже когда ты меня представила – мой старый товарищ из Питера, она только корректно и улыбочиво кивнула и продолжала во все глаза внимать тебе! Наверное, она привыкла к твоим старым и новым товарищам. Не говоря уже о букетах. И у меня не повернулся язык сказать ей о себе. Наверное, это было бы пошло. И ты! И ты ведь, меня это даже удивило, ты была совершенно уверена в том, что я ей не откроюсь. Почему? Ты так глубоко меня узнала?

И когда она убежала, оказалось, что нам с тобой не о чем говорить. Я был подавлен её совершенством. А тебя, я заметил, насмешило выражение моего лица. Представляю идиота на стуле!

Ладно. Ничего страшного. Да, собственно, мы ведь и встретились, чтобы только поглядеть друг на друга. Мне не описать мои впечатления. Слов не найти. Я не мог оторвать от тебя глаз в те минуты, когда ты на меня не смотрела. А когда смотрела – я не выдерживал твоего взгляда - шмыгал носом и отводил глаза, изучая интерьеры палаты, как представитель профсоюза, которого заставили посетить в больнице приболевшего ветерана труда.

Не буду о твоём здоровье. Помню, ты пресекала все мои попытки поинтересоваться твоим состоянием. Ты привыкла всё решать сама. Но давай всё же думать вместе. Может быть, это звучит банально и глупо, но ты рассчитывай на меня, ладно? И лечи свои прекрасные передние лапы.

А я буду рассчитывать на то, что не разочаровал тебя. И еще на то, что ты сама – сама! - расскажешь ей обо мне. Теперь, на правах старого товарища из Питера, я смогу бывать рядом с вами чаще. И еще я на многое рассчитываю, но не знаю – на что.

Целую тебя. Теперь я знаю, как нежно пахнет твоя левая щека.

3 ноября. ♀

Ты не разочаровал. Ты подтвердил. И это делает меня еще грустнее и печальнее. Я не могу уже лежать. Это так непривычно. Но, может, впервые я по-настоящему задумалась: «Для чего это вообще все придумано?»

Вообще, свое предназначение я выполнила: дочь родила, дом построила, дерево посадила. Как ни странно, благодаря тебе. Если бы когда-то я не сказала: «Этому ребенку быть!», я лежала бы сейчас и вспоминала анекдот: Мойша. 40 лет. Не женат. Мама: «Мойша, сынок! Тебе надо срочно жениться! А то на старости лет некому будет воды подать!» Мойша женился, быстро нарожал много детей. Лежит, умирает. Думает про заветы мамы: «Куча народа вокруг, есть кому воды подать. Только почему-то совсем не хочется пить».

Пить мне, если честно, совсем не хочется. А вот воду мне подают постоянно. И во имя этого я тут. Еще покопчу и подымлю. И еще заставлю многих плакать, когда я буду играть. Я стала умнее, наверно. И спокойнее, точно. У меня не будет инфаркта.

Спасибо, что навестил меня.

Ты не обижайся, что я не пускаю тебя дальше обозначенной границы. Может, когда-нибудь она исчезнет.

Тут ко мне в палату зашел гештальттерапевт. В переводе означает «терапия образами» и оставил мне текст молитвы со словами: «Точно поможет». Я перевела для тебя: «Я делаю свое дело, а ты - свое. Я в этом мире живу не затем, чтоб отвечать твоим чаяниям. Впрочем, и ты совсем не затем, чтоб отвечать моим. Ты - это ты, а я - это я, и коль повезло нам друг друга найти, это прекрасно. А если нет, с этим ничего не поделать».

Вот так мы лечимся. Поможет, как думаешь?

Сегодня ровно месяц с того дня, когда произошла эта проклятая авария. Я снова родилась. Теперь буду праздновать этот день каждый год, вместе с нашей дочкой.

3 ноября. ♂

Почти неделю ждал, что же ты мне напишешь после встречи? Едва дождался. И опять одни вопросы. «Не разочаровал, подтвердил». Что подтвердил? Что старый пень?!

И где эти границы, за которые ты меня не пускаешь? Почему не пускаешь? И когда ты откроешь эти границы?

Твой «образный терапевт» всё тебе наврал! Если повезло найти друг друга, то и чаяниям друг друга стоит отвечать! Нужно отвечать! А иначе – не повезло нам, что друг друга нашли!

Ты захлопнулась, как раковина! И раньше была не нараспашку, а теперь совсем плотно запахнулась. Да, ты сильная, но на что она тебе, эта твоя сила? Одиночество своё

лелеять? В зеркало любоваться своей гордостью неприступной! Что же ты за человек-то!! Только согреешь вниманием, и тут же обдаёшь холодом! Слушай, может, это шизофрения?

Впрочем, прости.

Понимаю. Тебе тяжело сейчас. Может быть, это и обостряет твои метания между холодом и... и холодом? Не хотел тебе говорить, но я знаю твои перспективы. В твоей клинике подошел дядька – доктор какой-то седой, Виктором зовут. Подошел просто так, услышав мой русский язык, он русский тоже. Перекинулись парой приветливых фраз, и вдруг я за него ухватился. И всё про тебя расспросил, он в курсе, и ты его знаешь. На мой вопрос, будешь ли ты когда-нибудь играть на пианино так же, как раньше, он аж отстранился: «Ну, что вы! Лучевые кости для пианиста – это всё, а там раздробление!»

В общем, я оценил твоё мужество. Ты ведь это всё давно уже знаешь, с самого начала! И делаешь вид, что почти ничего не случилось! А ничего и не случилось, если не считать, что рухнула карьера великой русско-немецкой пианистки!

Я знаю, что это такое, поверь.

Что же ты предлагаешь? – спросишь ты меня. И я тебе отвечу: я готов жить рядом с такой красивой и серьёзной стервой, как ты. Правда, при условии, что у нас с тобой будут дети - не одна, и не две, а три: одна уже почти взрослая и две совсем крохотных. Жить можем где угодно – в любом районе мира. И я тебя прокормлю. Дела у меня сейчас прут в гору. Два романа переводятся на английский. Так что...

Ну, что?

Выздоровливай и думай!

13 ноября. ♀

Я не хотела тебе писать совсем. Потом хотела. Потом снова раздумала. А теперь вот пишу. Когда день состоит из попыток вставания, хождения 2-3 шагов, а потом снова усаживания, залегания в кровать-берлогу, отчего звездочки в глазах и испарины на лбу, когда возникает проблема, а как же самой добраться до туалета, то тут, наверно, не до гордых поз, и надо бы принимать так благородно протянутую руку помощи. Поданную так гордо, что, думается - не палка ли это от граблей? И не ударит ли она еще и по лбу? Прокормит он меня...

Ты еще не понял, что для меня мои руки – то же самое, что твоя потребность писать? Отними у тебя сейчас компьютер и запрети тебе думать. А я буду тебя кормить. Хорошо буду питать: три раза в день, минимум, как в 5-звездочном отеле, в котором «все включено»...

Сделай паузу в твоих великодушных попытках меня спасти.

Знакомый художник принес мне краски, холст, палитру и кисти. Он считает что, чтобы писать картины, конечно, нужна чувствительность рук, но чтобы писать хорошие картины – нужна чувствительность души. Я пишу, вернее, пытаюсь писать. Не знаю, что получается. Но зима, например, получается грустной и похожей на настоящую. На Рождество напишу тебе в подарок «Поэму огня» Скрябина. Поэму, с которой все началось и которая грозит перейти в драму. Или уже давно перешла.

Но если я начну, как Фрида Калло, принимать в больнице любовников, то, наверно, в этом мире все-таки стоит слегка задержаться...

Да и есть еще один повод оставаться здесь. Дочка наша влюбилась. Была она у меня с мальчиком. «Мальчик» – хорошо сказано. Мужчина - как минимум, в два раза старше нее. Я испугалась. И даже на какое-то время забыла и про руки, про ноги и про все остальное.

14 ноября. ♂

Наши с тобой письма – как корабли, которые прошли мимо в густом тумане, не заметив друг друга. Так, далёкие склянки услышали и всё. Ты опять не отвечаешь на мои вопросы. И я опять думаю, задавать ли их тебе вновь? Или это я просто излишне рациональный?

Доченька наша влюбилась. Мальчик вдвое старше. Значит, ему нет еще и сорока. Неплохой вариант. Мне еще нет пятидесяти. И могу сказать, что мы с ним почти ровесники, поскольку возраст мужчины меряется не годами, а степенью зрелости. Может, нашей девушке не хватает именно зрелости в окружающем её мужском пространстве? Тогда нет повода для очень уж сильных переживаний. Твой профессор оказался для тебя кстати, насколько я помню, впрочем, извини, никаких сравнений.

Про руки твои и дальнейшую музыкальную деятельность я даже боюсь с тобой рассуждать. Я с самого начала сказал, что понимаю всю тяжесть этого твоего испытания, но ты тут же поставила меня на место, мол, не понимаю я ни фиги.

Но ты меня всё же порадовала. Я как-то вяло подумал: теперь она сможет только преподавать. И будет остаток жизни раздавать подзатыльники нерадивым школярам, запутавшимся в гаммах и сольфеджио. А ты вон что! Мне и в голову не могло прийти, что можно нарисовать какое-нибудь музыкальное произведение! Красками на холсте! Представляю себе Рахманинова в твоём живописном изложении! Я не смеюсь, я восхищаюсь тобой. Говорят, что талантливый человек талантлив во всём. Так и есть. Наверное, ты чувствуешь музыку настолько сильно и глубоко, что сможешь её изобразить. Дерзай. Я уже представляю себе твои блистательные выставки. И жду в подарок «Поэму огня» Скрябина!

Похоже, ты не хочешь быть рядом со мной. Ты поставила меня в один ряд с потенциальными твоими любовниками. Понятно, что у меня эти твои ассоциации вызывают только грусть. Ну, да ладно. Впрочем, ты могла бы приехать ко мне. Поглядеть, как я живу, посмотреть на моих бурно растущих девочек, на няню, на собаку. Выглянуть в окно моего кабинета и оценить осенний парк своими чудными глазами.

Мечты, мечты.

Или присылай нашу дочурку с её бойфрендом. Обещаю вести себя примерно. Рано или поздно нам надо знакомиться. Даже без посвящения в тайну её отчества. Я пожертвую им кучу времени, покатаю по Неве на катерах и покажу им Питер с крыш. И потом я напишу тебе своё впечатление о её дядьке – честно напишу, без ревности, без страхов, без лукавства. Просто как любящий папа.

Или боишься?

15 ноября. ♀

Сегодня была моя Маша у меня в клинике. Веселая - до невозможности. Рассказала, что у нас сломался туалет наверху, она вызвала сантехника. Тот пришел, посмотрел и произнес фразу: "Das Innenleben der Toilette muss ausgetauscht werden!" (Необходимо поменять внутреннюю жизнь унитаза!). Дочка, несмотря на ее прекрасный русский, не может оценить юмора предложения, а я посмеялась от души. Вопрос себе задала: «А мою внутреннюю жизнь может кто-то поменять?»

У меня все хорошо! Просто прекрасно. Сегодня все как будто договорились делать мне сюрпризы и подарки.

Навестил агент, принес мне только что вышедший в свет мой новый диск с записями Скрябина (как-то все сейчас в последнее время крутится вокруг этого имени).

Зашел врач, сказал, что получено место в реабилитационном центре в Обераммергау. Это совершенно чудесная деревня в Альпах. Я порадовалась: там жил Прокофьев и писал своего «Огненного ангела». А Вячеслав Иванов хотел открыть свою башню. Не открыл, что-то помешало. Ну, вот я открою там кафе «Бродячая собака». Или «Хромая собака».

Да, я тебе тоже сделаю подарок. Маша поедет к тебе. После того, как сантехник поменяет внутреннюю жизнь унитаза. Так что готовь встречу и помни – ни слова об отцах! И не удивляйся, она со всеми говорит на «ты». В Германии так.

15 ноября. ♂

Ура! Ты хорошая! Я знал!

Напиши мне, что она любит есть, наша Мария? Одна приедет, или со своим «мальчиком»? Что они любят есть? В гостиницу их не пушу, их там отравят яичницей! У

меня полно места (в центре города, практически), устрою им две отдельных спальни (я купил соседнюю квартиру и объединил их в результате замечательного ремонта), а там они уж сами сообразят. И потом, я просто хочу показать ей, как я живу – простой постсоветский писатель.

Я рад твоему настроению. И Скрябину тоже. И продвинутой деревне в Альпах! Будешь открывать там своё кафе – всё-таки подумай над названием. Названия работают на судьбу заведения как-то по своему. «Бродячее» и, тем более, «хромое» упоминать не стоит. Назови «Счастливая собака» - и успех будет гарантирован.

Всё! Взял ноутбук и пошел в аэропорт – встречать доченьку! Буду сидеть в зале и ждать твоего сообщения о времени прибытия самолёта! Поторопите там вашего романтика-сантехника! Впрочем, пусть вылетают до окончания этого эпического ремонта! В самолётах, я помню, есть все удобства.

Целую тебя!

16 ноября. ♂

Ну? И когда?!

18 ноября. ♂

Неужели и в Германии так долго ремонтируют сантехнику?!!

20 ноября. ♀

Ты там встречаешь? Маша уже должна сидеть в самолете. Вместе с Юлиусом. Он – высокий, красивый ариец из очень интеллигентной семьи. А сам он – чемпион Европы по карате. Бывший, правда. Еще он прекрасно играет на виолончели. Но самая его большая прекрасность заключается в том, что, кажется, он по-настоящему тепло относится к Маше. Я умею отличать сцену от жизни, и поклоны для зрителей и родственников.

Еще мне очень нравится, что он не пытается целовать ее при мне и противно обнимать. Но когда проходит мимо, слегка касается ее кончиками пальцев: «Я – здесь! Я – при тебе, мой кардинал!»

Так что не заморачивайся двумя спальнями. Они живут вместе. Пока еще на два дома – когда-то у нас, когда-то у них. Это нормально здесь, и воспринимается как нечто обыденное.

А теперь обо мне.

Сейчас будет серьезно, как никогда.

Когда я тебе радостно сообщила о том, что меня переводят в реабилитационный центр, я оговорила. Меня переводят в паллиативное отделение этого центра. Это значит, что счет пошел на недели, в лучшем случае – на месяцы. Поэтому сейчас я постараюсь, пока сознание мое не замутилось действием наркотиков (их мне дают, чтобы боль не умертвила меня раньше назначенного), четко изложить, чего я хочу, когда меня не будет. Мое завещание, если хочешь.

1. Я завещаю мою дочь Марию ее отцу, которому я доверяю заботу о ней до конца ее (или его!) дней.

2. Все мое имущество – движимое и недвижимое – делится пополам: между Марией и ее отцом (вилла в Штарнберге, летний дом в Испании, две квартиры в Мюнхене).

3. Дивиденды от моего творческого наследия – книги, компакт-диски, фильмы – на 50% должны пойти в фонд поддержки юных пианистов. Моим страстным желанием была бы организация Международного конкурса «20 лет – возраст славы!» с учреждением первой премии в размере 10 000 евро.

4. Все музыкальные инструменты могут быть проданы, подарены и т.д., кроме белого «Стенвея». Этот рояль уйдет из семьи только с прекращением ее женской линии.

5. После моей смерти – никаких похорон! Тело должно быть сожжено. Прах должен быть перевезен в Швейцарию, где из него сделают алмаз. Для этого в Швейцарском банке открыт счет на имя «MARIA, номер счета: №xxxxxx» и сделан целевой вклад на 20 000 швейцарских франков. Из алмаза ювелир «Friedrich» на Sendlingerstrasse в Мюнхене

(договор о намерении подписан) сделает кольцо, которое перейдет в распоряжение Марии.

Вот главные пункты моего завещания. Более полный и расширенный вариант я подпишу у нотариуса, координаты которого я сообщу попозже. Но в Германии признается и такой рукописный текст.

P.S. Я знаю, что Мария попала в хорошие руки. Именно поэтому она сидит сейчас в самолете, направляющемся в Санкт-Петербург.

Спасибо тебе за Машу! Что она у меня есть! Еще пока...

20 ноября. ♂

Встретил! Всё хорошо! Побежали гулять. Провожу их послезавтра – напишу подробно. Всё тебе подробно напишу. И спасибо тебе!

22 ноября. ♂

Я посадил их, улетели. Собирались первым делом прямо к тебе.

Здравствуй, милая. Даже не знаю, с чего начать. Расскажу, как получится.

Переводчица она – классная. С Юлиусом не было никаких проблем. Оба называли меня Сашей. И мне это было очень приятно. Юлиус старше её лет на 12? Не страшно это. Но степень их взаимного влечения я не уловил. Они - другое поколение. Как-то много в их отношениях дела. Рационализма что ли много, хоть я и сам грешен. А чувства, наверное, где-то глубоко внутри. На поверхности только обмен улыбками и ласковыми междометиями. Забавно. Может, так и должно быть.

А тебя она иногда называет Марго. Это странно. То мама, то Марго. В общем, другие. На Маше рваные джинсы и футболка! Вроде как эпатаж, но как-то всё гармонично. Огромный шарф и короткая теплая куртка к месту.

Юлиус сложный, но ничего. Педантичен слегка. Закрытый. Корректный. Я это заметил, когда в ресторане расплачивались. Он как-то слишком уж неловко себя почувствовал, когда я платил за всех и еще вывалил «на чай». Правда, я, конечно, слегка выпендривался. И стопу водки выпил так залихватски, что Юлиус аж рот закрыл! Начал было протягивать мне закуску, полагая, что я забыл, представляешь? В общем, много смешного было.

Зато Мария покорила публику. Сначала танцевала кач так, что ей из-за столиков аплодировали, а потом подвинула тапёра, села за рояль и сбацила «Мурку», чего никто не ожидал, даже Юлиус! В общем, восторг! Мы были в ресторане «Старая деревня» - семейный такой, небольшой ресторанчик с изысканной кухней и винами позапрошлого века выдержки. Я танцевал с Машей. И вдыхал букет её обалденных запахов! Твоих, скорее всего. А поскольку в голове моей было уже некоторое количество алкоголя, я чуть было не раскололся. Чуть было не сказал что-то типа «Тихо, Маша, я – Дубровский». Но, во-первых, я обещал тебе, что без твоего ведома никогда не признаюсь ей в отцовстве, а во-вторых, это страшно, конечно. И в первую очередь – за неё.

Галопом были в Эрмитаже и в Михайловском замке. Русский музей был закрыт. На крыши я их не потащил – темно, скользко, но зато слазали на колоннаду Исаакия. Там, красота, конечно. Глядел вниз их восторженными глазами и гордился городом. И еще катерок успели оседлать. Многие катерники уже смотали удочки – ноябрь, холодно и волна, ветер, но нам повезло. Нам выдали пледы и мы рискнули прокатиться. Юлиус, правда, упирался всеми четырьмя лапами, но Маша на него наехала, и он с неудовольствием согласился. Сама в результате замёрзла, конечно, так что встретишь её, скорее всего, с соплями. Зато город с воды посмотрели!

Что-то я всё не о том. Это от избытка чувств. Не знаю, что важнее. Не буду излагать в хронологической последовательности, не получается!

Я ей понравился – это важно! Как человек понравился. Слушала меня очень внимательно, ей было всё интересно про меня. И в аэропорту, когда их сегодня провожал, мне даже показалось, что она не хочет со мной расставаться. Ты не представляешь, как я был счастлив. Мне показалось, что Юлиус даже чуточку

взревновал. Только ты не ревнуй, договорились? Кстати, она взяла у меня мой электронный адрес, обещала прислать фотографии, они много фотографировали, наверняка предъявят тебе!

Спали они, как ты и предугадала, вместе, в одной из моих спален, с окнами на парк и церковь. Я почему-то переживал. Смешно. Но она всё же маленькая. А этот «мальчик» - большой! И черт его знает, что на уме у этого интеллигентного арийца. Чемпиона Европы по карате. Так и не понял, чем он занят по жизни. Музыкант – не музыкант, спортсмен – не спортсмен, а про бизнес мы как-то особенно не говорили, да я бы и не понял ничего. Вообще, он не многословен. Иногда Маша забывала перевести ему фрагменты наших ярких бесед, и он заметно обижался. Впрочем, Маша чуткая, она тут же спохватывалась и посвящала его в курс наших споров. Спорили, в основном, о людях – о разности в характерах людей разных поколений, формаций, стран. Она умница. Чуть не сказал «это у неё от меня». Шучу. Акцент у неё едва уловимый. Прекрасно говорит по-русски. Видимо, и пишет тоже. А к Юлиусу я её слегка ревную – но понимаю, это удел всех отцов. Нормальный Юлиус, нормальный, и дай им Бог взаимности и прочих семейных радостей, если, конечно, дело дойдёт до семейного союза.

Маша не могла налюбоваться на моих девчонок. И это еще один повод для моего счастья. Вообще, мне не передать, что за славный подарок ты мне сделала!

Когда Маша вошла в детскую, там была няня, а девки мои сидели на диванчике и во все глаза глядели на неё. И Маша обомлела. «Ой! Две маленьких меня!» Я чуть не заплакал. У меня нет фотографии грудной Маши, но я ей сразу поверил. Наверняка, в младенчестве она была точно такая же, как две этих моих крохи. Хочу, чтобы и ты когда-нибудь обязательно на них посмотрела.

Про Лолу я ей всё рассказал. Подумал хорошо сначала и рассказал. Ну, она ведь спрашивала, задавала вопросы. Она глядела на меня огромными глазами. И лаконично, отрывисто переводила для Юлиуса. И когда я закончил, она молча подошла ко мне, обняла и так и стояла минуту, наверное, сильно-сильно прижавшись. Потом захлюпала носом и ушла в ванную. Я, конечно, тоже весь в соплях был. А Юлиус покачал головой и счел нужным поддержать на моём плече свою руку. И спасибо ему за это.

В общем, страсти-мордасти.

Хорошая у нас с тобой получилась девочка. И очень-очень жаль, что я так долго был так далеко от вас.

Теперь о твоей серьёзности. Меня насторожило твоё завещание. Не суть своей в первую очередь, а несвоевременностью. Может, в Германии так положено, но для меня это диковато. Тебя переводят в хоспис. У нас это заведение обычно последнее в жизни. И попадают туда безнадежные люди, в основном старики. Но ты-то!

Это плоды твоей закрытости, и я просто не знал твоих болячках. Которые ты обрела еще до аварии.

В общем, скажу тебе так, милая. Ты жила, живёшь и будешь жить. Реально, а не как вождь мировой революции. Ты просто реши жить. В любом случае, какая бы бяка к тебе не прилипла. И обязательно переведись из хосписа в простой реабилитационный центр. Думаю, у тебя получится перевестись, потому что желание покойника – закон! Шучу. Это нужно, чтобы снять атмосферу обреченности. Ты же помнишь, что ты решила жить, вот минуту назад решила – хотя бы для того, чтобы увидеть своих внуков, чтобы увидеть нашу Машу мамкой – трепетной и счастливой!

И еще у меня нет слов, чтобы выразить тебе моё признание за доверие. Это дорогого стоит. Понимаю, что такая щедрость на доверие проснулась в тебе под знаком странного, непонятого грядущего, но всё равно. Как бы ни вышло, я запомню это навсегда. И всё же странного грядущего в твоей жизни не будет. Через три недели ты выйдешь из реабилитационного центра и приедешь ко мне в гости. Может быть, даже вместе с Машей и её другом.

Ладно, скажу. В общем, конечно же, мы с Марией не могли не говорить о твоём здоровье. Всё проговорили. И вместе ходили в Никольский собор. С Юлиусом. И поставили свечи за твоё здравие. Не смотря на то, что Маша лютеранка, а ты у нас вообще неизвестно кто. Не важно. Собор – намоленное место. И искренние желания людей каким-то образом являются небесам. И что-то происходит. Непонятное,

волшебное, но происходит. Я и завтра опять пойду в церковь. И послезавтра. И знай, что ты будешь жить. Даже не сомневайся.

Люблю тебя. Не томи, пиши.

22 ноября. ♀

Приехали мои дети. Какие-то взбудораженные. Юлиус рассказывал о своем самом сильном впечатлении. Если ты думаешь, что это Эрмитаж – то ошибаешься. Самое сильное впечатление у него – русская баня. И как ему русский парильщик кричал: «Хенде хох!» Спасибо тебе.

Да, Машута зовёт меня то Марго, то мама – это зависит от нашего общего с ней настроения. Я привыкла, даже нравится. В одежде она оригинал. Ты не думай, она прекрасно знает, и как завязываются галстуки, и как ходить на каблуках. А откуда ты взял, что Маша – лютеранка? Это она тебе сказала? Или ты решил? Я ее не крестила. Она – вне конфессии. Когда-то я решила, что принадлежность к церкви – выбор взрослого человека. И если она примет решение в каком-то возрасте, что непременно должна принадлежать куда-то, то и определится тогда. По мне так – хоть гиюр пускай принимает, тем более, что для этого есть основания. А свечку я ставлю всегда, хотя церковь как институт мне чужда. Один из моих лучших друзей одновременно один из лучших органистов Европы. Я хожу (ходила!) на его концерты в соборах. И обязательно до начала концерта ставила несколько свеч – произносила про себя какие-то молитвы. Обращалась к Нему. И надеялась быть услышанной. Не знаю, помогает это или нет, но я и здесь, в больнице, прихожу (меня привозят на коляске) в больничную капеллу к концу службы и зажигаю свечу. Мне нравится смотреть, как плавится воск. Вместе с ним плавятся мои мысли. Воск здесь не собирается в фигурки, он сгорает и исчезает легкой дымкой в душном воздухе капеллы. Я надеюсь, что вот так же сгорают и мои всякие думы и думишки про настоящее и не очень светлое будущее.

Меня переводят не в хоспис. Это – паллиативное отделение реабилитационного центра. В хоспис уходят те, у кого надежды нет вообще. В паллиативных отделениях пациентам оставляют маленькую лазейку – здесь есть градация - «тяжело больные» и «смертельно больные». Не знаю, бывали ли случаи, когда кто-то, несмотря на градации, удалялся оттуда не на каталке под простыней, но чисто теоретически такая возможность существует. Чисто теоретически.

Меня, конечно, занимает этот вопрос – не может не занимать. Пока Маша была у тебя, я много чего организовала. Отдала распоряжения. Так, на всякий случай. Прописала процедуры «после меня». Чтобы не было никаких слез. Маше понадобится плечо. Она не слезливая, спокойная. Внешне. Но она очень эмоциональная. И потому у нее слабое сердце. И мы этим тоже очень близки. От того, что какая-то Мойра перережет веревочку, нас соединяющую, мне становится безумно страшно. Не сам уход. Его я не боюсь.

Знаешь, мне приснился такой сон. Как будто я умерла. И вы все собрались вокруг гроба (не выполнили мою просьбу!) Маша плачет навзрыд. Ты тоже плачешь. Еще какие-то люди плачут. Розы белые повсюду. А я вам кричу: «Да не плачьте вы! Чего вы так убиваетесь? Мне здесь так легко! Мне хорошо!» А вы не слышите.

Я проснулась с ощущением этой легкости и нестрашности. Ты знаешь, в чем-то это похоже на анекдот про близнецов в утробе. Один спрашивает другого: «А есть ли жизнь после родов?» Ответов там много, но смысл главный в том, что еще никто оттуда (обратно в утробу) не возвращался. Вот и мы боимся, потому что «оттуда» еще никто не возвращался. А там легко и воздушно. Только вот не знаю, встречу ли я с моими близкими там. А вдруг нет?

В общем, ты только не пиши мне глупостей типа «переведись оттуда – туда». Я как-нибудь со своей телесной оболочкой разберусь. Да и мозги мне еще не отшибло лекарствами.

Вот только Машу не оставляй. Пожалуйста. Как-то в Юлиуса мне не очень верится.

Опять судьба зовет в дорогу,
Забрав все то, что накопила.

Мой новый путь угоден богу,
Лишенный цели и ветрила.

Оставлю ворохи заветов –
Мне больше нечего хранить;
Ведет меня полоска света
Туда, где я хотела быть.

Глаза мои уже закрыты,
Я сквозь десницы вижу свет.
Долой разбитые корыта!
Забыт вопрос, забыт ответ.

Теперь на большее я годна.
Мой выбор сделан. Я свободна.

23 ноября. ♂

Здравствуй. Твои стихи по-прежнему богаты тобой. Только нет в них того настроения, которое мне хотелось бы сегодня слышать. Я в детстве прочитал рассказ, который сразу и надолго провалился в память. Суть в том, что там безнадежно больной, умирающий старик в деревянном доме слышит, как его сыновья и невестки ругаются из-за того, кому после смерти отца достанется дом. Старику невмочь такое терпеть. Ночью, когда все спали, он с огромным трудом поднялся из постели, прошел в горницу, нашёл и, не отрываясь, выпил графин водки. Потом как был, в исподнем, вышел во двор, добрёл до пруда и прыгнул в ледяную воду, сломав тонкий осенний ледок. Затем вылез, едва пришёл к постели и уснул, укрывшись. А утром сильным, бодрым голосом потребовал на завтрак мяса и овощей, до обморока изумив невесток. Вот автора рассказа я уже не помню.

И не буду больше ничего говорить тебе про твою телесную оболочку. Напомню только, что ты сильная. А я только что пришел с церкви.

Похоже, я нечаянно выдал тебе Машину тайну. Она знает о твоём отношении к церкви, потому и не сказала тебе, что покрестилась вместе с подружкой еще три года назад. Можешь с ней об этом поговорить, но лучше не надо, а то и меня слегка подставишь. Да и дело-то интимное.

А Юлиус меня уже подставил! Сам же попросил не рассказывать никому про баню, и первым же и рассказал! Вот неверный-то!

Это Маша нас в баню погнала, расписала Юлиусу все прелести нашего ню-экстрима (ты ей про наши бани рассказывала?), мы и пошли. Естественно, без переводчицы! Она осталась вместе с няней забавляться с моими девками. С Юлиусом мы молча всё, одни жесты, если нужно - чтоб мужиков не смущать. Так он глядел, наблюдал и тоже решил выпендриться – тоже на камни плеснуть захотел! Взял ковш, черпнул, метнул и - ошпарился! Без опыта-то! И столько сразу громко-громко и быстро-быстро наговорил! Я только донэр-вэтэр разобрал, а там, похоже, еще три этажа было. Ну, один из мужиков (это не банщик) и высказался - «хенде хох, дядя!» Все заржали. А Юлиус и на него еще по-арийски наорал. И одеваться бегом! «Цум тойфель! Цум тойфель!» Это «к черту», кажется. В общем, и смех, и грех. По дороге к дому жестами дал мне понять, что не хочет, чтобы об этой хохме кто-нибудь знал. Я беспрекословно обещал.

Маша сегодня прислала фотки. Без комментария. Штук сорок. Я на них везде, и очень даже симпатичный. На фоне города. Мне приятно, что у неё будут такие мои снимки. Ты их видела, кстати? А девчонок своих я её попросил не фотографировать. Из суеверия. Она поняла, не переспрашивая. Дома фотографировала пса. Который, похоже, очень её тоже любил.

Грустное у тебя, лапушка, письмо. Еще раз его перечитал. Кто о чём, а вшивый – о бане. Это я о бане. Пытаюсь тебя растормошить. А ты всё о том, что за чертой. Я

понимаю, что тебе не страшно. Мне тоже давно уже не страшно. И переживаю только за девонек. Я ведь уже, в общем-то, вкусил прелести земной жизни.

Представляю тебя в коляске под пледом где-нибудь на веранде, с видом на альпийские прелести. Грустная-прегрустная! Ну, вот что мне с тобой делать, красавица? Ты вспомнишь, наконец, что ты сильная, или так и будешь с мазохистским каким-то удовольствием отдавать последние распоряжения? Проснись, Марго! Мир и так катится «цум тойфель». Я, кстати, далёк от этой паники земного народонаселения по поводу 12-го года, но это именно потому, что уже пожил. И наплевать, что будет дальше. Только детям не хочется всех этих неудобств планетарного масштаба.

Ты, лапушка, не помирай. Рано еще. Очень рано.

Копаем золото и медь,
таскаем марганец и сланцы,
дробим, долбим, взрываем твердь,
амбициозные засранцы.
Фонтаны нефти до небес
сулят бабло, тепло и скорость.
Вселился в нас какой-то бес,
найдя незанятую полость.
Гуртом мы во главу угла
уют и сытость водрузили.
Мы всё смогли при нашей силе.
А вот планета не смогла.

Теперь, не слушая молитв,
она себя освобождает
от нас. Не гонит, не бранит,
а просто поголовье правит:
сжигает лавой, пеплом душит,
метёт волной и давит камнем,
и мы в её густую душу
кричим отравленным дыханьем.
Она – наш молчаливый вождь,
мы просто подзабыли это.
Кроме любви, ведь ничего
не обещала нам планета.

24 ноября. ♀

Я уезжаю завтра в Обераммергау. Не знаю, как смогу оттуда писать. Есть ли там интернет? Вообще-то, это продвинутая деревня. Деревня-миллионер, как я ее называю. К письму прилагаю пару фото оттуда. Пару лет назад я написала даже книжку о ней – у нее длинная интересная история. Много фотографировала. Как будто знала, что у меня с этой деревней сложатся более тесные отношения. Администрация центра уже поинтересовалась, не могу ли я дать там концерт. Я ответила: «По обстоятельствам». Руки у меня плохо двигаются. Да и ноги – не очень. И вообще я похожа на скукожившуюся бабушку, что невероятно противно.

Вообще, я тут размышляла над твоим «переведись куда-нибудь» и приняла решение неожиданное. Я вспомнила историю одной своей знакомой. Пять лет назад она как-то приболела – кашляла-чихала. Очень долго кашляла и чихала. И пошла все-таки к доктору. Тот ее просветил и нашел потемнение в легких. Пятнышко обернулось шестичасовой операцией, многомесячной химиотерапией и приговором: «Вам осталось три месяца». Она была тогда у меня в гостях. Рассказала обо всем с каким-то надрывным смешком. Помнится, я не знала, как на все это реагировать. А она сказала: «Я купила кругосветное путешествие. Если помру, то хоть на воде и на людях». И уехала. А полгода назад я зашла на минутку в покупательский центр у нас неподалеку и увидела её. И обомлела! А она мне говорит: «Рот-то закрой! Да! Это я». В общем, улыбающаяся, в

потрясающем голубом костюме, она стояла передо мной свежая и без единого намёка на какой-нибудь недуг!

Я решила пойти по её стопам. В общем, через две недели, если всё будет ничего, я отправляюсь в кругосветное путешествие. Если и умирать, так на воде. Ты мог бы меня сопровождать? Если честно, я уже оплатила самую лучшую двухместную каюту на «Аиде». Ты как?

Позвонила сейчас приятельница, сказала, что интернета в деревне, куда я еду, нет. Отвечай мне быстрее, до завтрашнего полудня, по крайней мере.

25 ноября. ♂

Здравствуй, путешественница!!

Очень неплохие у тебя планы. Только настрой опять кривой! Путешествовать ты плывёшь (!), а не помирать на водах! Маргарита!

Я залез в инет, разглядел круиз «Аиды», но еще до этого решил, что, конечно же, буду тебя сопровождать! С радостью. У меня всё получится. Договорился уже и с агентом, и с издателем, и с няней. Давай за эти две недели попробуй подтянуть сопли и, вообще, держи нос морковью обыкновенной! А я пока попробую закончить очередную нетленку и скинуть редакторам.

Жаль, что нет интернета. Я думал, что уже и нет таких мест. Ещё и в Европе. Дай знать сразу, когда вернёшься.

Обнимаю. Жду.

25 ноября. ♀

Всё поняла. Спасибо тебе. До встречи на «Аиде».

Всё, меня повезли.

25 ноября. ♂

Я знал, что ты одобришь! До встречи на «Аиде»!!

Аида. Это не дочка ли фараона, которая была влюблена в египетского завоевателя? Опера такая есть. Верди, кажется?

Странное название для круизного лайнера.

Целую тебя!

2 декабря. Мария.

Саша, здравствуй. Тебе понравились фотографии?

Я в восторге от Санкт-Петербурга. И ты тоже замечательный человек. И девочки твои славные! Как ты там? Успеваешь?

А мы с Юлиусом что-то ссоримся последнее время. По мелочам. Не пойму, что происходит. Решили немного друг от друга отдохнуть. Может, просто подустали вместе. Но мне теперь что-то горько. Мы говорили с тобой о людях, которые родились в разных государствах. Помнишь? Спорили. И вот что-то у меня с Юлиусом совсем разное. Мне это трудно рассказать. Посмотрим.

Я была у мамы в деревне. Я люблю ее. Говорит, что чувствует себя вполне. Обманывает, конечно. Она молодец. Иногда она очень трудная, она – звезда, но без неё мне тяжело. Сейчас ее нет в доме, и мне страшно одной (Юлиус уже три дня у своих живёт, ежедневно созваниваемся). У меня кто-нибудь из подруг каждый день остается юбернахтен (на ночь). А друзей-мужчин у меня больше нет.

Я всё учусь. Я в этом году получаю абитур. Я взяла как основные предметы английский и французский. И музыку. Я тебе рассказывала. А потом, наверно, пойду в высшую школу музыки. Мама бы хотела, чтобы я училась в Джульярд-академии в Нью-Йорке. Но я буду поступать в Мюнхен, Зальцбург и Вену. Куда-то меня точно возьмут. А

если не возьмут, то пойду на психологию в университет. Это очень престижно. И туда берут только с оценкой 1.0 - 1.2. У меня будет 1.1. Это хорошо. Это значит, что, вообще-то, меня возьмут в любой университет мира.

Ты мне очень понравился. У Марго мало настоящих друзей, но ты ее хороший друг. Надеюсь, и мой друг тоже. Саша, можно я буду иногда писать тебе? Мне сейчас трудновато. Только я не хочу, чтобы мама знала о том, что я продолжаю общаться с тобой. На всякий случай. Пусть это будет нашей маленькой тайной. Просто она меня очень любит. Слишком сильно любит и боится за меня, иногда до непредсказуемости.

2 декабря. ♂

Здравствуй, Маша!

Ты и порадовали меня своим письмом, и огорчила. Давай, разбирайся с Юлиусом, он показался мне неплохим парнем, но это уж тебе, слава Богу, виднее. С мамой я на связи иногда, но сейчас у неё нет интернета, и я рад, что вы с ней общаетесь.

Спасибо тебе за фотографии, они славные! И за приятные слуху определения. Ты мне тоже очень понравилась! Ты настоящая леди! Ты красива и талантива. И вообще, лёгкий, жизнерадостный человек! Конечно, пиши мне, буду с радостью с тобой общаться. Пиши, когда грустно, пиши, когда весело! Не очень понимаю, почему нужно скрывать эту переписку от мамы, но обещаю скрывать!

Чувствую, что тебе сейчас довольно плохо, но ты такая же сильная, как твоя мама! Не грусти. У тебя впереди прекрасная учёба.

Вспоминаю с улыбкой все наши жаркие с тобой споры. Это были два самых замечательных, самых ярких в моей жизни дня!

Пиши. И удачи тебе! Мои девчонки шлют привет тебе и Юлиусу!

4 декабря. Мария.

Привет, Саша! Как у тебя дела? Что делаешь? Я пытаюсь чинить машину: сдала сегодня в ремонт. Парковалась и въехала в другую. Марго расстраивать не хочу, хотя из-за машины она даже голову не повернет, сразу начнет спрашивать: «Маша, с тобой все в порядке?» Со мной все в порядке. Царапин нет, машинку жалко. Рабочие на парковке мне кричали: «Направо! Давай! Еще!» Я на них ориентировалась, а в зеркало не смотрела и въехала в чужую машину. Той машине слава богу – ничего. А у моей весь багажник горбом.

Да, первое моё письмо грустным было, на самом деле всё нормально. Я человек настроения. Пишу сейчас работу для абитуры. У меня тема: «Музыка Терезиенштадт». Я тебе рассказывала. Написала две странички. Как-то не пишется. Вот ты как пишешь? Как тебе приходят мысли? Я была потрясена количеством твоих книг. Мне кажется, даже просто напечатать их все – на это меня не хватило бы. А если при этом еще и думать?

А здорово мы плясали в том ресторанчике. У нас в Германии тоже бывает весело, но как-то не так. Ты хорошо танцуешь. Это я тебе как профи говорю. Ты знаешь, что я занималась латино-американскими танцами? Пять лет целых. У меня диплом есть «Об успешном окончании золотого курса». Хвастаюсь!

А как ты познакомился с Марго? Вы давно дружите? Она очень мало о тебе говорила, почти ничего. Хотя, мне кажется, что ты её лучший друг должен быть. Вообще, как она тебе? Когда у меня все в порядке, я называю ее «Марго». А когда мне плохо – «мама». В последнее время все чаще «мама». Ты мне скажи, как друг Марго: «Она как?» Мне показалось, что ты «stehst auf Sie». Я не знаю, как по-русски это переводится. «Ты на нее стоишь?» Может, поэтому мне было хорошо у тебя. Необычно все как-то. После нашего всего белого и стерильного такой небольшой хаос. Марго мне говорила, что в России это нормально. Особенно у людей творческих.

Я не очень открытые вопросы задаю? Я еще не всегда по-русски могу правильно сказать. А ты ведь не можешь по-немецки. Может, по-французски? Или по-английски?

4 декабря. ♂

Привет, Маша! Ты славная. Поохотал над твоим письмом, оно, действительно, доказывает, что ты человек настроения. Соболезную по поводу твоей машинки. Я вот точно не водитель. Подливал однажды масло в движок и неплотно захлопнул капот. На трассе он у меня открылся хлопком, сам вывернулся наизнанку и еще лобовое стекло разбил.

Танцуешь ты, действительно, лихо. Я с Марго никогда не танцевал. Не пришлось. Знакомы мы давно, с тех пор, когда она была-бродила еще здесь, в Ленинграде. Но я почти не знаю её. Больше чувствую. Пытался найти русский эквивалент твоего вопроса «stehst auf Sie». Думаю, что это не «ты на неё стоишь». Скорее всего, ты спросила «Ты на неё запал?» Не знаю, как тебе ответить. Мне хочется быть рядом с нею. Она очень интересный человек и, прекрасная, мне кажется, женщина. Словом, мне хотелось бы знать её лучше.

Что там у тебя с Юлиусом? Разобрались? Ладно, не буду вторгаться в мир ваших тонких отношений.

Сижу, между прочим, злой. Взяли в издательство по блату (мама тебе объяснит, что это означает) бездарного молодого редактора, и вот он теперь морочит мне голову своим амбициозным невежеством. Моя реакция - злость, раздражение и скука! Так что твоё письмо – вовремя. Настроение поднялось. Пойду к своим девушкам, верещат что-то. А потом схожу в собор. Поставлю свечу за здоровье твоей замечательной мамки.

Пока. Удач тебе. Пиши.

P.S. Не пытайся говорить со мной по-французски, или по-английски! У тебя русский великолепный. А я как раз только в немецком и могу разобраться. С трудом и со словарём.

5 декабря. ♂

Здравствуй, Марго. Пишу тебе, зная, что ты ответишь нескоро. Или не ответишь. И обращаюсь к тебе так, как иногда называет тебя наша доченька. Она глубока, наша девочка. Она потрясающая. Когда она была здесь, я беспрестанно ловил себя на том, что пытался понять, что у неё от тебя, а что от меня. Получилось, что наша Маша весьма разборчива – она взяла всё лучшее и от тебя, и от меня. Вот вроде бы ребёнок, но сколько же в ней всего! Она удивительна. Я знаю, тебе приятно было бы читать эти строки. Хотя, ты, наверное, слегка ревновала бы. Ты такая.

Не спрашиваю, как ты там, потому что знаю, уверен на 300 процентов, что все твои болячки отступают и осыпаются, как... Трудно придумать сравнение. В общем, осыпаются!

Я буду с тобой разговаривать. Мне это нравится. Я скучаю, наверное. Где там наша с тобой «Аида».

6 декабря. Мария.

Привет! Хай! Вот если ночью страшно, то что надо делать? Я маме про свои страхи не рассказываю. А то она будет каждый час мне звонить и спрашивать, как я вообще. А так она каждые два часа звонит.

Попросила Юлиуса у меня жить, а он уезжает завтра в Париж. До февраля. У них там съемки фильма. Он участвует в каких-то эпизодах. Между прочим, Крэг там тоже снимается. Меня мама тоже пыталась в кино устроить, но мне как-то не очень нравится. Я лучше на рояле поиграю. Или из пистолета постреляю. Может, мне пистолет купить кстати?

Что такое «амбициозное невежество»?

Мама хочет давать рождественский концерт в своем центре. Я поеду. Хотя очень не люблю ходить на ее концерты. У меня внутри все дрожит, когда она играет. Я написала про нее заметку. В следующем, наступающем году я закончу школу. В школе я являюсь главным редактором нашего журнала. Пишу для него, фотографирую, потом

обрабатываю фотографии, верстаю. Нас четверо, кто его делает. Но, в основном, я его тащу на себе. В этом году я придумала анкету, на вопросы которой каждый выпускник должен ответить. Там есть такой вопрос: «Почему я такой/такая талантливая?» Я вот его задала всем, а потом задумалась, что мне ведь тоже надо будет на него отвечать. Почему я такая талантливая? Потому что у меня русско-армянско-еврейские корни, немецкий паспорт, гены Страдивари и мама-звезда? Так? Как ты думаешь?

Мама-звезда. Я, конечно, этого не помню. Это она мне рассказывала, что я выросла под педалью рояля. Это отсюда у меня абсолютное чувство ритма. И вообще, я жила в роялях. На роялях меня кормили. И если кто другой растет на молоке матери, то я росла в черно-белом пространстве роялей. Они были разные: от фабрики «Октябрь» до супер-«Стенвеев», сделанных по заказу. Я знаю, что они звучат по-разному. У них непредсказуемые характеры. Но любой рояль молчит, пока на его клавиши не лягут руки. Я с детства знаю эти руки. Они очень ласковые. Но когда эти пальчики начинают бегать по черно-белым заборам из слоновьей кости, они забывают, что только что гладили мою голову. Они жестко и резко делают стаккато, мелко цепляются за бисер легато, грубо, почти с ненавистью обрушиваются сверху октавами. Во как сказала!

Они очень точны, её пальчики. И они умеют разговаривать. Они очень часто говорили со мной тоже, когда я засыпала в кровати.

- Марго! Я – не рояль. Не играй на моей голове.

Я хочу сейчас в то детство, когда на мой голове её пальцы выбивают дробь чардаша. Но мне кажется, это детство ушло. И я взрослая.

А ты «запал» на Марго как?

7 декабря. ♂

Здравствуй и процветай, дорогая Марго. Меня не покидает одна мысль. Маша как-то, рассказывая про себя, упомянула, что в ней есть гены Страдивари. И вот я в некотором недоумении. У тебя в роду Страдивари не было, у меня тоже. Наверное, ты, сочиняя ей легенду про её отца, приписала до кучи и гены именитого мастера? В общем-то, не осуждаю. Просто, если она что-то такое чувствует, то это, скорее, гены реального моего пращура. Помнишь, я тебе рассказывал про рукотворный буфет, который ты, кстати, видела, и который я давно продал (жалею теперь). Он был мастер. И тоже, наверное, хорошо разбирался в породах дерева, в лаках, красках и инструментах. Так что его мастерство близко мастерству Страдивари. Замечательная скрипка или замечательный буфет, или комод – это почти одно и то же.

В общем, это и всё. Я высказался.

Зачем-то.

По-прежнему, скучаю.

7 декабря. ♂

Хай, Маша. Амбицизное невежество – это когда набитый дурень думает о себе, как о выдающемся профессионале! Вот так, кажется, это толкуется.

У тебя замечательные журнальные способности. А талантлива ты потому, что замешана на любви. К маме, к дому, к друзьям, к себе даже, к творчеству своему, к людям. Ты ведь любишь людей? Я думаю, что я люблю. Причем, я не очень давно так думаю. Талантлива ты в мать. И, может быть, в отца. Марго говорила, что тебе не пришлось с ним познакомиться. Наверное, он тоже достаточно талантливый. Был.

Ну, и конечно, говорят, чем больше в человеке кровей намешано, тем он талантливей.

Но главное, конечно, любовь. Она – главный носитель таланта. Любого таланта. И труд. Без него – никуда. Твоя мамка – трудоголик. И потому достигла небесных высот в своей профессии.

Как ты без Юлиуса? В Париже до февраля! Это же вечность почти! Или ваши ниточки понемногу развязываются? Не вижу, чтобы ты особенно переживала.

С ночными страхами не борись. Их нет.

Вспомнил смешное. Мне было лет пять. И я боялся темноты. И мама с папой, борясь с моими страхами, из освещенного коридора бросили мне в темную комнату конфетку. Казалось бы, фигня – пробежать в тёмной комнате 8 – 10 метров, схватить с полу конфетку (вон она, виднеется на полу) и быстро-быстро прибежать назад, в светлый коридор и в ироничные объятия любящих родителей! Но как же я боялся сигануть в тёмную комнату! И еще я знал, как вкусна была та конфетка – шоколадная, с мягкой джемовой начинкой, в золотинке и в яркой, хрустящей обёртке! И вот я вбегал в темноту! Я видел конфетку, но в каждом углу чувствовал нечто очень неизвестное мне, непонятное, непредставимое моими маленькими мозгами, а значит – очень-очень страшное. Воображение моё просто взрывалось в этой жуткой темноте! Мерещились повсюду чьи-то чужие внимательные глаза и мягкие лапы! А окружающее молчание, тишина были еще страшней, и потому я орал! И бежал! И через 8 – 10 секунд стремглав вернулся обратно в светлый коридор в слезах и с рёвом, но и с конфеткой в раздавленной от ужаса маленькой ладошке. И мама с улыбкой целовала меня, уже смеющегося, и говорила: «Ну, видишь, ничего же не случилось!»

А твоя мама звезда, ты права. Да, она жёсткая, но не думаю, что она может быть жёсткой по отношению к тебе. И прости ей её пальчики, отбивающие ритм на твоей маленькой голове. Гении - они все одержимые. И детство твоё под педалью рояля прости ей. Знаю, что для тебя это не вопрос – простить её. Это я, наверное, и себе тоже говорю.

Не знаю я, как я запал на Марго. Не скажу тебе пока ничего. Сам не знаю. Для меня это произошло словно в тумане. Но, кажется, произошло.

Мы с ней будем в круизе и вернёмся, похоже, как раз под рождество. Но я не знаю, какой там концерт, сможет ли она играть? Как её руки? Ты в курсе? Она сможет снова работать с клавишами? Или она у нас титан!

Говорю с тобой, как со сверстником. Наверное, это неправильно.

8 декабря. Мария.

Так это с тобой она едет в круиз? Вот это вы жжоте! Это грубое слово? Или нормальное? Я услышала его в Эрмитаже. Кто-то перед картиной Леонардо да Винчи «Мадонна с младенцем» сказал: «Вот отжог!» Я поняла, что это здорово.

Только вы уезжаете, как я поняла, 31 декабря. То есть после Рождества. А значит, на Рождество ты приедешь к нам? Ко мне? Это лучшее, что ты мог придумать. За это тебе «зачот»! Как я изучаю русский язык?

Я пойду сейчас что-нибудь веселое сыграю. Или наоборот задумчивое. Как тебе «Весенний вальс» Шопена?

8 декабря. ♂

Маша, я сейчас созвонился с Маргаритой. Её агент работает по нашему круизу. Круиз перенесён. Должны были отправляться 16 декабря, а отправляемся 22-го. Рождество будем на палубе отмечать, где-нибудь у экватора! И ты там будешь! Марго хочет устроить тебя тапёром – типа практики, сказала, что ты об этом еще не знаешь, но я только рад буду тебя видеть опять и слышать! Шопена, кстати, очень люблю!

Позвони ей, между прочим. Только не говори, что знаешь о своей роли на лайнере, Марго это хочет сюрпризом для тебя сделать, так что не выдавай меня!

А я, получается, скомкал сюрприз для ребёнка! Негодник. Но это ты затеяла скрытую переписку, лукавая!

Обнимаю!

8 декабря, Мария.

Я обожаю негодников! Ты – супер! Ты – мой подарок! Только я заволновалась. Я справлюсь? Мне тогда в школе надо срочно «заболеть». Но меня и так отпустят – все равно я почти лучшая в классе.

Сколько событий! Марго, как всегда, звезда! Она мне сейчас звонила и ни слова об этом не сказала. Просто у нее все хорошо. Она готовится к концерту. Рождественскому. И что выставка планируется там какая-то. И ее картинки тоже будут выставляться. Ты знаешь, что она пишет маслом? Она нарисовала просто классную картинку – красный дом. Настроение там тревожное. Она все делает не по правилам – не так как нас учили в школе. Про дополнительные цвета она ничего не знает. Про всякие планы и объемы – тоже. Но у нее действительно здорово получается. И красный цвет! Боевой такой! В общем, даже и не знаю, что тебе писать!

Ты – умница! Прости! Ничего, если я тебе так пишу? Я тебя поцелую, когда ты приедешь! Это ты так все придумал? Или Марго?

Я сейчас не усну. А если покурить сигарету? Ты как к этому относишься? Это действительно нервы успокаивает? А еще у нас полный подвал всяких вин. Там портвайн стоит 1934 года. Маме какой-то миллионер подарил. Открыть что ли?

Ты мне напиши скорее. А то мои нервы сейчас как скрипичные струны. Если не напишешь – лопнут.

8 декабря. ♂

Маша! Маша! Какая сигарета! Какой еще портвайн!! Второй час ночи, а ты не в постели! Если страшно, почитай про какого-нибудь Вини-Пуха! Но не кури, солнце, не начинай даже!

Хотя, ладно. Разрешаю тебе выпить полстакана вина, разведенного водой! Кипяченой! Ну, можно со льдом! Пополам! Это тебя успокоит, и ты уснешь. Только не кури, обещай не курить! А если есть в доме кошки-собаки, заberi к себе в постель, обними и засыпай.

Круиз и твою практику, конечно же, Марго придумала, она затейница!

И ты. Ты тоже – мой подарок. Я даже знал это уже, но не ожидал, что ты до такой степени подарок! Сколько в тебе маминых талантов бродит! Про художества свои она не говорила. Вернее, говорила только как о планах – она хочет маслом рисовать музыку! Музыка, понимаешь? И мне кажется, у неё всё получится.

Пойду сейчас тоже раскопаю какой-нибудь алкоголь!

А тебе - спокойной ночи! Всё! Спать!

9 декабря. Мария.

Ну, вот. Мне надо звонить Марго. А как же я могу удержать-то в себе нашу тайну?

Вчера я пошла в подвал. Нашла какую-то бутылку. «Дом пириньон» называется. Бутылка красивая была, а содержимое мне не понравилось. Шипучее очень. Полбутылки пролила на пол. А себе налила полстакана – как ты сказал. Выпила. Поморщилась. Но мне было так весело! Ты знаешь, у Марго все будет хорошо. Я каждый день посылаю сигналы в космос, когда бегу в школу:

- Маргарита! Ты будешь здорова! Будь здорова! Ты мне нужна!

Я еще теперь к своим молитвам тебя добавила. Я кричу:

- Саша, который самый известный в мире писатель, который тебя любит, тоже хочет, чтобы ты была здорова!

Вот когда два человека кричат, это уже хор? Они же должны быть услышаны. Вот когда две твоих сладких девочки плачут – это дуэт? Или хор? Как они? Они – копия меня. Только живут не под педалью. Я хочу их увидеть. Они уже ползают? Ходят? Говорят что-то? Я не знаю, как это бывает у маленьких девочек.

Мама мне рассказывала, что она меня повсюду таскала – даже на лекции какие-то. Это у нее называется – сделать прививку к искусству. По мне так – от искусства. Но музыку я люблю. Только не знаю, смогу ли я ему так служить, как одна наша общая знакомая. А потом говорят, что таланты отдыхают в детях. Марго, правда, утверждает, что я ее перепрыгнула уже.

Как нам будет хорошо втроем! Я уже это знаю. Почему-то. Хотя я давно не помню, что это такое сидеть втроем за столом по-семейному. Последний раз это было с Колей.

Ты ведь знаешь его? Он умер. Жалко. Он был очень хороший. Но Марго его не любила. Уважала. Ценила. Но не любила. Я это сейчас поняла. Он был очень хороший пианист. Он меня многому научил – руки мне поставил. Всегда мне говорил, что музыкант – это не только руки и беглость пальцев. Книжки меня заставлял читать всякие и разные. Мы с ним говорили много. А потом у него произошел инфаркт. И Марго в этот день какая-то серая стала. Я плакала, хотя мало что понимала.

9 декабря. ♂

Привет, Машута. Ничего, что я тебя так называю?

Не уверен, что я знаю Колю, о котором ты упомянула, но всё равно жаль его.

Понимал ли он, что его не очень сильно любили? Это тяжело.

Я вчера только собрался тяпнуть виски, как девчонки мои зашевелились. Не стал звонить няне-соседке, ты её помнишь, пожалел, она уже спала, скорее всего. И вот полночи их колыбельничал. Пучило, наверно. Она им овощей тёртых наготовила, вот и прорвало девушек.

До виски я так и не добрался. В результате всё утро проспал. Только из душа, а тут твоё приятное письмецо про девушку, сигнализирующую в космос. Я тоже кричу космосу про здоровье Марго, только шёпотом. Чтобы в детской не образовался нестройный хор моих двойняшек. Они, действительно, очень похожи на тебя. Странно, что ты это заметила.

Звони Марго. Хочешь – открывайся, хочешь – лукавь.

Я даже боюсь, что открываться несколько поздно уже. Вдруг забеспокоится! У нее воображение художника – не обиделась бы на нас за попытку оставить её в стороне от наших хлопот. Не знаю.

А ты как спала? Крепко? Или всю ночь боялась темноты?

10 декабря. Мария.

Машута. Как интересно! Меня так Коля иногда называл. Еще Машуля. Вообще-то, ты знаешь, что имя «по паспорту» у меня Марлен? Марго обожала песенку Лили-Марлен и назвала меня так. Она ее и сейчас часто напевает – про одинокого солдата на посту. Но имя это как-то со мной не срослось. Марлен - она такая строгая, худая, и, если и скорбит, то как Дитрих в песенке «Не покидай меня!». А я какая Марлен? Я – Маша. Но, кстати, когда Марго на меня сердится вдруг (такое тоже бывает – не думай!), она так медленно и протяжно говорит:

- Мария-Марлен! Ты должна сходить в магазин!

Я тут понимаю – гроза собирается, и надо срочно исчезнуть из дома.

Когда мне исполнилось 18, мы вписали в паспорт второе имя. Поэтому официально я Мария-Марлен. Ты знаешь, что в Германии и мужчины тоже могут себе присоединить имя Мария? Райнер-Мария Рильке, например. Мы с Колей много его читали. Как-то я его часто вспоминаю в эти дни. Когда он умирал, Марго ночевала у него в больнице. И я тоже была почти всегда одна дома. Только ко мне на ночь приходила мамина подруга. Мне тогда тоже было страшно. А зверей у нас никаких нет. Я всегда хотела собаку. Большую. Сенбернара или ньюфаундленда. А Марго мне один раз и навсегда объяснила, что никаких животных у нас не будет, потому что животные – тоже живые. И их нельзя кидать одних, когда мы уезжаем на гастроли.

Я вот тоже живая, а она меня кинула сейчас.

Мама звонит сейчас.

Пока.

10 декабря. ♂

Привет, Маша. Или хай, как ты говоришь. Какое разное у тебя настроение бывает, по письмам сразу видно. Тебе совсем там грустно-одиноко? Я бы примчался к тебе – только чтобы тебе не было страшно по ночам, девочка. Думаю, у тебя нашёлся бы для меня какой-нибудь диванчик в прихожей? Только не могу пока никуда мчаться! Надо

срочно заканчивать нетленку – от этого, к сожалению, зависит дальнейшее благосостояние моей семьи. Неполной, как полстакана водки.

Обнимаю тебя, держись там!

10 декабря. ♂

Привет, Маргарита! Привет, красавица. Надеюсь, что ты хорошо думаешь обо всём на свете, включая меня. Надеюсь, и руки твои приходят в полный порядок. И ты еще тысячи раз встрепенешь и усладишь вялые уши бургеров своими длинными музыкальными пальчиками.

Позавчера слушал твой голос в телефонной трубке и волновался, как первоклассник. Скоро-скоро тебя увижу. Живу этим.

Всё, сажусь работать.

11 декабря. Мария.

ХАЙ! ХАЙ! ХАЙ! Три раза. Осталось 11 дней? Как мы сядем на корабль? Марго мне вчера сказала, что мы едем втроем:

- Маша, мы платим сами, а тебе даже заплатят!

Во как! Так что я сижу, готовлю трехрублевый репертуар. Так Марго говорит иногда, когда я ей «музычку разлюли» играть надо. Она мне рассказывала, что в моем возрасте вовсю подрабатывала тапёршей.

Я у нее спросила, почему «трехрублевый»? Она мне ответила, что в далекие-далекие времена, в далекой-далекой стране под названием СССР она играла тапёром в ночном клубе. В час ей платили три рубля (это такая валюта была), и в качестве чаевых тоже часто давали три рубля. А играла она всякую «Мурку-жмурку», романсы русские, «Калинку-малинку» и прочее. Я это тоже все знаю. Но мне на корабль надо сейчас срочно «Битлз» выучить, «Аббу», «Квин» - в общем все для клуба «50 +». Я тебе по секрету скажу: у нас это называется «УНУ – unter Hundert – меньше ста».

Менеджер по музыке на корабле сказал, что мне не надо приезжать на предварительный разговор и прослушивание: они полностью доверяют рекомендации Марго. И мне еще и платить будут! 100 евро за вечер! Круто? Вот скажи мне, что это не жжот!? (Мне так это слово нравится!) У меня будет каюта с какой-то девочкой (конечно, не как у вас, у вас там... сейчас вспомню... - с РАСПАЛЬЦОВОЧКОЙ! Это я тоже в Санкт-Петербурге услышала.

Да! Когда ты прилетаешь? Я ведь тебя встречать должна. (С удовольствием!) Имей в виду, что корабль отплывает из Венеции. Туда мы поедем поездом. Или на машине? Тогда только я за рулем. Но это недалеко – 500 км от нас. Мы там должны быть 21-го декабря. Погуляем по Венеции и на следующий день уплывем. Ту-ту! В общем, как скажешь.

Марго хочет на поезде. А мне на машине больше нравится. Я быстро не поеду. К тому же, ты ведь не был в Австрии? Она очень красивая. И Тироль – тоже. В общем, в голове моей сумбур – будто тысяча акул! Причем тут акулы? Не знаю. Пошла «битлз» учить. Пиши мне.

А еще Марго сказала купить мне для тебя смокинг. Там на корабле шики-мики-вышиваки. Надо быть прилично одетым! Но это мы с тобой вместе сделаем, да? А то без примерки как-то я не рискну. Хотя у меня глаз – алмаз.

Что-то я сегодня раймами разговариваю.

Пока.

11 декабря. ♂

Хай-перехай, Машенька! Как же мне нравится общение с тобой! И какая ты молодец, что сообразила писать мне! Ты мой самый лучший друг! Также не дождусь, когда мы все будем вместе! Да еще посреди тёплого океана! Да еще под твою музыку! Да в Рождество! (Одни восклицательные знаки, давно не использовал их так часто!)

И Аббу люблю, и Квин, и Битлов! Только меня смутила аудитория: 50 +. И вообще – меньше ста! Если я правильно понял, и это именно про возраст, то я, Маша, - меньше ста! Точно! А в душе, ну, чуть-чуть если только старше тебя. Только чуть-чуть. Правда, знаю, что всем зрелым мужчинам всегда около 14-ти, а всем зрелым женщинам всегда возле 16-ти. Не понимаю, почему это именно так, и где те эталоны, относительно которых всё это меряется, но я в это верю.

Думаю, твой трехрублёвый репертуар будет впору всем присутствующим на борту. Важно - с какой физиономией ты будешь дарить нам эти радости. Можно ведь отбарабанить по клавишам за чаевые и смотаться, а можно дарить каждую ноту – и ты именно такая. Думаю, плясать будут не столько под твою музыку, сколько под твою заЖИГательную улыбку (Отсюда, кстати, полюбившееся тебе выражение «жжёттт!!»).

Свои честно заработанные за вечер евры можешь спокойно упрятать в копилку! Плачу я! По крайней мере, на тебя меня хватит! Ну, и Марго нас в беде не оставит! Хотя у вас этот вопрос рассматривается совсем не по-русски, потому не буду даже продолжать. Клянусь – в любом случае обещаю тебе, что РАСПАЛЬЦОВКА будет доступна тебе на всех твоих четырёх замечательных лапах!

Про смокинг не парься. Эту рекомендацию Марго я посмею игнорировать. Ты помнишь, в каком виде ты разгуливала в Эрмитаже? Мне сильно понравилось! Поэтому я не буду влезать в смокинг. А почему бы не наплевать на протокол? Ну, ладно, в драные джинсы я не наряжусь, но попробую быть самим собой? Обещаю без эпатажа, то есть, никого не напугаю. Может же раз в жизни русский писатель побыть «самим сабим» в оторванном от континентов пространстве?! Европа простит.

Теперь конкретно. 22-го из Венеции. Там – 21-го. Значит, 20-го утром я буду у вас. У тебя. Могу и 19-го прилететь. Чтобы тебе не было страшно в ночь перед отъездом в Венецию. Где я, действительно, никогда не был.

Едем хоть машиной, хоть поездом. Мне всё равно, главное – с вами! На всякий случай, возьму с собой права. Они у меня международные – обновил на досуге, хотя не был уверен, что снова куплю машину. Так и не купил!

Только я пока не понял, будет ли Марго уже дома, или нам с тобой надо будет её откуда-то забрать? Проясни, ладно? Очень хочется, чтобы она ни о чём не беспокоилась сейчас.

Обнимаю тебя, милая, пиши!

12 декабря. Мария.

Хай! Марго назначила меня менеджером по залу! Это она любит – раздавать указания и все организовывать.

Значит, мы едем на машине – это я ее уговорила. Сказала, что буду везти ее как вазу Сваровского и самое дорогое, что у меня есть.

Прилетай 19-го. Тогда у нас план такой. Самолет из СПб прилетает около 10 утра. Я буду тебя встречать. Ты меня узнаешь, или мне взять в руки журнал «Gala»? И мы сразу на шопинг! Ты даже не пытайся сопротивляться. Бесплезно! Если Марго сказала «надо»... Как там у вас в ваши советские времена отвечали? Великий писатель ответил: «Есть!»

И к тому же ей вредно волноваться, а ты сам понимаешь, что шопинг – самое минимальное, что ее должно волновать. Она мне и кредитку свою дала. Так что это – ее подарок к Рождеству. Ты не парься (Твое слово! Только что выучила!) – все в порядке. После шопинга я поведу тебя обедать. Тут у тебя есть возможность выбора – или баварская еда с пивом, или гурме-ресторан с шампанским. Что захочешь.

Потом мы поедем домой, там - как получится, а 20-го рано утром мы поедем к Марго в ее деревню. Она уже будет готова и сядет к нам в машину. Я тебе немного покажу эту деревню, это вообще очень интересно – ну, час-два. А потом мы тронемся в путь. Нам останется где-то километров 450, деревня по дороге. Ехать будем не быстро. С остановками, где захочется. И к вечеру доберемся до Венеции.

Я у мамули спросила, какой она отель забронировала. Она сказала: «Как всегда!» «Как всегда» – это очень круто. Это на Большом канале палаццо XVI века. Там гобелены

на стенках, размером так 50x10 м, и зеркала - пожелтевшие и потускневшие, в очень красивых рамах.

Мы погуляем по Венеции – отель в самом центре, рядом с собором св. Моисея. Покатаемся на корабликах. Или на гондоле, если захочешь. Только холодно будет. У нас будет совместный ужин! Я так мечтаю об этом. Только Марго бы не подвела. Мне кажется, что она себя не очень хорошо чувствует. Но по телефону: «У меня все отлично! Хожу в тренажерный зал и делаю гимнастику!»

Вообще-то я на самом деле боюсь – вот если с ней что-то случится... А как я? Она сможет меня оставить одну? А что я буду делать одна? Ты знаешь – мне так пустынно вокруг.

Я отвлеклась. Дальше. Мы переночевываем. И на следующий день на такси едем на корабль. А дальше мое менеджство заканчивается, и я сдаю тебя Марго. И вы уже там сами разбирайтесь: как быть, как жить, как отдыхать. Я буду работать! Вот!

12 декабря. ♂

Привет, Маша! Честно говоря, «хай!» у меня поперек горла застрекает. Ну, это мои детские ассоциации – целыми днями играли во дворах в войнушку. Там у нас «хай» как-то по-вражески звучало.

Ты всё подробно объяснила. Отдаюсь тебе на поруки! Готов даже влезть и в смокинг! Марго мне звонила недавно и, собственно, рассказала почти всё, что ты написала, только коротко и категорично.

В общем, 19-го утром вылетаю из Питера. Если встретишь, буду несказанно рад! Журнала в руках держать не надо, достаточно улыбаться. Я постараюсь, чтобы ты тоже узнала меня без паролей, хоть и почищу накануне перья, конечно. Усиленно пытаюсь стройнеть!

Всё. Пойду с девочками погуляю в парке, а потом надо поработать. Пока!

12 декабря. ♂

Здравствуй, милая Марго! Вот опять слушал твой телефонный голос и опять волновался. Наверное, я всё же тебя боюсь.

По-прежнему скучаю по тебе.

13 декабря. Мария.

Ладно, не буду «хай». Привет! Так лучше? Или хочешь по-баварски? Сервус! Это, между прочим, на латыни означает – я твой раб! И может переводиться как «приветствую господина». Так у нас в Баварии в деревне друг друга приветствуют. Или «грюсс готт». Это еще круче – «приветствую бога». Так ты кто? Господин? Бог?

Правда, господа и боги на поруки не отдаются. Но, как говорит Марго, чего не бывает в наше время высоких технологий!

Я тоже пойду заниматься. Между прочим, я еще в школу хожу. Как вам с Марго это не кажется странным. Я тебе только последнюю новость убийственную расскажу – Марго уже в обмороке валяется – и все.

Меня сегодня вызвал к себе директор гимназии в кабинет. Я тебе еще ведь про школу ничего не рассказывала? Короче, я в школе учусь. В гимназии. Он меня вызвал и сказал:

- Марлен-Мария! Нам пришло письмо из Баварской канцелярии, в котором сообщается следующее... Я тебе только одну фразу оттуда процитирую: «В рамках поддержки генофонда (или как-то так!) федеральной земли Баварии, баварское правительство выделило специальную стипендию на все годы обучения Марии-Марлен (дальше – все мои звания!) в любом университете Европы, включая также университеты Нью-Йорка и Брауна в США.

Как тебе? Жжот?

То-то же.

Между прочим, может второе имя у меня Кюри? Хи-хи. Работай, работай.

13 декабря. ♂

Маша, ты меня напугала! «Марго уже валяется в обмороке»!! Я чуть не поседел, как так можно?! О маме! Которая на грани жизни и смерти! Пять раз перечитал, пока не понял, что это ты о своих замечательных успехах. Может, я просто тупой?

Извини. Поздравляю тебя, конечно же, с твоими грандиозными возможностями! Жжешь, школьница Мария! Генофонд Баварии!

Не Бог я, не господин. Скорее, раб! Раб своего невозможного восхищения вами. Обеими. Правду ли она говорит тебе о своём самочувствии – вот что меня тревожит.

14 декабря. Мария.

Ты – звезда, и я – звезда.

Ты и я: мы – звезды.

Только светим не всегда,

Нам светить не просто.

Это про вас с Марго. Иногда на меня находит, я стишками разговаривать начинаю.

Марго только смотрит на меня с удивлением, что-то про себя думает.

Жила-была Маша,

Сварили ей кашу.

А хочется Маше

Борща, а не каши.

Это я ей часто такое выдаю. Почти каждый день. Что ты думаешь? Марго начинает борщ готовить. Она вообще классно готовит. Ты знаешь, что она вела серию передач по телику? Называлась «Готовим с проминентен?» Почти год, между прочим. Только после этих ее передач я говорила:

Все равно упряма Маша!

Подавай борща, не кашу!

Марго, вообще, очень интересная у меня. Иногда мне кажется, что я ее знаю лучше себя. А иногда думаю, что вообще не знаю, что есть у нее какая-то тайна.

Я сегодня получила первое письмо от Юлиуса. Скажи, это нормально? Уехать и только через неделю что-то написать? Я понимаю, что он там занят. А все девки висят на нем, как груши на пальме. И он там свой хвост распушает! Но напиши просто: «Я доехал. У меня все в порядке». Смс-ку пошли!

Вообще, ты прав. После Санкт-Петербурга он как-то отдалился. Что там случилось? Вы случайно не разговаривали? Хотя как вы могли говорить? На каком языке?

Ты прости мой сумбур. Я тут одновременно тысячу дел делаю. Мне же, между прочим, тоже надо чемодан собрать, работу по абитуре написать, задания Марго выполнить.

В общем, если я не напишу в эти дни, ты знай: в 9.30 я стою в аэропорту Франц-Иосиф Штраус и жду тебя. Если меня там нет, значит, случилось что-то серьезное.

14 декабря. Мария.

И еще ты знай. ЭТО ОЧЕНЬ ЗДОРОВО, что мы познакомились. Что у меня есть человек, которому я пишу письма, а он на них отвечает. Я тебе благодарна!

Мария-Марлен.

15 декабря. ♂

Какая же ты еще маленькая, Маша. Юлиус, наверное, этого не понимает.

Мы с ним, конечно же, не могли говорить, да и наедине-то не были почти, только в бане вот, где всё больше жестами. Вообще, мне показалось, что он тебя любит. Но также показалось, что он сильно-сильно любит еще и себя. Наверное, это нормально. Просто

мне было за тебя чуть тревожно. Всё время пока вы были рядом. Ты, однако, сама всё решаешь. Никогда и никто не заставит меня сказать тебе, что таких Юлиусов в твоей жизни будет еще миллион.

Чемоданов я не собираю, мне собраться – только подпоясаться. Единственное, что беспокоит – как я там буду почти две недели без моих девочек. Ну, и состояние Маргариты, конечно, опасение вызывает. Сдаётся мне, что она прикидывается выздоравливающей. Правда, если прикидывается, то правильно делает – это один из мощных способов выздоровления. Но знать бы, насколько серьёзна её болячка. Не от неё, от врачей бы узнать.

Через 4 дня тебя увижу. Это здорово!

16 декабря. Мария. ♂

Саша, привет! Как протекает твоя молодая жизнь? Ты готовишься?

У меня чемодан собран, репертуар выучен, кучу и кучку всяких нот я взяла в библиотеке. С соседкой договорилась, цветочки она будет поливать: у нас же оранжерея дома настоящая - с зимним садом. В общем, я готова тебя встречать, сопровождать, возить.

Я сегодня два часа, наверно, разговаривала с Марго. Она как-то хвост повесила: была грустная очень. Когда она не грустная, она – адмирал на шлюпке: «Пойди туда, не знаю куда, сделай то, не знаю – что!» В общем, на раздаче указаний. А когда она каждые пять минут спрашивает: «Маша, как ты там? У тебя хоть поесть-то что-нибудь есть? Ты пойди погуляй немного...», то мне как-то не по себе становится. Я волнуюсь. В общем, задача Саши и Маши реанимировать Марго. Может, я чего не понимаю?

Позвонил Юлиус. Я ему тоже звонила. Он там весь в съемках: некогда продохнуть. И тоже грустный. Ему меня не хватает! По-немецки это немножко смешно звучит: «Du fehlst mir» (ты мне отсутствуешь). Он знает про нас. И он не удивился, что ты едешь с нами. Он сказал эту фразу, которую ты перевел как «Он запал на Марго». Привет тебе от него. И он... хочет... еще... раз ... в... русскую... баню.

Вот такие чудеса – я взлетаю к небесам!

Все. Поскакала по делам – куча дел – и тут, и там.

Целую, обнимаю, жду!

Твоя Машка.

18 декабря. ♂

Привет, Машенька! Извини, два дня бегал, как угорелый, по своим делам и делишкам в издательстве, некогда было припасть к компу, зато смогу привезти вам свою новую повесть, книга еще пахнет типографией! Завтра! Уже завтра я буду рядом с тобой!

Я тут ходил к старому знакомому деду. Он мичманом служил, а потом обнаружил в себе способности целителя и теперь лечит людей. Очень мощный экстрасенс. Я сказал ему про Марго, он велел принести её фотографию, я распечатал с инета снимок Маргариты и сегодня принёс ему. Он долго глядел, накрыл ладонью, глаза закрыл. Потом помотал головой и сказал одно слово – «поздно». В общем, расстроился я ужасно. Только ты Марго не говори про мои эти фокусы, она, кажется, всё это не любит. Теперь, думаю, надежда только на неё саму. Ну, и на нас с тобой. Вытащим, даст Бог!

Побегу к девчонкам - пицчат. Да завтрашнего утра в аэропорту Франц-Иосиф Штраус! Обнимаю тебя!

7 января. ♂

Марго, я не знаю, что сказать. Я чувствую свою вину, но и не чувствую - одновременно. Мне просто досадно. Нет слов, чтобы выразить мою горечь. Было бы несправедливо опять упрекать тебя в том, что ты так долго держала в тайне от Маши мою роль в её появлении на свет. Но она влюбилась. Она просто влюбилась в меня, и я

её понимаю. Девчонки часто влюбляются в зрелых мужиков. Если бы она сразу знала про меня, всё было бы совсем по-другому. А теперь в результате мы с тобой подлецы. Предатели. Как будут складываться мои отношения с Машей? А? Вот и я не знаю.

Я не знаю, что более всего вызвало твой гнев. Ты устроила скандал прямо на прогулочной палубе, несмотря на обилие народа. Хорошо еще, что вряд ли кто-то из них понимал по-русски, но думаю, что все поняли то, что хотели, что подсказало им их воображение.

Мне сейчас безумно жалко Машу. До сих пор передо мной её глаза, полные боли и тихий вопрос «Отец?» А тебе было всё равно. Ты как с цепи сорвалась, Марго. Чего больше было в твоём гнев? Протеста против моего вероломства, которого не было? Не было! Или это ревность? К ней? Ко мне.

Ты порвала со мной все связи?

Мне было хорошо с вами. И я очень надеюсь, что у Маши всё благополучно переболит, и её влюблённость как-нибудь трансформируется в то чувство ко мне, в котором я очень нуждаюсь.

А тебя я уже никогда не перевоспитаю. Хочу, чтоб ты была здорова. Может, это твой недуг взорвал тебя изнутри?

Ты после всего вряд ли захочешь контактировать со мной, но я этого жду. Знай об этом.

7 января. ♂

Машенька!

Я понимаю, что ты в шоке. Наверняка, ты уже объяснилась с Марго, но я должен тебе рассказать о том, как всё это понимаю. Можешь не отвечать мне сразу, подумай, но я очень надеюсь, что то, что случилось, не развернется между нами непреодолимой пропастью. То, что случилось, затмило, перечеркнуло всё! И всё наше прекрасное двухнедельное плавание. Как же мне было хорошо с вами.

Конечно, я не ожидал этого твоего внезапного поцелуя на палубе. Взрослого поцелуя. Я не мог тебя оттолкнуть, но и продолжать это чудное действие не мог. Марго, можно сказать, спасла нас обоих своим криком «Он твой отец!!!»

И теперь к предыстории.

Ты уже всё, наверное, знаешь. Да, давно-давно мы с Марго вместе были всего одну ночь, почти не познакомившись. Это очень было давно, в Ленинграде. Ночью Марго убежала из моей квартиры, и утром я не помнил ни имени её, ни как она выглядит. Потому что не встречал её ни до, ни после (за исключением поздравления её с победой в каком-то далёком конкурсе, когда я не понимал, что передо мной мать моей маленькой дочери). Вот и вся история. Которую она решила сохранить от тебя втайне. И придумала тебе другого папу.

Когда она впервые написала мне, я был полон скепсиса. Просто потому, что не поверил ни единому её слову. Она теперь, возможно, жалеет о том, что сумела мне доказать – ты моя дочь. И еще я в неё влюбился. Постепенно влюбился, чего со мной не бывало ни разу. Если я влюблялся, то сразу – внезапно! Во многом я, наверное, придумал её, читая её растрёпанные чувства-письма, и всё же она – удивительная, удивительная женщина.

Ты меня прости. Попробуй простить. И ту давнюю ночную встречу с Марго (правда, без этой встречи тебя не было бы на свете). И отсутствие меня в твоей жизни прости. А ведь я, наверное, очень нужен был и тебе, и Марго. Но я ведь не знал! Я не знал!!

Прости мне и мою тупость. Я не заметил, не успел заметить, что ты пылаешь ко мне другим чувством – тем чувством, которое не должно было возникнуть у дочери к отцу. Но ведь и ты ничего не знала! А я олух! Я не ожидал, я проглядел, что внимание ко мне красивой и талантливой доченьки - это то самое чувство! Я глядел на тебя с отцовской гордостью, а ты видела в моём взгляде мужское обожание! Какой я олух, доченька!

Представляю, как много открылось тебе в твоей жизни. Сколько переосмысливать! Но ты молода, сильна, умна, ты справишься, Машенька. Когда это случится – дай мне знать. Я не тороплю тебя. И по-прежнему люблю. Моя жизнь изменилась с обретением тебя.

Спасибо Марго. Это она вдохнула в меня нечто, позволяющее мне жить дальше. У меня есть вы, есть мои крохи и есть смысл и желание жить.

P.S. Мне показалось, что наш семейный кризис на «Аиде» благотворно сказался на Маргарите. Те два последних дня, которые мне пришлось прожить в отдельной от вас каюте, я, конечно, наблюдал вас. Издалека. Ты была потеряна и постоянно заплаканная, а вот Марго, мне кажется, выглядела очень неплохо. Дай-то Бог.

10 января. ♀

Нам давно пора успокоиться,
Примириться, приняв как верное,
Что замкнулись дороги кольцами,
И мы кружим по ним не первые.

Я не знала, что мой круг завершится таким образом. Я знала (чисто теоретически), что всё конечно, но когда я первый раз увидела стенку перед глазами, и что до этой стенки можно дотянуться рукой, мне стало страшно. Не за себя (хотя мне очень страшно). За Машу. Я не могла оставить ее одну. Я знала про свой диагноз - авария лишь ускорила развитие событий. И потому стала писать тебе. В надежде, что пробьюсь через заслоны. И я пробилась. Но судьба снова распорядилась таким чудовищным образом. Моя дочь влюбилась в отца.

Я ухожу. И уйду в ближайшее время.
Спасибо, что ты мне встретился.
Спасибо за нелюбовь и страсть.
Мое завещание остается в силе.

10 января. ♀

Я пишу тебе, пишу и пишу.

Пишу из моей белоснежной комнаты, в которой еще стоит елка, наряженная к Рождеству. У нее – горько-сладкий аромат и бело-серебристые игрушки. Белый – цвет моего траура. И я представляю себе все мои путешествия по миру: вот Нотр Дам и нищенка, которой я бросаю монету. А вот рикша, который с трудом тянет повозку. И пюпитры, освещающие сцену. Я пишу тебе об отлете, о моем забытом чемодане. И уже никто никогда не спросит, где его хозяин.

Я пишу тебе с горы в Альпах, где в полутемном – полуосвещенном шале я играю Шопена. Может быть, сейчас там идет снег, и крупные хлопья его тихо падают. Машины не могут проехать, и все застыло в смертельном покое.

А в пустыне сейчас дует ветер. Я пишу тебе о том, что самая сильная стихия в мире – это ветер. Могучий, сносящий все на своем пути: Венецию, город влюбленных, где нам не удалось полюбить друг друга. Только старые колокола на главной башне напоминают, что в городе морских разбойников обычно бывает по-другому. Я пишу тебе с четырех сторон света. Из кафе, где остывает мой кофе, а его дымок растворяется в душном спертном воздухе. И о девочке с черными глазами, сопровождающей меня повсюду.

Я пишу тебе о своих воспоминаниях, которые у меня никто не может отобрать. О грусти, которую никто не может забрать, о тоске, которую не заглушить водкой или наркотиками. Я пишу о мечте любить тебя. Я пишу.

10 января. ♀

Я расплакалась. Мне стало жалко себя. В общем, как-то не успела я сделать всего, что хотела, что распланировала.

Но я обещаю не умереть, пока мы не сделаем следующее. Ты должен иметь официальное право находиться в Германии. Здесь жить. С Машей. Это возможно только через официальную процедуру брака.

Я становлюсь сейчас на колени и делаю тебе официальное предложение. Руки. Сердце ты уже давно забрал. Ты – вдовец, я – тоже вдова. Мы – свободные люди. Если ты скажешь «да», мы встречаемся через несколько дней в Дании. Только там возможно оформление отношений в течение нескольких дней. Документы, выдаваемые там, признаются в Германии, и ты сразу получишь все законные права. Вот не отобрали бы их у тебя, если я помру.

10 января. ♂

Здравствуй, Марго.

Ты меня всегда ошеломляла. Наверное, одна из твоих ролей на земле – свести меня с ума – либо от счастья, либо от несчастья.

Я хочу быть с тобой – на любых правах. Но вовсе не потому, что хочу жить в Германии. Я хочу быть с тобой. Не знаю, захочет ли быть рядом наша Машенька.

И еще быть рядом с тобой я хочу, потому что надеюсь выгнать из твоего сознания чувство неотвратимости конца. Чудеса на свете случаются, теперь я это знаю. И я хочу любить тебя долго-долго.

Я буду в Дании, когда ты скажешь. И я стану твоим трепетным мужем, если ты вдруг не передумаешь в ближайшие минуты, часы, дни. Надеюсь, Лола на небесах простит мне этот шаг. Она ведь хочет благополучия для своих крошек, я в этом уверен. Ты прости, я не могу об этом не думать. Мне сейчас надо многое понять. И даже то, что девочки мои перестанут принадлежать стране, в которой родились. Тебе ведь придётся принять меня со всем моим коробом – с маленькими крикливыми дамами, с приветливой, почёсывающейся собакой. И еще меня – такого. Попугаев и черепах я, так и быть, к тебе не повезу.

И еще. Милая, попробуй объяснить Маше то, что ей, наверное, надо сейчас объяснять. Попробуй ответить на её вопросы так, чтоб между мной и ею не выросла стена до небес. Мы с тобой виновны перед нею. Еще перед этим внезапным поцелуем мы с Машей болтали в ресторане на корме, и она весело воображала себе, что бросает Юлиуса, выходит за муж за меня, переезжает в Питер и вместе со мной воспитывает моих девчонок. И в ролях изображала, как впервые поведёт их, маленьких, в зоопарк. Мы хохотали, и я ни на секунду не насторожился, осёл! Я ведь уже знал, что Юлиус у Маши далеко позади. И ждал, что вот-вот, уже во время этого круиза, мы с тобой объявим Маше обо всём, и ты познакомишь её со мной уже в качестве папы. Опоздали.

Не плачь. Будь талантлива и в победе над своими болями. Я жду твоих окончательных инструкций. Целую тебя.

11 января. ♀

Я купила тебе билет СПб – Копенгаген на 14 января. Я буду там 13 января. Я тебе еще позвоню. Мы приедем с Машей, снимем машину, встретим тебя в аэропорту и поедем в Хумлебек, это небольшой городок, там куча музеев. Все наши проблемы там решатся легко и просто.

Не волнуйся, как себя вести с Машей. У нас все эти дни были длинные и серьезные разговоры с ней. После нашего «бракосочения» (я не хочу, чтобы ты был моим мужем в «нормальном» смысле этого слова), мы все вместе прилетим в Мюнхен. Здесь надо будет решить официальные вопросы права на пребывание, а потом Маша проводит тебя в Питер – знакомиться с ее бабушкой и дедушкой. Во время наших разговоров (обещала больше с тобой не целоваться, в общем, я рада, что все так получилось) она иногда поднимала глаза (а так сидела, уставившись в пол) и говорила: «Какая же ты у меня мама все-таки сильная!» Плохо ей, моей девочке, раз она называет меня мамой.

Ты не обижайся, не сердись, не лезь на пальму! Я – дикая собака Динго. Я – кошка, гуляющая сама по себе. В моей жизни мне важен только один человек – моя дочь. Всё остальное – не то, чтобы все-равно, но, скажем так, важно по мере необходимости. Мой приятель Миша Генин, юморист с 16-й полосы «Литературной газеты», помнится,

говорил: «Будьте здоровы, вы можете мне понадобиться». Так вот ты будь здоров, потому что ты точно мне понадобишься для Маши. А я уже никому скоро не понадоблюсь. Если после этого письма ты не передумаешь, я буду тебе очень благодарна.

11 января. Мария-Марлен.

Саша, здравствуй. У нас ночь. Тихо.

Спасибо, что ты мне написал. Хотя мама дала мне почитать вашу переписку. Я несколько дней была в шоке. И даже хотела уйти из дома. А потом я все себе представила. И мне стало жалко всех – мамулю, себя, тебя. Почему вы взрослые такие глупые? И я теперь виню себя за то, что мама не любила Колю. И вообще я поняла, что моя единственная мама – очень несчастный и одинокий человек. И мне ясно, почему ты мне так понравился. Только я тебя никогда не буду называть отцом или, еще хуже, папой. Ты был, есть и останешься Сашей.

И еще мне надо привыкнуть к тому, что я еще чья-то дочь, кроме Марго.

12 января. ♂

Здравствуй, Маша.

Ты права. Взрослые всегда глупые. Зрелый человек, оглянувшись назад, всегда критически оценивает свой жизненный путь. Просто он умнеет, пока живёт, всю жизнь. Бесполезно винить себя. Мы ведь стремимся познать всё на собственном опыте, презираем советчиков и мировой опыт. Так устроены.

Твоя мама счастливый человек, потому что у неё есть ты и её талант. Этого уже довольно много. И я счастливый человек, богатый приблизительно тем же, чем и Марго. И ты счастливый человек, потому что у тебя нет глупого прошлого, а есть только будущее, которое не может не казаться тебе блистательным. Мы так устроены.

Ты уже, наверное, знаешь, что мы, по воле Марго, объединяемся в нечто, называемое семьёй. Я пока плохо представляю себе, что у нас впереди. За нас думает Марго, и я доверяю ей. Для нас троих это новый этап в жизни, только и всего. Правда, я никогда не думал, что такое возможно, что это когда-нибудь произойдёт.

Мне не сложно было бы слышать от тебя «папа», но это совсем и не важно. Важно другое, не буду объяснять, ты всё понимаешь. Думаю, мы быстро свыкнемся с тем, что родственники. Нам ведь было хорошо, нам уже было вместе хорошо. И тебе с твоими маленькими сестренками было просто замечательно, на мой взгляд. Ты ведь их уже полюбила. Может, почувствовала родство? Каким-нибудь седьмым чувством, которое свойственно только вам, девушкам.

Я скучаю по тебе. И по Маргарите. В её письмах неумолимо прослеживаются мысли очень и очень пессимистические. И я уже не знаю, на что уповать. Понимаю только одно – надо быть рядом с ней. И она, наверное, понимает это, и хочет этого. Главная же её забота – ты.

Уже завтра вы будете в Дании. Я прилечу послезавтра, потом все вместе поедем в Хумлебек, я помню этот городок. Никогда не думал, что вернусь туда для таких удивительных дел.

Встретимся скоро, очень скоро, обнимаю тебя!

12 января. ♂

Привет, милая Марго.

Мне понятен твой настрой. Я узнаю твой животворящий, получается, рационализм. Я верю, что надо делать так, как ты замыслила, и ни в коей мере не обиделся и не меняю своих прежних соображений о том, что происходит.

Конечно, слегка надеюсь, что близость наша и время наше что-то изменит в наших отношениях, настроениях. Ты успокоишься, ты выздоровеешь, из тебя уйдут категоричность, металл, каприз – вместе с болью уйдут. И еще ты забываешь о том, что есть чувство, давно оставленное тобой, как нечто не очень нужное или не очень

своевременное. Это не ответственность, не забота, это любовь. Она топит лёд, крушит стены (прости за банальность). Мне кажется, я смогу донести до тебя этот огонёк. Он горит, поверь. И ты будешь гореть. Мы вместе. Ты сказала уже эту фразу «я мечтаю тебя любить».

Хотя, чего ты только ни говорила с момента нашего повторного знакомства – волосы шевелились на голове! Но я почему-то верю этой твоей мечте. Мне мечтать не надо, я уже люблю.

Твоя фотография на моём столе. Ты продумала, какую именно фотографию предложить мне на память, коварная! Я просто проваливаюсь в этот серьёзный, глубокий взгляд. Я могу по несколько минут неотрывно смотреть на линию твоих прекрасных губ – в надежде отыскать в них хоть малую подсказку - что выражают глаза? О, они многозначны, твои глаза! Я смотрю в них каждый день по многу раз и всякий раз с разным настроением, и лицо твоё на этом снимке всегда разное. Всегда разное. Иногда я ставлю музыку в твоём исполнении и опять смотрю в твоё лицо. И оно опять другое. Ты космос, Марго. И как бы ни были прозаичны предстоящие нам в Дании хлопоты, я волнуюсь при мысли, что приобщаюсь к этому твоему космосу.

Люблю тебя.

20 января. ♀

Вы уехали, вы в Питере - стало пусто. Всё понимаю. Сама деловая. Но почему-то сразу после оформления замужества захотелось счастья – сразу и на всю катушку.

Береги Машку. Я доверяю тебе, слышишь?

Мой муж! Мой супруг! Слова, к которым мне надо привыкать.

Ты писал про «успокоиться». Мне и действительно стало спокойно. Вот теперь все жизненно важные дела я точно сделала. Я все кручу и кручу пленку: Копенгаген, Хумлебек, Маша, ты, Мюнхен, чиновники. Мы все проделали в любимом моем темпе – presto и еще быстрее, с качеством, которое я обожаю – виртуозно. И я даже совершенно не чувствовала себя больной. Я, конечно, много раз была в Копенгагене и люблю этот город, но меня больше всего потряс маленький Хумлебек с его музеем. Помнишь, как мы открыли рты возле Базелитца? И картину, которую Маша прокомментировала строчками из Ходасевича «Счастлив, кто падает вниз головой, мир для него хоть на миг да иной». Перевернутые тела, перевернутые миры. И мы – счастливые.

Правда. Как-то забылось всё, что было «до» - наша трудная встреча, наше еще более трудное прощание, какая-то мерзкая икота внутри: «а что дальше». Мир стал иной. И у нас, как мне кажется, даже возникло это ощущение семьи. Настоящее, теплое, сердечное. Может, я выдаю желаемое за действительное. А может, так оно и есть. Вспомни себя два года назад. И ты – сегодня. Это два разных человека. Это две разных планеты.

Мне было тепло. Может, это то, что я искала всю жизнь?

Пиши мне, как там Маша? Мы хоть и говорим с ней постоянно, я хочу узнать твое мнение. Как они встретились с бабушкой? Дедушкой? Родители говорят, что она – чудесная. А что они могут еще говорить. А у меня горечь на сердце: почему так все вышло в этой жизни. Кстати, про меня и мою ситуацию они ничего не знают – ни к чему им это.

Ты напиши мне подробнее про всех. Хочешь, я познакомлю тебя с ними? Может, мы так и станем, действительно, семьей?

21 января. ♂

Здравствуй, милая Марго. Здравствуй, жена. Жена!!

Мы очень скучаем по тебе. Машеньку отправлю в Мюнхен, как только она всё тут обглядит, прочувствует, а сам приеду, как только завершу все дела. Сразу же. Уже с девочками приеду. Мне немножко страшно за них. Машка-то их обожает, расцеловывает ежеминутно, а ты как-то вообще их игнорируешь. Вспомни, ты ведь никогда о них не спрашивала. И когда Маша при мне восторженно тебе о них рассказывала, ты её

перебила и попросила принести из каюты солнечные очки. Мне это было странно, но я полон надежд. Верю, что, когда ты их увидишь, твоё сердце дрогнет. Они очень, очень славные.

Живём мы у меня хорошо, пространства хватает. Машка – юла. То поёт, то танцует, то веселится с девчонками. Вчера на ночь тихонько пела им колыбельную – не немецком. Ты её научила? Я ни фиги не понял, но столько любви было в её глазах!

То присядет ненадолго к инету и снова прыгает-бегаёт. Маленькая у нас девочка! Хоть и 20. Гуляли тут с ней, пока не промёрзли. Согрелись в баре. Сейчас она в душе.

К бабушке-дедушке я её отвёл, просто проводил, без меня бы она заблудилась. А потом её встретил. Не стал я пока знакомиться с ними. Не знаю, почему. Подождём. Не готов. А Маша, похоже, впитала твоих стариков. Когда возвращались в такси – молчала, потом за ужином начала говорить. Не сразу. Для неё это открытие тебя. Прежде всего - тебя. Искала и находила в них твои черты – лица, характера, голоса. Была в комнате, в которой ты росла. Это её впечатлило. Призналась, что там, у них, она играла роль жизнерадостной дурочки – ей так было легче. Она стеснялась, боялась каких-нибудь серьёзных разговоров, вопросов, которые, конечно же, вертели у них на языках. Наверное, это правильная тактика. Ещё успеют узнать её серьёзной, а сейчас – внучка! Просто внучка! Улыбчивая, красивая, любимая, не стыдно предъявить соседям и друзьям! Они будут гордиться ею. Им долго-долго не хватало этого. Маша почувствовала, что они сразу её полюбили. Без вариантов. Она тут же ответила им тем же. Просто ей было очень трудно – для неё это не просто новые люди, не просто вдруг открывшиеся родственники, но и пожилые, уставшие представители другой страны, с совершенно иным менталитетом. Ты это должна понимать.

Маша умничка. Ты знаешь, то, что произошло в кризисе, просто растворилось. Как будто этого вообще не было. Не было никакой влюблённости. Я этому страшно рад. Она называет меня Сашей – меня и это радует. В общем, всё у нас замечательно.

Да, мы с тобой изменились. Если бы ты не написала мне, ничего бы не было. И мне даже страшно при мысли об этом. Почему всё так вышло – не знаю. Всё, говорят, написано на небесах. Сегодня мы семья, ты даже не сомневайся в этом. И совсем скоро будем вместе. Впятером!

Машка выскочила из душа, спросила, не тебе ли я пишу, и велела передать чмоки и то, что послезавтра она уже летит к тебе. По инету заказала билет на 23-е. Утром. А меня не предупредила даже! Самостоятельная дама.

Марго. Хочу без соплей и мокрых глаз спросить тебя, как ты себя чувствуешь? Ты каждый раз уклончиво говоришь о самой болячке, всё больше о завещании и скорой гробовой доске. Не надо так. Это установка. Уверяю тебя, ты покинешь белый свет в возрасте 94 лет! И не от болячек! Тебя треснет током. Шесть тысяч вольт. Где-нибудь в Альпах, в горах, на канатной дороге оборвётся электропровод. Запомнила? Всё! Целую тебя нежно-пренежно. Пиши мне каждый день!

22 января. ♀

Мне с тобой прощаться? Как–то странно это. Вот не успели встретиться, познакомиться. Мне очень хочется, чтобы через 50 лет над моей головой оборвался провод. Но ты слышал про таких ужасных девиц мойр? Они давно уже плетут нить моей судьбы. Они успевают заплетать судьбы многих, а потом приходит кто-то с ножницами и перерезает, казалось бы, крепкую ниточку. Я когда-то в одной итальянской церкви рассматривала одну скульптурную композицию с этими девушками-труженицами долго-долго и думала, что в этом что-то есть – снимается ответственность. Как будто не ты виноват, а кто-то. Мне в эти дни думается о том, что вот Елена (сестричка Машина) сама перерезала эту нить. А может, не сама? И я читаю сейчас (ты будешь смеяться!) «Историю ядов». Очень интересная история. Мне больше всего нравится в ней, как умер Сократ. Ему дали цикуту. Это такой медленно действующий яд, при котором организм тихо охлаждается и застывает: сначала ноги, потом яд поднимается все выше и тихо доходит до сердца. Мне вдруг захотелось какого-то такого ухода. Не больно – и ничего не чувствуешь. Руки еще работают, голова почти ясная. Я могла бы в это время писать тебе

письмо, а потом слово бы прервалось в каком-то месте, а письмо осталось бы неотправленным. Просто чудесно! Вот интересно, какие бы слова я тебе писала? И какое слово осталось бы неоконченным?

Ты хочешь без соплей и мокрых глаз? Пожалуйста!

Очень серьезно и совершенно без всяких соплей. Я тебе расскажу мой бизнес-план, и как я его осуществила. После этого ты можешь расторгнуть наш брак, уйти в монастырь, забыть Машу.

Три года назад при рутинном осмотре у врача (мне нужно было лететь на гастроли в тропические страны), на рентгеновском снимке он увидел пятно. И оно ему очень не понравилось. Он строго-настрого предупредил меня, что по возвращении с гастролей я обязательно бы к нему пришла. Мне было некогда ходить к врачам. Я пришла через полгода. И тогда был сделан полный анализ. Результат был очень плохой. Врач качал головой и только говорил: «Вы же такая молодая!» Он поставил диагноз «что-то какой-то 3 степени» и посоветовал облучение, потому что операция была бессмысленна. Я отказалась. И начала думать о Маше. Я о ней всегда думаю, но тогда особенно много. И вопрос, который бился в моей голове, звучал так: «С кем останется моя девочка?» И я решила написать тебе. Если уж и есть в этом мире человек, кому она может понадобиться – это ты. Знаешь, по принципу «Чем черт не шутит?» Черт шутил много. Я легко переварила твои первые яростные письма. Когда стоит конкретная задача, как я говорю, шапка с меня не упадет, даже если надо наклониться низко-низко. Я смогла зацепить тебя в нашей переписке. Ты стал отвечать. В твоих письмах был интерес. Моя проблема была в том, что мое время уходило, утекало, мне надо было форсировать события.

Аварию я специально не устраивала. К этому времени я просто была слишком слаба физически. Я принимаю все эти годы жуткие медикаменты, мне плохо. Меня постоянно тошнит, мутит, я плохо сплю, я чувствую себя выдохшимся погаснувшим человеком. И только чувство ответственности держит меня на плаву - то, что я выполнила еще не все задания.

Я - не истеричка, не дура, но мне надо было срочно сообщить Маше, кто ее отец. Все по причине того, что нет у меня времени. Нет! И я устроила этот показательный концерт на корабле.

Вот теперь, когда мой план осуществлен, я могу спокойно - без соплей и мокрых глаз, сказать вам: «Спасибо, мои родные! До встречи. Мы обязательно встретимся. Вы тут без меня много не шалите. А я буду за вами присматривать. Обязательно».

Я подписала завещание у нотариуса. Оно существует в двух вариантах. Один вариант – у нотариуса в сейфе. Другой – дома в сейфе у меня. Я постаралась распределить все честно, как могла. А мне уже ничего не надо. Просто совсем ничего. Я не могу произнести «муж». Прощай, Саша!

22 января. Маргарита – Маше.

Машуля! Девочка! Я жду тебя. Я постараюсь встретить. Если вдруг не смогу, то приедет Василий, шофер. А я тогда приготовлю обед. Чего бы тебе хотелось? Любое твоё желание, девочка, будет исполнено. Только вот звезду с неба достать не смогу. Спроси у Саши, что нужно приготовить для девочек. Комната уже готова. На третьем этаже. Я даже сделала там ремонт. Там сейчас все в розовых цветочках. И кукла «барби» лежит. Может, перебор?

Целую, моя родная. И жду. До завтра.

22 января. ♂

Здравствуй, жена! Любимая жена. Ты сколько угодно можешь пугать меня и рассказывать, какая ты планомерная негодница. Я давно понял, я давно знаю, какая ты, и какие силы и какие соображения тобой руководят. Иначе я не был бы писателем. А я писатель. У нас обостренны все чувства (я про настоящих литераторов, прости за пафос), все нервы наши - снаружи. Могу ли я не чувствовать тебя – человека, которого люблю. Я

люблю и твою мрачность, и твою весёлость, и радушие твоё, и даже мстительность, может быть. Ты – личность! Я люблю в тебе всё. И даже твои размышления о ядах!

Скажу больше. Твои думки о суициде мне тоже интересны. Ты как маленькая-маленькая девочка. Смотришь на звёзды и спрашиваешь себя: а что будет, если я умру? Будет ли плакать мальчик Саша из соседнего дома? Да, конечно же, будет! А вдруг, не будет? Как бы узнать это наверняка?!

Ты – моя девочка. Я – твой мальчик. Мы любим друг друга – каждый по-своему, каждый – по-разному, но любим. И ты не убедишь меня в обратном.

Конечно же, всё ради Маши! Конечно! Но и ради себя немножко ты начала писать мне. И не ошиблась. У тебя всё получилось, но я до сих пор не могу разглядеть в твоих действиях коварства. Его нет. Ты подспудно, неосознанно двигала себя навстречу твоему грядущему душевному успокоению. И навстречу моему успокоению тоже. И у тебя всё получилось. И я благодарен тебе. Думаю, и Маша тоже. Да и тебя, похоже, вполне устраивает результат.

Я сейчас тихонько смеюсь. Нет, ласково смеюсь тебе. Можно сказать, улыбаюсь. Вспомнил наши неожиданно нежно-жаркие ночи в шикарной каюте «Аиды». Гул моря, едва доносящаяся вибрация машин, крик ночных чаек, далёкая музыка из ресторана на верхней палубе, твой шепот, твой смешок, смутивший меня в самый неподходящий момент! Всё было волшебно. Ты была по-прежнему молода и прекрасна – но в сотни тысяч раз прекраснее, по сравнению с той, которая однажды 20 лет назад оказалась ночью в моей Питерской квартире. Вот в этой квартире, по которой сейчас носится наша с тобой дочь, закидывая в чемодан свои тряпочки.

Она внезапная. Как и ты. Сидела-сидела возле своего нбука, вдруг сорвалась - «Я полечу сегодня!». Похоже, она очень соскучилась по тебе, Марго. Так что ты там потихоньку выгоняй своих нотариусов, откладывай завещания, выливай свои цианистые капли и прочие мышьяки и синильные кислоты в унитаз и готовь Маше борщ! Она его сильно полюбила! Я сейчас тоже одеваюсь и провожаю Машуту в аэропорт. Представляешь, она уже успела поменять билет! В инете. Отлёт в 23.10. Через 3-4 часа ты её увидишь!

Мне жалко её отпускать, но я понимаю, что она – твоё лекарство. Ты сохнешь без неё и наполняешься вездесущей глупостью. Чуть позже прилечу и я, мы с девчонками тоже постараемся стать для тебя и валерьянкой, и аспирином, и Айболитом. Надеюсь, уложусь в две недели. А ты прекращай прощаться со мной в каждом письме и оплакивать себя, я знаю, ты другая.

Сейчас Маша спросила, что нужно еще приготовить в Мюнхене для девочек. Ты обклеила их комнату розовыми обоями? Люблю тебя!

Мы побежали! Пиши! Целую!

24 января. ♂

Эй! Привет, жена! Вы там нацеловаться не можете? А мне сообщить, как встретились? Жду отчета!

24 января. Мария.

Саша, привет. Я долетела отлично. Мы с мамой оба возле монитора, я печатаю – у неё разболелась кисть. Она шлёт тебе объятия (показывает руки во всю ширь и смеётся) и вообще она молодец. Ждём тебя с малышками, мы к встрече готовы, так что приезжайте скорее. Целуем тебя.

24 января. ♂

Ура!

Привет, родные! Могли бы и сразу написать!

Я тут понял, что уже не могу без вас. Не выдержать мне здесь еще две недели, все дела перепоручил агенту, надеюсь, не напортачит. В общем, завтра утром мы вместе с

няней и девушками выезжаем к вам поездом. Что-то страшновато самолётом девок тащить, ушки заболят – намучаемся там с ними! Не волнуйтесь, няне уже заказан обратный билет – на вечер дня нашего приезда, улетит из Мюнхена «боингом». Баба Неля с радостью согласилась – она не летала ни разу в жизни. А в поезде мне с ней будет спокойнее – она няня великолепная.

Всё, я спать, чего и вам желаю! Только сегодня, убежавшись, оформил все выездные документы. Завтра вам уже написать не успею. Обнимаю вас крепко-крепко! До встречи.

25 января. ♀

Мы с Машей ждём. Счастливого вам пути. Целую.

.....
.....
.....

9 февраля. ♂

Здравствуй, Машенька. Как ты там?

Извини, что оставил тебя в трудное время.

Я добрался нормально. Только пусто в моей Питерской квартире. И в душе теперь пусто. Сейчас ночь. Я пью виски. И вот разговариваю с тобой. Поверь, доченька, больше не с кем.

В самолёте мы не общались. Чувствую свою вину перед стариками. За Марго. Отец её вообще на меня ополчился – сразу после прощания с Маргаритой. Это было заметно. Бабушка твоя добрее, но тоже на меня глаз не подымала, да и неважно она самолёт перенесла. В аэропорту посадил их в такси, и больше мы пока не контактировали. Понятно, им тоже невероятно тяжело. Надо бы им позвонить что ли? Неудобно как-то. Они ведь смерть дочери крепко связали с моим появлением в её жизни, и их не разубедить. Они старенькие.

Больно, больно, как же больно, Машенька. Она ведь хотела жить, хотела! Это она на словах всё смертью бравировала, а в душе надеялась жить долго. Долго и вместе с нами. Как жаль, что мне так и не удалось обменяться с нею хоть парой слов. Я сейчас корю себя за то, что не отправился к вам воздухом – тогда бы успел! Тогда у нас было бы с нею еще целых полтора дня! Умереть за полчаса до встречи – такую шутку со мной могла сыграть только Марго!

Спасибо тебе за всё, Машенька! И прости мне мой ступор. Я не разговаривал с тобой, а, наверное, мне нужно было просто сидеть рядом и хотя бы держать тебя за руки. Но я эгоист. Я окунулся в горе в одиночестве, забыв об окружающих. Слишком всё было неправдоподобно – накануне счастья.

Я, кажется, пьянею. Извини. Просто ни фи́га не ел сегодня.

Завтра надо искать агента. Куда-то пропал, а без него теперь не могу завершить свои дела. И родителям Маргариты постараюсь обязательно позвонить.

Поцелуй за меня наших девочек.

И, пожалуйста, попроси Ингу, чтоб не кормила их особенно яблочным пюре. Они его любят, но потом мучаются пузами. Конечно, мне хотелось бы, чтобы няня у девочек была носителем русского языка. Немецким они так и так овладеют, а вот родной язык могут забыть. Но этот вопрос мы с тобой, думаю, разрешим.

Говорил бы и говорил с тобой. Мне становится как-то легче. Хочется верить, что и тебе становится легче, хотя я просто не знаю, как можно облегчить твои страдания. Держись, девонька. Держись, любимая.

Я завтра обязательно напишу. И ты. По возможности, ладно?

Обнимаю тебя.

9 февраля. Мария.

Папа! Я плачу! Сегодня из Швейцарии курьер доставил посылку. Много-много картона, много-много бумаги. И внутри – шкатулка из синего бархата. Там – мама. Там – алмаз. Я плачу! Ты приедешь?

10 февраля. ♂

Машенька! Прости, мне пока никак не вырваться! Тут у меня беда – издательство обанкротилось. Без предупреждения. В общем, засада. Кучу денег ухнули, а книги нет! Да что я! Как ты там?! Не плачь, не плачь! Или плачь.

Марго, Марго! Она осуществила свою мечту – теперь она алмаз! Господи!!

Я еще напишу. Держись, Машенька!

Ты назвала меня папой. Меня никто никогда так не называл. Я очень тебя люблю, доченька!

10 февраля. ♂

Ты прости, я немного выпил. Что-то плохо совсем. Мне бы тебя успокоить, а я сам успокоиться не могу. Может быть, так и надо – перерыдать, перетрястись в ознобе, чтобы потом было спокойно. Чтобы смириться. Как смириться? Хоть волком вой. Я слаб?

Ты мой единственный родной человек, Машута.

Куда она делась, наша Марго? Насовсем ведь куда-то делась.

Её неживая хрупкость горела в гудящем пламени. А потом на неё страшным давлением навалились все тяжести мира и сжали пепел до алмаза. Сдавили нашу Марго. Зачем это ей было нужно? Зачем этот алмаз, на который нельзя будет смотреть без жуткой боли? Или эта наша боль – продолжение Марго? Она хотела, чтобы так? Она хотела. Но она слишком велика, чтобы уместиться в маленьком алмазе. Правда ведь?

Не знаю, захочу ли я когда-нибудь заглянуть в эту шкатулку из синего бархата.

Не спрашиваю, как там девочки. Знаю, что всё в порядке. Чувствую.

И знаю, что ты сильная. Это из меня ушли все силы. Но они вернутся. Обещаю.

Целую тебя.

10 февраля. ♂

...нял какие-то таблетки. Фигня. Всё-таки алкоголь лучше всего разжижает беду. А у меня беда, между прочим. Всё сразу. Пойду спать. Цеую.

11 февраля. ♂

Машенька! Прости меня. Я не должен был расклеиваться! Вижу, послал тебе ночью абракадабру! Пожалуйста, не осуждай! Я прилечу сразу, как только вырвусь из дел, я очень скучаю!

12 февраля. ♂

Маша, здравствуй. Как вы там?

Напиши мне что-нибудь.

Я ненавижу себя! Вчера вечером уронил ноутбук, сосед обещал починить, пишу тебе из интернет-кафе. Собственно, и писать-то не о чем. Успехов пока нет. Держитесь там. Обнимаю, любимая!

14 февраля. ♂

Маша, прости! Я опять в интернет-кафе. Сосед обещал сегодня вернуть ноутбук. Ты мне не пишешь! И я это заслуживаю! Я пьян опять. Вчера умерла баба Неля. Нянечка моя померла – дома, во сне – сердечный приступ. Завтра похороны на Серафимовском. И никаких алмазов. Она была хорошим человеком. Одинокая. Всю свою любовь не востребовавшую отдала моим девочкам. И померла! Очень-очень её жаль. Она звонила чуть ли ни каждый день: «Как там мои девочки у немцев?»

Завтра на кладбище буду я, соседи и кто-то от собеса. А ты и не знаешь, что такое собес. О, это явление! Это сеть государственных контор, курирующих в России уровень нищеты. Кому нужно, чтобы страна была нищая? Не страна, народ.

Признаюсь тебе, у меня швах с деньгами. Вложенные в издательство, похоже, не вернуть, а запасы стремительно исчезают. Но, думаю, прорвёмся. Жду новостей от переводчиков. Сейчас рассматриваются две книги на предмет перевода для англоязычных читателей. Как только дела прояснятся – сразу лечу к вам.

Целую вас всех!

14 февраля. ♂

Починил, называется! Все картинки черно-белые! Да и ерунда, главное могу тебе писать. Спокойной ночи, доченька!

.....
.....

17 февраля. ♂

Машенька, здравствуй! По телефону ты сказала, что всё хорошо, но голос твой дрожал. Ты плакала? Ты не сказала «приезжай». Ты боишься меня?

Машенька, я помню, ты говорила, что ненавидишь пьяных. Прости. Это пройдёт, я ж не алкоголик, просто это временное лекарство. Это уже проходит. Вечером у меня как-то много получается, а утром я по делам, я не пью. Просто Нели Сергеевну похоронили, и как-то вот задержалось настроение. После поминок. Душевные люди – её соседи.

Сегодня пить не буду, клянусь тебе!

Обнимаю тебя! Поцелуй девчонок!

Звонил твой дед, хочет зайти поговорить. Я ж им так и не позвонил. Думаю, познакомимся, наконец, покрепче.

.....
.....

24 февраля. ♂

Машенька, здравствуй, милая. Я безмерно виноват перед вами, и перед тобой в первую очередь. И перед Марго. Но твой дед пытался меня убедить в том, что я вообще во всем виноват! Да у него у самого рожа в пуху! Он, видите ли, убеждённый сторонник строгого воспитания! Да козёл!! Старый! «Риточка нуждалась в рамках»!! Да Риточке любовь нужна была, любовь!! Я его слушал и деревенел просто! Как же тяжело было с ними нашей маленькой Марго! Он пока трезвый был – еще как-то сдерживался, а как выпил, так его и пробило на исповеди! Воспитатель! Да изверг! И я не жалею, что выгнал его из своей квартиры! Хорошо, не убил! Полиция не дала, а то бы я его воспитал!

И не слушай деда, у меня всё хорошо. Будет тебе опять звонить – знай: он всё врет! Это не сумасшедший дом, это замечательная клиника имени Кащенко, одна из лучших, здесь просто лечат временные нервные расстройства.

Машенька, у меня всё скоро пройдет. Ты мне в больницу больше не звони. Я вижу твои вызовы. А мне телефон раз в день выдают - пока деньги на счету есть, я тебе сам буду звонить. Вечером. А так буду писать. Это медсестра Катя, она мне свой ноутбук для

писем одалживает по вечерам, когда дежурит. Попрошу соседа, чтоб мой ноутбук привёз. Не беспокойся, мне здесь очень уютно.

Пришли укол делать. Привет Марго и девочкам. Целую вас.

28 февраля. ♂

С добрым утром, Маша! У нас солнечно и тихо. Тут очень красивая природа. Снег лежит, а солнце уже весеннее.

Представляешь, у меня хотели отобрать ноутбук! За то, что я ночью играл в косынку со звуком! Я ж под одеялом играл, никому в палате не мешал. Меня перевели из отдельной палаты в общую. Не думаю, что это из-за моей медицинской страховки. Они сказали, что она кончилась. Думаю, просто они посчитали, что я уже не опасен. В общем, всё хорошо. На ужин была рыба с пюре. Рыба, кажется, минтай. Или хек. Я не разобрался, а на кухне мне отказались отвечать. Сказали: ешь, что дают! Вот они – советские пережитки.

Я попросил Колю, водителя знакомого, он обещал оплатить мне интернет на следующий месяц. Очень хороший человек.

Как там Марго, девочки? Как твои успехи, что делаешь? Напиши мне. По телефону ты мне ничего не говоришь, и настроение у тебя, мне кажется, не очень весёлое. Что-нибудь с учебой? Молчишь в трубку, а я знаю, что ты у меня болтушка!

И Марго не звонит! Вот выпишусь – сразу к вам! Мне не говорят, когда выпишут, но чувствую себя отлично. Таблетки уже не принимаю. Вернее, делаю вид, что принимаю, а потом спускаю в унитаз! Умора! Они думают, что я сплю, а я не сплю!

Интересно наблюдать за людьми, которые думают, что я сплю. Я тихонько сквозь щёлки ресниц подглядываю. Они меня боятся.

Девочки беспокоят, очень по ним скучаю. И по вам.

Напиши мне, Машенька, я жду.

Целую вас. Саша.

.....
.....
.....
.....
